Андрей Чернякевич

БНР

Триумф побежденных

Минск
Издатель А. Н. Янушкевич
2018

УДК 94(476)
ББК 63.3(4Беи)
Ч21

Научные рецензенты:
В. В. Швед, доктор исторических наук, профессор
В. В. Ляховский, кандидат исторических наук, доцент

Автор благодарит Андрея Вашкевича, Алеся Жинкина и Владимира Ляховского за предоставленные фотоматериалы

Чернякевич, А. Н.
Ч21 БНР. Триумф побежденных / Андрей Чернякевич. — Минск : А. Н. Янушкевич, 2018. — 302 с., [24] л. ил.
ISBN 978-985-7165-63-6.

Книга посвящена истории создания Белорусской Народной Республики – первого государственного образования в новейшей истории, благодаря которому белорусы заявили о своем праве на независимость и самоопределение. Автор уделил свое внимание прежде всего анализу деятельности правительственных структур БНР в 1918–1925 гг. В научный оборот введены новые документальные источники из Национального архива Республики Беларусь, Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства, Литовского центрального государственного архива, Государственного архива Российской Федерации.
Для широкого круга читателей.

УДК 94(476)
ББК 63.3(4Беи)

ISBN 978-985-7165-63-6

© А. Н. Чернякевич, 2018
© Оформление. Издатель А. Н. Янушкевич, 2018

Оглавление

Посвящается памяти моего учителя,
профессора Ивана Ивановича Ковкеля

ГЛАВА 1

Rising Nation: Первая мировая война и формирование идеи белорусской государственности

Скорее всего, еще не успев раскрыть книгу, будущие читатели уже разделились на тех, для кого первостепенное значение имеет вопрос — почему она написана не по-белорусски, и тех, кто просто интересуется избранной темой. Не берусь судить, кого окажется больше, но в том, что этот упрек прозвучит, не сомневаюсь. В истории создания Белорусской Народной Республики выбор языка сыграл определяющую роль. Он же в какой-то мере и предрешил ее судьбу.

Нобелевский лауреат Чеслав Милош спустя много лет признавался, что белорусы остаются для него загадкой: «Огромная территория, населенная все время угнетаемой массой, говорящей на языке, который можно определить как мост между польским и русским, с национальным самосознанием, являвшим самый поздний продукт националистических движений в Европе, с грамматикой, составленной только в XX веке. Здесь мы сталкиваемся с неустойчивостью каждого определения, любой дефиниции...»[1]

Уже изначально основной проблемой формирования белорусского национального движения было выяснение определяющих национальных черт. При этом понятие «белорус» свободно перемещалось от языковой идентификации к религиозной и далее — в сферу социальную. Уничтожив первые

1. Miłosz C. Rodzinna Europa. Kraków, 2001. S. 69. Более подробно на тему формирования белорусской идентичности см.: Токть С. Белорусская идентичность // Перекрестки. 2007. № 3–4. С. 202–230.

ростки национального, едва начавшие появляться среди местных элит, Российская империя косвенно повлияла на характер будущего белорусского самосознания. Даже географически «Белая Русь» нашла себя не сразу. Это именно имперские ученые положили начало формированию представления о Беларуси, пока само это название не закрепилось неофициально почти за всеми губерниями так называемого Северо-Западного края. Экономическая политика царских властей привела к тому, что в Москве и Петербурге накануне Первой мировой войны этнических белорусов проживало больше, чем в любом из городов на территории самого края: перепись 1897 г. насчитала в Минске всего 8,2 тыс. белорусов, тогда как в Москве их было 16 тыс., а в Петербурге — 66,5 тыс.[2] Не удивительно, что сама Беларусь представлялась как «микромир отсталого аграрного общества последнего периода царской империи»[3].

Постепенно складывался образ народа, начисто лишенного каких-либо созидательных качеств. «Психические и бытовые особенности белорусского крестьянства, — утверждала энциклопедия Брокгауза и Ефрона, — могут быть рассматриваемы как результат его исторических судеб. Окруженные сильными народностями и тем прикрепленные к своей скудной террито-

2. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка 1918–1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці. Смаленск, 2015. С. 48. Подробнее об этимологии понятия «Беларусь» и его эволюции см.: Латышонак А. Нацыянальнасць — беларус. Вільня, 2009.
3. Смалянчук А. Беларускі нацыянальны рух. Ад «культурнага накаплення» да барацьбы за дзяржаўнасць. Пачатак XIX ст. — 1918 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kamunikat.org/7988.html. Дата доступа: 10.11.2016; Булгаков В. История белорусского национализма. Вильнюс, 2006. С. 37, 129, 156–157, 163, 178–192; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej 1918–1940. Rozprawa doktorska. Toruń, 2012. S. 24; Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С. Белорусы: нация Пограничья. Вильнюс, 2011. С. 98, 102; Ліндnэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. СПб., 2003. С. 29. На тему российской политики на белорусских землях на рубеже XVIII–XIX вв. см.: Куль-Сяльверстава С. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур. Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. — 1820-я гг.). Мінск, 2000; Швед В. Паміж Польшчай і Расіяй. Грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.). Гродна, 2001; Марозава С. «Сваёй веры ламаць не будзем...»: супраціў дэўнізацыі ў Беларусі (1780–1839 гг.). Гродна, 2014.

рии, белорусы не развили предприимчивого колонизаторского и промышленного духа малороссийского племени, утверждавшего свой быт в постоянной борьбе с кочевниками. Рано развившееся крепостное право, отдавшее белорусского крестьянина во власть помещика, прикрепило его к земле, замкнуло его в круговорот своего примитивного хозяйства, результатом чего явились апатичность, отсутствие предприимчивости и другие отрицательные черты...»[4]

Для первых авторов, писавших на белорусском языке, он был лишь стилизацией народной речи, в каком-то смысле только еще более закреплявшей ее «плебейский» характер. Не случайно, услышав стихи своего друга Франтишка Богушевича, польская писательница Элиза Ожешко тут же захотела узнать, поймут ли их крестьяне из окрестностей Гродно, а Мария Богданович, мать будущего национального поэта, жаловалась в одном из писем после возвращения из деревни в город: «Вот только плохо, что [дети] стали говорить по-белорусски и иногда такое словечко выпалят, что хоть сквозь землю провались»[5].

Но именно необходимость в буквальном смысле найти общий язык между широкими крестьянскими массами и просвещенными сословиями во многом предопределила возникновение белорусского национального движения. Едва ли не впервые белорусский язык был использован как инструмент

4. Брокгауз Ф., Ефрон И. Новый энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 8. С. 960.
5. Цит. по: Булгаков В. История белорусского национализма. С. 32; Orzeszkowa E. Listy. T. II. Warszawa, 1938. S. 77; Запрудскі С. Беларускае мовазнаўства і развіццё беларускай мовы: 1920–1930 гг. Мінск, 2013. С. 93. Подробнее на тему «лингвистической прагматики» см.: Акудовіч В. Код адсутнасці (асновы беларускай ментальнасці). Мінск, 2007. С. 30; Куль-Сяльверстава С. Паміж Польшчай і Расеяй: моўная сітуацыя ў Беларусі ў канцы XVIII – XIX ст. // Беларусіка. Кн. 6. Мінск, 1996. С. 138–139; Михалюк Д. Революция 1917 г. в России и белорусское национальное движение // Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос: научные источники, новые взгляды. М., 2009. С. 93; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 41; Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С. Указ. соч. С. 90, 91, 93–94, 158; Булгаков В. История белорусского национализма. С. 119–125, 132–133, 170–171.

пропаганды во время восстания 1863 г. А уже спустя несколько лет в недрах российских университетов зарождаются нелегальные кружки студентов, члены которых условились разговаривать между собой только по-белорусски[6].

Примечательна история возникновения белорусского социалистического кружка в... Бутырской тюрьме из числа арестованных активных участников студенческих волнений. Только оказавшись здесь и услышав, как другие заключенные поют песни на своих языках, белорусские студенты осознали собственное место среди иных национальностей. Одновременно молодые радикалы Адам Гуринович, Мариан Абрамович, Наполеон Чарноцкий, Антон Левицкий (Ядвигин Ш.) обратились к идее автономии края[7].

Свой «белорусский акцент» имела и минская группа, состоявшая из выпускников различных российских университетов. Один из таких выпускников — Александр Слупский, сотрудничавший с редакцией местного «Минского листка», благодаря чему в газете регулярно публиковались материалы на историческую тематику. На ее страницах двадцатилетний

6. Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С. Указ. соч. С. 122, 124; Булгаков В. История белорусского национализма. С. 137–140; Ляхоўскі У. Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. — 1939 г. Беласток; Вільня, 2012. С. 19, 26, 28.

7. Идея автономии Беларуси в составе федерации народов России, «как равной с равными», впервые прозвучала во время правления Александра III. Инициатива исходила от кружка киевских студентов «Коммуна могилевцев» и белорусской фракции «Народной воли» в Санкт-Петербурге, состоявшей из членов бывшего витебского студенческого землячества Хаима-Израэль Ратнера, Александра Марченко, Станислава Настюшко-Буйницкого. В феврале 1884 г. белорусские народовольцы издают подпольный листок на русском языке «Гоман», в котором фактически впервые прозвучала идея существования самостоятельной белорусской нации. Именно на страницах «Гомана» впервые появился лозунг «Беларусь должна быть для белорусов». Правда, понимание «белорусскости» при этом строилось на социальных началах, чем-то вроде гражданской нации. «Белорусскому проекту» изначально в большой степени были присущи политические черты. «Гомановцы» открыто заявляли, что развитие белорусского языка — это забота будущего, чем отделяли себя от «любителей белорусскости», которым только еще предстояло появиться. Сами они видели себя в границах формулы «белорусы-революционеры-социалисты»: Ляхоўскі У. Ад гоманаўцаў да гайсакоў... С. 19–29; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 89, 92, 93.

Митрофан Довнар-Запольский печатает цикл статей, посвященных прошлому Беларуси. Фактически вся эволюция дореволюционной белорусской политической мысли укладывается в промежуток между двумя его работами: очерком «Белорусская свадьба и свадебные песни», увидевшим свет в 1888 г., и появившейся тридцать лет спустя брошюрой «Основы государственности Беларуси».

Там же, на страницах «Минского листка», в 1889 г. опубликовал свое первое стихотворение на белорусском языке «Вясновай парой» Янка Лучина — Ян Неслуховский, чьи стихи стали символом будущего белорусского национального движения. Именно Ян Неслуховский, Казимир Костровицкий (Карусь Каганец), Антон Неканда-Трепка сформировали представление о Беларуси как о чем-то вполне реальном и осязаемом, положив тем самым начало идее белорусского возрождения[8].

Рубежом стал 1891 г., когда в Кракове был издан сборник «Дудка беларуская» Матея Бурачка — Франтишка Богушевича, который не просто повторил мысль о том, что именно белорусский язык является главной национальной чертой, но, в отличие от своих предшественников, сделал это признание по-белорусски. Он же закрепил в народном воображении и контуры самой Беларуси: «От Вильно до Мозыря, от Витебска и почти до Чернигова, где Гродно, Минск, Могилев... и много городков и деревень»[9].

Это была во многом отчаянная попытка переломить ситуацию. «На рубеже столетий, — пишет Валер Булгаков, — у белорусов отсутствовала образованная и самоотверженная прослойка, на которой лежит основная нагрузка по распространению националистических идей и которая предоставляет

8. Смалянчук А. Гісторыя беларускага нацыянальнага руху... С. 200; Радзюк А. Гімназічныя атэстаты Івана і Антона Луцкевічаў // Горад Святога Губерта: альманах лакальнай гісторыі. Вып. 9 (2014) / рэдкал.: І. Соркіна [і інш.]. Гродна, 2014. С. 67.

9. Цит. по: Булгаков В. История белорусского национализма. С. 209. Причем это был рубеж в прямом смысле слова — из семнадцати книг на белорусском языке, изданных за всю вторую половину XIX в., точнее начиная с 1864 г., шестнадцать вышли после 1891 г.: Там же. С. 42, 44, 185, 265; Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С. Указ. соч. С. 126.

основные финансовые ресурсы, чтобы поддержать усилия по эффективной национальной пропаганде. Подавляющее большинство не собиралось обеспечивать кадры либо оказывать финансовую поддержку белорусскоязычным школам, националистической прессе, театрам или музеям. Ничтожное количество белорусскоязычных, занятых в системе образования, юриспруденции, медицине либо администрации, не позволяло поддержать первые инициативы националистического движения»[10].

Не случайно именно финансовый вопрос надолго станет ахиллесовой пятой национального движения. Историк Станислав Рудович отмечает в связи с этим: «Благодаря внушительным финансовым возможностям, наличию большого числа опытных профессиональных кадров общероссийские партии владели могучими каналами пропаганды, особенно печатной, с которыми и близко нельзя сравнить мизерные возможности белорусских национальных организаций и групп, находившихся на стадии зарождения и только разворачивавших свою деятельность»[11].

Начинаясь, по выражению Антона Луцкевича, как «процесс экономической... эмансипации белорусской деревни», белорусское возрождение оказалось в самом начале пути, который отнюдь не гарантировал получения этого самого политического статуса[12]. А. Луцкевич отмечал, что белорусское националь-

10. Булгаков В. История белорусского национализма. С. 278–279. Сравнение белорусской и украинской ситуации см.: Церашковіч П. Фарміраванне ўкраінскай і беларускай нацый у XIX — пачатку XX ст.: параўнаўчы аналіз сацыяльных рэсурсаў // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 1 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2006. С. 179–184.
11. Рудовіч С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. Мінск, 2001. С. 46.
12. Далее А. Луцкевич добавлял: «Деревенская полуинтеллигенция рвется к делу; и если в ее работе оказываются пробелы, если ей не хватает очень и очень многого, то все же в одном отказать ей нельзя: в признании идейности и национального самосознания... Это главным образом еще молодежь, учащаяся в средних и высших учебных заведениях; но каждый год дает юристов, врачей, инженеров, педагогов и т. д. — сознательных белорусов, неразрывно связанных с деревней, из которой они вышли... Совершенно отсутствуют элементы национального шовинизма, что ему чужды человеконенавистнические тенденции... Национальное пробуждение белорусов в целом характеризуется тем, что оно противодействует

ное движение имело характер «самозащиты». «Белорусский народ, — писал он, — только теперь вступает на путь самостоятельного культурного развития. Однако необходимо отметить, что современное белорусское национальное движение есть не что иное как возрождение: белорусы имеют серьезное историческое прошлое»[13].

Согласно материалам полиции, одной из первых белорусских «весьма ничтожных политических организаций» стал кружок минских гимназистов, созданный с целью «эмансипации белоруса как человека и гражданина»[14]. Почти все его члены принадлежали к дворянскому сословию, а многие начали свою общественную деятельность с польских патриотических кружков. Некоторые историки видят в подобном дуализме чуть ли не комплекс личной неполноценности, которым якобы страдали основоположники белорусского национализма. На самом деле нет ничего удивительного в том, что дети застенковой шляхты становились патриотами края, где большинство принадлежало к православным крестьянам[15].

Тот же А. Луцкевич вспоминал на допросе в НКВД: «В свои юношеские годы, еще на школьной скамье, под влиянием моего старшего брата Ивана [я] был захвачен белорусской националь-

шовинистической работе, которую ведут в Белоруссии два враждующих лагеря: русские и польские националисты, православное и католическое духовенство»: Lietuvos centrinis valstybes archyvas (далее — LCVA). F. 281. Ap. 2. B. 28. L. 32–33; Брокгауз Ф., Ефрон И. Новый энциклопедический словарь... С. 946–947. На тему «двойной адаптации» белорусского крестьянина см.: Токць С. Беларуская вёска на мяжы эпох: Змены ў этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны XIX — першай трэці XX ст.). Гродна, 2003. С. 192–193.

13. Брокгауз Ф., Ефрон И. Новый энциклопедический словарь... С. 942–944.
14. Смалянчук А. Гісторыя беларускага нацыянальнага руху вачыма чыноўнікаў Дэпартамента паліцыі. 1908–1913 гг. // Гістарычны альманах. 2002. Т. 6. С. 200; Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху: выбраныя творы / уклад. А. Сідарэвіч. Мінск, 2003. С. 223.
15. Гронский А. Белорусское национальное движение начала XX в. и его влияние на массы // Романовские чтения-2: сб. тр. междунар. науч. конф. / под ред. О. В. Дьяченко. Могилев, 2006. С. 14–16. Более подробно на тему взаимоотношений шляхты и белорусского движения см.: Токць С. Шляхта Беларусі і беларускі нацыянальны рух у другой палове XIX — пачатку XX ст. // Гадавік Цэнтра беларускіх студыяў. 2016. № 2. С. 13–142.

ной идеей. Знакомясь с историей Белоруссии и белорусского народа, который в далеком прошлом потерял свою интеллигенцию и сейчас представлял собой почти исключительно темную, несознательную национальную крестьянскую массу, мы мечтали о национальном возрождении этой массы, о выходе из нее новой национальной интеллигенции, которая должна заменить интеллигенцию польскую и русскую в крае. В ученических кружках мы в то же время знакомились с социальными науками и основными положениями учения Карла Маркса...»[16]

Осенью 1902 г. в Петербургском университете к братьям Луцкевичам присоединяются Алоиза Пашкевич, Винцент Янчевский и Вацлав Ивановский со своей невестой Сабиной Янчевской. Вместе они организуют Белорусскую революционную партию, руководствуясь прежде всего идеей, что социалистические лозунги, если их объяснять каждому народу на его родном языке, «показываются более ясно». Однако первая прокламация новой организации была выпущена на... польском языке[17].

Весной 1903 г. в Петербурге появляется «Круг беларускае народнае прасьветы і культуры», а уже в середине этого года в Минске возникает Белорусская революционная громада[18].

16. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 222. Старший из братьев, Иван Луцкевич, родился 9 июня 1881 г. в городе Шавли Ковенской губернии, где его отец в то время работал на железной дороге. Учился в Либавской гимназии. После смерти отца продолжил учебу в Минской гимназии. В 1902 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета и одновременно — в Московский археологический институт. Летом 1903 г. Иван Луцкевич на несколько месяцев попал в тюрьму, но этот арест только усилил его революционные взгляды. Спустя еще год, закончив учебу в Москве, И. Луцкевич едет в Вену, где учился в славянской семинарии при университете. В начале 1905 г. он снова находится в Санкт-Петербурге, где пытался закончить юридический факультет: Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Мінска. У 4 кн. Кн. 2. Мінск, 2002. С. 512.
17. Тогулева А. Беларуская сацыялістычная грамада: праблемы ўтварэння і палітычнай дзейнасці: дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 1996. С. 24–25; Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С. Указ. соч. С. 86, 92; Сідарэвіч А. Да гісторыі Беларускай сацыялістычнай грамады: агляд крыніцаў // Arche. 2006. № 4, 5, 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: arche.bymedia.net/2006-9/sidarevic906.htm; Turonek J. Wacław Iwanowski i odrodzenie Białorusi. Warszawa, 1992. S. 24.
18. В нее вошли братья И. и А. Луцкевичи, К. Костровицкий, В. Залезей,

По сути, это была первая попытка превратить деятельность сторонников белорусской идеи в самостоятельный политический проект. До сих пор малочисленные, полулегальные, больше похожие на землячества кружки пытались нащупать тот нерв, который позволил бы им на равных вести разговор с народом[19]. «Громадовцы», эти «горячие головы», собравшиеся перевернуть весь мир вверх ногами, как выразился о них Янка Купала, стремились найти свое место в общем потоке радикальных течений[20].

А уже вскоре произошла очередная смена названия партии, превратившейся из «революционной» в Белорусскую социалистическую громаду. С самого начала своего существования она заявила о себе как «социально-политической организации белорусского трудового народа». Ее основные цели сводились к уничтожению капиталистического строя, свержению самодержавия и установлению «краевой автономии с сеймом в Вильно». Одновременно произошел первый раскол в зарождавшемся национальном движении: Вацлав Ивановский сконцентрировался на издательской работе, тогда как братья Иван и Антон Луцкевичи вплотную занялись подпольной деятельностью[21].

И. Блонский, А. Шибуня, А. Власов, А. Трепка, К. Яновская. Кроме того, историк А. Тогулева относит к числу создателей партии В. Ивановского и А. Пашкевич, которые на тот момент оставались в Петербурге, Ф. Уместовского и Я. Хлебцевича из Вильно и членов гродненской организациии Польской партии социалистов (ППС) Ф. Эйдукевича, П. Шумова, братьев Трусковских и Б. Шушкевича: Тогулева А. Беларуская сацыялістычная грамада... С. 17; Вернигоров В. Политические партии России и Беларуси: страницы истории. Минск, 2006. С. 108.

19. Эти неуверенные, эмоциональные попытки чаще всего заканчивались провалом. Например, напечатанная Вацлавом Ивановским в родительском имении Лебедка газета «Свобода» была им же и уничтожена, вероятнее всего, в страхе перед возможными репрессиями: Turonek J. Wacław Iwanowski...; Тогулева А. Беларуская сацыялістычная грамада... С. 25.
20. Унучак А. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906–1915 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2005. С. 23.
21. Позже, в обновленной редакции своей программы, Громада выступила за создание Российской федеративной демократической республики: LCVA. F. 281. Ap. 2. B. 28. L. 39–40; Тогулева А. Беларуская сацыялістычная грамада... С. 17; Смалянчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 — люты 1917 г. СПб., 2004. С. 123; Біч М. Беларускае адраджэнне ў XIX — пачатку XX ст.:

До сих пор Вильно и Минск соперничали между собой за право называться культурным и политическим центром Беларуси, хотя как символическое и политическое пространство ни один из городов белорусам в то время не принадлежал. (Примечательно, что особое мнение по этому вопросу имела российская жандармерия; только если начальник Минского охранного отделения жаловался на неблагоприятное влияние Вильно, то начальник виленской охранки настаивал на том, что нелегальная белорусская деятельность идет как раз из Минска, тогда как Вильно всего лишь играет роль издательского центра[22].)

Сами прокламации и листовки конспиративно печатались в кооперации с польскими и российскими подпольными организациями. «Прокламации пошли в деревню и имели большой успех, — вспоминал позже А. Луцкевич, — а язык, на котором они были напечатаны, играл серьезную роль в деле пробуждения у белорусов национального самосознания, что нам казалось наиболее важным». Именно этот опыт послужил толчком к тому, чтобы начать выпуск легального издания на белорусском языке[23].

«Перед нами весьма любопытное явление, — замечал по этому поводу на страницах журнала “Тыгодник илюстрованы”

гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. Мінск, 1993. С. 13; Унучак А. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух... С. 23; Сідарэвіч А. Да гісторыі Беларускай сацыялістычнай грамады...

22. Бусько С. Палітычны кантроль над беларускім нацыянальным рухам у Расійскай імперыі ў пачатку XX ст. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 6 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2011. С. 12–19; Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада... С. 31. Стивен Гуцер пишет по этому поводу: «Наличие крупного города, который был бы белорусским по этническому составу и национальным приверженностям, было критическим условием национального движения. Эффективный национализм нуждался в магните, притягивающем скудные материальные и интеллектуальные ресурсы белорусского народа...» Цит. по: Булгаков В. История белорусского национализма... С. 281.
23. Согласно А. Луцкевичу, идея исходила от его брата Ивана. См.: Сідарэвіч А. Да гісторыі Беларускай сацыялістычнай грамады: агляд крыніцаў // Arche. 2006. № 4, 5, 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: arche.bymedia.net/2006-9/sidarevic906.htm; Вернигоров В. Политические партии России и Беларуси... С. 112; Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 223, 224.

(*Tygodnik Ilustrowany*) Войцех Барановский, — перерождение революционного движения в национальное. И эта трансформация происходит почти независимо от воли самих его инициаторов. Социалистический агитатор шел "в народ" будить ненависть к помещикам и протест против государственного строя... Сеяли ненависть к другим, а взошла из нее более сознательная любовь к своим»[24].

Первой подобной попыткой стала начавшая выходить в сентябре 1906 г. газета «Наша доля», в плане радикализма ненамного отличавшаяся от подпольных изданий. Она просуществовала всего три месяца, а из шести ее номеров четыре были конфискованы. Но в итоге был сделан очень важный вывод — на легальную белорусскую прессу в обществе существует определенный спрос, а сама она является беспрецедентной возможностью реализации невостребованных до сих пор творческих сил самого народа[25].

В последующие десять лет эту нишу заняла газета «Наша ніва», в которой и были сформулированы основные постулаты белорусской национальной идеи. Издание значительно расширило ряды адептов национального возрождения, объединив различных по своему социальному статусу авторов и читателей, а количество корреспондентов с момента основания издания увеличилось в несколько раз, достигнув около четырехсот человек[26]. Возможно, в масштабах империи эти достижения имели

24. Беларускі гістарычны агляд [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.belhistory.eu/unuchak-andrej-%E2%80%9Enasha-niva%E2%80%9C-i-belaruski-nacyyanalny-rux-1906%E2%80%931915-syargej-dubavec.
25. В небольшую редакцию «Нашай долі» входили Франтишек Уместовский в качестве технического редактора, Алоиза Пашкевич (Тетка), братья Иван и Антон Луцкевичи, И. Тукеркес: Цуба М. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі з пачатку Першай сусветнай вайны да Лютаўскай рэвалюцыі (жнівень 1914 — люты 1917 г.). Матэрыялы да курса «Гісторыя Беларусі». Мінск, 2006. С. 98, 100, 105.
26. Подробнее на эту тему см.: Казакевіч А., Асадчы А. Пачаць пісаць па-беларуску. Рэгіянальны і сацыяльны склад беларускага адраджэння, канец XIX — пачатак XX ст. // Палітычная сфера. 2011. № 1–2. С. 87–114. Редакция «Нашай нівы» по будням превращалась в школу и читальню, где среди прочего продвигались идеи неоунии. Кроме того, одновременно с появлением первой национальной газеты с интервалом в несколько лет начинают свою деятельность издательские товарищества «Загляне сонца

микроскопическое значение, но для белорусского общества они стали важным шагом на пути к «идеологической отчизне»[27]. Кроме того, выбор в пользу культурно-просветительской деятельности во многом позволил зарождавшемуся белорусскому движению избежать открытой конфронтации с властями[28].

Тот же А. Луцкевич одним из главных достижений «Нашай нівы» считал распространение среди белорусских учителей идеи о необходимости образования на родном языке. Проблема, однако, заключалась в том, что сами учителя активно поддерживали ассимиляционную политику властей[29]. Позже Полута Бодунова так объясняла это явление: «Запуганным учителям казалось, что введение белорусского языка в школах совершенно оторвет Белоруссию от России и, предоставленная самой себе, Белоруссия в силу своей политической неорганизованности отойдет вновь к Польше». В этом смысле учителя мало отличались от белорусских крестьян, которые воспринимали белорусских деятелей как разрушителей существующего порядка вещей[30].

Еще одним общественным институтом, включившимся в процесс белорусского нациообразования, становится католический костел. Это было не случайно, так как грамотность среди католиков на территории Беларуси была в два раза выше, чем среди православных. Уже с 1907 г. белорусский язык был

і ў наша ваконца», «Мінчук», «Беларускае выдавецкае таварыства», которые формируют рынок национальной печатной продукции: Унучак А. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух... С. 23, 102.

27. Меджецький В. Селяни у націотворчих процесах Центральної і Східної Европи у другій половині XIX — на початку XX століття // Україна модерна. 2001. № 6. С. 63.
28. Хотя отдельные белорусские деятели подвергались арестам, это было связано в первую очередь с их политическими, а не собственно национальными взглядами: Вернигоров В. Политические партии России и Беларуси... С. 112; Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 229, 316.
29. Унучак А. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух... С. 7; Меджецький В. Селяни у націотворчих процесах... С. 59; Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С. Указ. соч. С. 89, 91.
30. Первая попытка организовать белорусскую школу относится к 1906 г.: Ляхоўскі У. Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 гг.). Вільня; Беласток, 2010. С. 31; НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 19. Арк. 263–268.

формально легализован в костеле, хотя на практике там фактически не использовался. Кроме того, с конфессиональной принадлежностью напрямую был связан и выбор алфавита[31].

Зачинателями католического течения в белорусском движении стали слушатели и бывшие выпускники Петербургской митрополитарной католической духовной академии. Огромную роль в национальном становлении молодых католических клириков сыграл заведующий библиотекой митрополитарной академии, профессор Бронислав Эпимах-Шипило. В 1913 г. с благословения римского понтифика Пия X и при финансовой поддержке Магдалены Радзивилл в Вильно начал издаваться на белорусском языке католический еженедельник «Беларус» (*Biełarus*)[32].

Альтернативным вариантом формирования белорусского национального самосознания «на началах русской государственности» стало созданное в 1908 г. «Белорусское общество» во главе с И. Солоневичем и П. Коронкевичем (оба они работали в управлении Полесских железных дорог в Вильно). Идеологи общества, хотя и признавали необходимость политической самостоятельности белорусов в рамках империи, упрекали редакцию «Нашай нівы» в том, что своими публикациями она навлекает на все движение обвинения в сепаратизме[33].

Напротив, местные «кресовые» поляки оказались куда более прагматичными в белорусском вопросе, чем центральная власть. Белорусизация рассматривалась ими как способ противодействия влиянию российской армии и школы, но лишь

31. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 36; Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С. Указ. соч. С. 92, 95; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 37.
32. Ляхоўскі У. Ад гоманаўцаў да гайсакоў... С. 67–70.
33. Лавринович Д. Национальная платформа «Белорусского общества» (1908–1915) // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы: матэрыялы II Міжнар. навук. канф. Гомель, 2008. С. 71, 75. Сами центральные власти оказались не в состоянии предложить свой собственный вариант идентичности, который был бы способен динамично развиваться в условиях гетерогенности региона и кризиса традиционалистских представлений о «народности»: Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С. Указ. соч. С. 92, 97, 141; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 106; Смалянчук А. Гісторыя беларускага нацыянальнага руху... С. 203.

в отношении православной части населения[34]. Не случайно в своей докладной записке минский губернатор А. Гирс в конце января 1914 г. писал: «Исход национально-культурной борьбы зависит не от исторических прав той или иной народности, не от численного превосходства той или иной из борющихся национальностей, а от того, на чьей стороне превосходство в культурном и экономическом отношениях. Превосходство это до настоящего времени было и теперь остается на стороне элемента польского»[35].

И все же, в отличие от «западнорусизма» и «краёвой идеи», выполнявших идеологическую функцию «тутэйшасці», белорусское движение выступало как самостоятельный национальный проект, даже несмотря на то что братья Луцкевичи фактически присоединяются к «краёвому» движению, положив начало двум новым издательским проектам — «Вечерняя газета» и «Курьер крайовы» (*Kurjer krajowy*). Кроме того, виленские белорусы являлись членами тайных масонских организаций. Но все это было только попытками выйти за рамки когда-то выбранного пути культурного строительства. А. Власов, долгое время работавший редактором «Нашай нівы», писал: «Белорусское движение переживает теперь критический период, ...когда нужно от теории переходить к практике»[36].

В результате народ, от имени которого выступали творцы нации, стал одновременно и объектом исторических преобразований, и мерилом национального духа. Даже отцы-основатели, стоявшие у истоков белорусской идеи, были вынуждены

34. Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С. Указ. соч. С. 93, 130.
35. «Крупным недостатком окраинной политики, — добавлял далее губернатор, — было неумение использовать тот богатый и благодарный этнографический материал, который представляет собой белорусское племя, ...при внимательном к нему отношении со стороны правительства и при умении использовать его в национально-государственных целях могло бы выделить из своей среды крупные культурные силы» (Lietuvos mukslu akademijos Vrublevskiu biblioteka Rankrašciu skirus (далее — LMAVB). F. 43. B. 25167. L. 7 ap., 10 ap.).
36. Унучак А. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух... С. 36, 105; Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху. С. 227–228; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 32–33.

время от времени представлять доказательства собственной национальной идентичности. Достаточно вспомнить конфликт Антона Луцкевича с представителем виленских «краевцев» Людвиком Абрамовичем, который летом 1913 г. в своей статье в «Пшеглёнд Виленьски» (*Przegląd Wileński*) позволил себе прямо усомниться в «белорусской сущности» будущего премьера БНР[37].

Кроме того, уже на стадии становления в белорусском движении проявилось сильное деление на различные внутренние группы и течения, которое только отчасти можно объяснить идеологическими расхождениями. На это накладывались родственные и личные связи между белорусскими деятелями, игравшие порой решающую роль в формировании их политических пристрастий. Речь здесь идет скорее о центрах влияния, каждому из которых соответствовала та или иная авторитетная личность, что, в свою очередь, становилось источником для возникновения скрытых до определенного времени конфликтов[38].

Поворотным моментом в истории белорусского национального движения стала Первая мировая война. Массовая мобилизация и беженство совершенно изменили соотношение сил в регионе. Часть белорусских деятелей оказалась в армии, часть — в эвакуации. Всего за несколько месяцев было уничтожено почти все, что создавалось на протяжении последних лет. «Наша ніва» в очередной раз была обвинена в предательстве интересов России. 7 августа 1915 г. вышел последний номер газеты.

Война стала мощным катализатором этнополитических и этнокультурных процессов в регионе. Менее чем через год после ее начала виленский губернатор утверждает статут «Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны» — фактически первой общенациональной легальной организации. И хотя главной ее задачей являлась благотворительная деятельность, без преувеличения можно сказать, что с созданием «Таварыства» было заложено организационное ядро будущей белорусской респу-

37. LCVA. F. 281. Ap. 2. B. 31. L. 10.
38. Валахановіч А., Міхнюк У. Споведзь у надзеі застацца жывым: аўтабіяграфія Б. Тарашкевіча / рэд. А. С. Ліс. Мінск, 1999. С. 21–22.

блики. Не случайно возглавлявшие его В. Ивановский, В. Ластовский, А. Луцкевич, Р. Скирмунт, каждый в свое время, будут руководить структурами БНР[39].

«Белорусское возрожденческое движение, — писал позднее известный белорусский публицист и литератор Змитрок Бядуля, — не смогло сделать того, что сделала империалистическая война за два года. Наилучшим агитатором в деле пробуждения ото сна белорусских крестьянских масс была сама жизнь — ненормальная, выбитая из вековечной колеи военными событиями на Беларуси. Тут было настоящее переселение народов: тысячные потоки беженцев из белорусских деревень ушли в глубь России, а лица разных национальностей (в составе воинских фронтовых отрядов, военно-хозяйственных организаций) оседали в наших городах и деревнях... Это бурное время было самой лучшей живой агитационной книгой для белорусских крестьянских масс»[40].

Если восточные белорусские губернии переживали благодаря дислокации огромной армии наплыв выходцев из центральных районов России, то оккупированную территорию на западе края были вынуждены покинуть около 850 тыс. православных жителей и практически все православное духовенство. Сама Беларусь оказалась разделена фронтом, прошедшим по линии Двинск — Браслав — Поставы — Сморгонь — Барановичи — Пинск, которая почти повторяла линию второго раздела Речи Посполитой. Было ли подобное совпадение случайным стечением обстоятельств или оно стало зримым выражением стратегии немецкого военного командования, однозначно утверждать сложно[41].

Немецкое видение будущего Обер-Оста — так звучало сокращенное наименование территории верховного командования на Восточном фронте (*Gebiet des Oberbefehlshabers Ost*) —

39. Щавлинский Н. Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Минск, 2001. С. 13.
40. З. Б. (Бядуля З.). Думкі беларускага адраджэнца // Савецкая Беларусь. 10.05.1923.
41. Lopata R. W kręgu projektów odrodzenia Wielkiego księstwa Litewskiego (1915–1916) // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia Historica. 2001. T. VII. S. 156; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 38.

долгое время оставалось неопределенным. Сама же оккупация преподносилась как культурная миссия, а понятия «цивилизованность», «модернизация» и «германизация» выступали в качестве синонимов[42].

Оставшиеся на оккупированной территории Иван и Антон Луцкевичи вместе с Вацлавом Ластовским приступают к «перезагрузке» старого национально-культурного проекта. Осенью 1915 г. в Вильно был организован Белорусский национальный комитет, ставший, по словам С. Рудовича, «коллегиальным носителем белорусской идеи»[43].

Пока Берлин в срочном порядке приводил принципы своей восточной политики в соответствие с ситуацией на военном фронте, Комитет попытался выработать общую стратегию взаимоотношений с немецкими властями. Белорусы призвали к возрождению... Великого Княжества Литовского, заявив о том, что, «освободившись от российской неволи», они имеют полное право «стать хозяевами на своей земле». В начале 1916 г. в Вильно был издан манифест Конфедерации Великого Княжества Литовского, провозгласивший стремление к «самостоятельности Литвы и Беларуси в виде единого государства»[44].

42. Сначала предполагался переход этих земель лишь под временное управление, но уже вскоре стало понятно, что они останутся под непосредственным немецким управлением либо «войдут в длительные, устойчивые связи с Германией». В результате здесь было создано шесть административных округов. Еще через год они оказались сведены в три округа: «Курляндия», «Белосток — Гродно» и «Литва». Наконец, в феврале 1918 г. была создана Военная администрация Литвы, которая делилась на две области — Литва-север и Литва-юг: Ibid. S. 39–40; Баціс М. Ober Ost і нямецкая акупацыя Гародні ў Першую сусветную вайну паводле дзённіка Курта Кламрота // Гістарычны альманах. 2012. № 18. С. 45, 56–58, 70; Горадня 1916 г. на старонках дзённіка ротмістра Курта Кламрота // Горад Святога Губерта: зб. краязн. арт. Вып. 6 (2012). Горадня, 2012. С. 52.
43. В его состав вошли барон Ропп, князь Винцент Святополк-Мирский, дворянин Казимир Шафнагель. При этом главными идеологами национального движения были все те же несколько человек из числа бывших «нашенивцев» (сами братья Луцкевичи слабо говорили по-немецки, и первое время роль переводчика в общении с военными властями выполняла Юлиана Менке, дочь виленского торговца): Рудовіч С. Час выбару... С. 75; Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 230; Вітан-Дубейкаўская Ю. Мае ўспаміны. Вільня, 1994. С. 15.
44. «Мы сознавали, — вспоминал А. Луцкевич, — что в случае победы Германии судьба нашего края предрешена: в лучшем случае он будет представ-

В конце концов немецкие военные не только сумели отыскать на занятых территориях среди местного «полонизированного и такого отсталого» населения белорусов, но и, руководствуясь бессмертной формулой *divide et impera*, взять их под свою опеку[45]. Жителям Обер-Оста выдавались паспорта на белорусском языке, а вскоре белорусы впервые получили право на легальную деятельность школ с национальным языком преподавания. «Мировая война, — отмечал позже офицер польского генштаба, автор так называемого “Краткого очерка белорусского движения”, — вынудила Германию, которая сражалась против сильного врага, использовать все его слабые стороны... Белорусы были одной из них... Поэтому во время оккупации немецкая сторона стала поддерживать движение интеллигенции, основывать школы и создавать таким образом благоприятную для себя атмосферу среди белорусских деятелей»[46].

лять одно мелкое государство, возглавляемое каким-нибудь немецким принцем, в составе германской империи. Но мы допускали и другой исход войны... Германия разобьет Россию, но западные государства в конце концов разобьют Германию... Мы решили использовать все возможности, напрячь все свои силы в том направлении, чтобы поставить мир перед лицом свершившегося факта восстановления Великого Княжества Литовского, как оно существовало до соединения с Польшей. Под оккупацией находилось как раз основное ядро древнего литовско-белорусского государства — с почти равным количеством белорусов и литовцев. Необходимо было от этого ядра начать восстановление Великого Княжества, а там, в будущем, быть может, присоединятся и остальные белорусские земли...»: Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 231. Скорее всего, сам текст манифеста был написан Иваном Луцкевичем. Предполагалось, что это будет белорусско-литовская конфедерация или федерация. Это, вероятно, одна из последних инициатив виленского масонства добиться согласия между различными национальными группами. Подробнее на тему конфедерации см.: Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 41–42; Щавлинский Н. Белорусское национальное движение... С. 17–19, 23; Сідарэвіч А. Да гісторыі Беларускай сацыялістычнай грамады...; Міхалюк Д., Рудлінг П. А. Ад Вялікага Княства Літоўскага да Беларускай Народнай Рэспублікі: ідэя беларускай дзяржаўнасці падчас нямецкай акупацыі беларускіх зямель // Журнал беларускіх даследаванняў. 2014. Ч. 7, № 2. С. 16–17.

45. Гімжаўскас Э. Беларускі фактар пры фармаванні Літоўскай дзяржавы ў 1915–1923 гг. Беласток; Вільня, 2012. С. 56.
46. Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawie (далее — CAW). II oddział Sztabu Generalnego. Sygn. I. 303. 4. 2659. K. 30; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 40; Ляхоўскі У. Школьная адукацыя ў Беларусі... С. 119–135.

Хотя немцы и допускали существование белорусского движения на территории Обер-Оста, финансирование белорусских деятелей оставалось скудным и в значительной степени зависело от их собственных возможностей[47].

Знаковым событием стал выход в феврале 1916 г. белорусской газеты «Гоман», надзор над содержанием текстов в которой осуществлял ландштурмист первого запасного батальона 47-го пехотного полка Эдвард Зуземиль[48]. Первым отметил своеобразный феномен этого человека историк Веяс Люлевичюс в своей работе «Территория войны на восточном фронте» (*War Land on the Eastern Front*). «Один немецкий солдат, — заявляет исследователь, — который был в состоянии писать по-белорусски, как утверждали официальные лица, со временем сам начал ощущать себя белорусом. Этот переводчик Зуземиль стал таким горячим представителем белорусских интересов, как это только может немецкий идеалист. Его увлеченность белорусским движением была такой сильной, что просто тяжело себе представить. Он даже взял на себя некоторую политическую инициативу в решении этого вопроса...» Позже сам Зуземиль

47. Например, чтобы уладить конфликт вокруг первой белорусской школы в Вильно, которая заняла бывшее здание еврейской школы, Иван Луцкевич был вынужден передать еврейскому сообществу ценные экспонаты из собственной коллекции. Зарплаты белорусским учителям были самыми низкими по сравнению с педагогами других школ, да и те выплачивались нерегулярно. Некоторые суммы на содержание благотворительных институтов выделяла виленская диецезия, но и они все время уменьшались. Кроме того, во время немецкой оккупации Иван Луцкевич продолжал собирать экспонаты для своего музея, выступая посредником при продаже антиквариата: Ляхоўскі У. Школьная адукацыя ў Беларусі... С. 119; Вітан-Дубейкаўская Ю. Мае ўспаміны. С. 44.
48. Согласно договору между братьями Луцкевичами и В. Ластовским, с одной стороны, и отделом печати Обер-Оста — с другой, издание должно было распространяться на весь округ и «там, где будет указано». Всю ответственность за содержание газеты, надзор и ведение дел брал на себя В. Ластовский, который обязался издавать ее дважды в неделю — по вторникам и пятницам. Если издатели без разрешения командования приостанавливали выход газеты, их ждал штраф в три тысячи марок. Кроме того, они должны были бесплатно размещать сообщения немецких информационных служб. Немецкие власти выдавали 75 марок на корректора, которые получал Франтишек Алехнович: LCVA. F. 365. Ap. 1. B. 10. L. 9–9 ap.; Вітан-Дубейкаўская Ю. Мае ўспаміны. С. 56.

писал о себе как о создателе не только белорусского движения, но и... самого белорусского народа[49].

Летом 1916 г. И. Луцкевич принимал участие в III конгрессе угнетенных наций в Лозанне с идеей создания «Соединенных Штатов от Балтийского до Черного моря». При этом им подчеркивалось, что реализация подобного плана возможна лишь при «полном упадке российской государственной системы». Но вместо объединения итогами поездки И. Луцкевича стали охлаждение в литовско-белорусских отношениях и раскол среди самих виленских белорусов[50].

По другую сторону фронта, на подконтрольной российским властям территории, политическая активность белорусских деятелей долгое время была сведена к нулю. Как позже отмечалось в одном из меморандумов, «старых деятелей судьба раскидала по всей России, а те, кто остался на своей земле, утратив связи с давним виленским центром, с огромным трудом искали силы для организации нового»[51]. Только в самом конце 1916 г. в Петрограде появляются сразу две белорусские газеты — «Дзяньніца» под редакцией Д. Жилуновича и «Светач» под редакцией Э. Будько. Одновременно в среде беженцев начинают создаваться различные клубы и кружки, типа оренбургского кружка белорусов, белорусско-украинского комитета помощи жертвам

49. Как ни удивительно, но с последним утверждением можно в некотором смысле согласиться. Правда, ландштурмистр «создал» белорусов не вообще, а только для немецкого командования, активно, насколько позволял его пост, продвигая идею о самостоятельности белорусской нации среди высшего армейского руководства. Следует заметить, что те белорусские деятели, кто был с ним знаком, не сомневались в его связях с разведкой и называли не иначе как «старый немецкий агент», «немецкий шпион» или «давний работник немецко-кайзеровской разведки в царской России»: Пашкевіч А., Чарнякевіч А. «Стары нямецкі агент» ці «бацька радзіміцкага народу»? // Arche. 2005. № 4. С. 148, 152.
50. В 1917 г. уже А. Луцкевич отправляется вместе с литовской делегацией в Берлин и Стокгольм, но эта поездка приносит еще большее разочарование. В итоге Виленский белорусский комитет направил канцлеру Германии меморандум с протестом против попытки литовцев создать собственное государство в ущерб интересам белорусов: Вітан-Дубейкаўская Ю. Мае ўспаміны. С. 58; Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 232; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 45–47, 50–51, 85.
51. Цуба М. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі... С. 130–131.

войны в Барнауле, клуба «Белорусская хатка» в Орле, белорусского национального кружка в Богородицке Тульской губернии, кружка белорусской социалистической молодежи в Калуге[52].

Ситуация коренным образом меняется с Февральской революцией 1917 г. То, что в условиях немецкой оккупации несло в себе прямую угрозу для национальной идеи, в условиях российской революции стало ее главной движущей силой. Всплеск национальных движений среди народов бывшей империи не оставлял белорусам выбора и тащил их в самую гущу политической борьбы. При этом единственное, что они могли делать, — пытаться повторить опыт соседей: украинцев, латышей, литовцев, успевших создать собственные национальные структуры. Особенно в этом смысле был важен пример украинцев, которые почти сразу организовали Центральную раду и выступили с требованием широкой автономии.

25 марта 1917 г. на съезде белорусских национальных организаций минское отделение «Таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны» провозглашает себя Белорусским национальным комитетом и берет на себя роль координатора всего национального движения. Тогда же из небытия возвращается и Белорусская социалистическая громада[53]. Одновременно в городе проходят первые белорусские митинги. Правда, публичные выступления на белорусском языке вызывают далеко не однозначную реакцию, а иногда и плохо скрываемую враждебность. «Пра-

52. З жыцця і дзейнасці кс. В. Гадлеўскага: аўтабіяграфічны нарыс // Гарадзенскія запісы (старонкі гісторыі і культуры). Вып. I. Гародня, 1993. С. 123; Щавлинский Н. Белорусское национальное движение... С. 29–31; Рудовіч С. Час выбару... С. 76; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 125.

53. В состав комитета вошло восемнадцать человек: Роман Скирмунт — председатель, его заместители Павел Алексюк и Всеволод Фальский, члены комитета Леонид Заяц, Фабиан Шантыр, Аркадий Смолич, Евсей Канчер, Иван Красковский, Александр Бурбис, М. Коханович, Боборыкин, Винцент Годлевский, Дмитрий Жилунович, Эдвард Будько, Бронислав Тарашкевич, Казимир Костровицкий, Вацлав Ивановский, Леон Дубейковский: Рудовіч С. Час выбару... С. 87–93; Рудовіч С. «...Беларускі дзеяч з вялікіх паноў». Эпізоды палітычнай біяграфіі Рамана Скірмунта // Гістарычны альманах. 1999. № 2. С. 3–19; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 139–140.

вительственные органы и местное самоуправление, — отмечает С. Рудович, — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, командование и солдатские комитеты Западного фронта по способу создания, политической ориентации и личному составу были индифферентны или даже враждебны по отношению к белорусской идее»[54]. Поэтому Громада получила всего одного представителя в Минской городской думе, а минская организация партии осталась без собственного делегата в местном Совете, так как ее численность была меньше необходимого минимума[55]. Прошедшие уже позже, в середине ноября 1917 г., выборы во Всероссийское учредительное собрание наглядно показали, что белорусское движение еще не готово к широкомасштабной избирательной кампании: в Минске за белорусский список проголосовал всего лишь 161 человек![56]

В это время происходит резкая радикализация самого белорусского движения. Тот факт, что белорусский комитет, где большинство теперь принадлежало левым, до сих пор возглавлял крупный землевладелец Роман Скирмунт, было своеобразным анахронизмом. На очередном съезде национальных организаций 8–11 июля вместо Белорусского национального комитета была создана Белорусская центральная рада, где пост председателя перешел к И. Лёсику, который накануне вернулся из более чем десятилетней сибирской ссылки. Она провозгласила себя единственным руководящим и представительным органом «всего белорусского движения» и выступила с требованием национально-культурной автономии Беларуси[57].

54. Одновременно активизируются белорусские организации в самых отдаленных концах империи, где только можно было встретить беженцев с оккупированных губерний, — в Барнауле, Орле, Калуге: Рудовіч С. Час выбару... С. 45, 78–79.
55. Ляхоўскі У. Школьная адукацыя ў Беларусі... С. 184.
56. Для сравнения, еврейский блок получил 12 624 голоса, большевики — 9 521, польский избирательный комитет — 4 261: Смалянчук А. Палякі Меншчыны і беларускі нацыянальны рух 1916–1918 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.autary.iig.pl/smalanchuk/artykuly/palaki/palaki_mienszczyny.htm; Рудовіч С. Час выбару... С. 146, 164.
57. В состав исполнительного комитета Центральной рады вошли И. Лёсик — председатель, А. Смолич, В. Фальский, В. Левицкий и В. Голубок. Позднее, в августе 1917 г., его состав изменился: Канчер Е. Из истории

Но тут вновь возник вопрос: а собственно, кого считать «белорусом»? Уже на открытии первой сессии Центральной рады 5 августа 1917 г. вдруг выяснилось, что председательствующий на ней Петрашкевич плохо знает белорусский язык и будет вести заседание на русском. В ответ один из участников, ксендз А. Сак, потребовал, чтобы сессия велась исключительно по-белорусски. После того как его предложение было отклонено, ксендз покинул зал. Настроение, охватившее большинство делегатов, красноречиво выразила Полута Бодунова, заявившая: «Сначала социализм, потом — нация!»[58]

Внезапно оказалось, что народ — весьма относительный авторитет. Тот же И. Лёсик в этой связи замечал: «Наши крестьяне на съездах высказывались в том смысле, что им не нужна автономия, но делали они это по неразумению и темноте своей, а более всего в результате обмана, так как вместе с тем они говорили, что и язык им не нужен. Никто в мире не отрекается от своего языка... а наши крестьяне отрекаются. Значит — делают они это по неразумению и темноте... По тем или иным вопросам мы обращаемся к экспертам и специалистам, а вот при государственном строительстве удовлетворяемся мнением таких специалистов, как темный и некультурный народ... Народ — вещь хорошая, но ему необходимо рассказать, разъяснить, его необходимо сначала просветить, научить и только потом уже звать к себе на совет»[59].

Тем временем на территории Минской и Могилевской губерний начинается формирование Первого польского корпуса генерала И. Довбор-Мусницкого. Именно этот факт во многом заставил лидеров Белорусской громады, первоначально выступавших против национальной армии, пересмотреть свои взгляды. «Белорусы, — отмечает историк Александр Кукса, — осознали, что, насколько бы не были умеренны и законны их

общественных национальных и революционных движений белорусов // Нёман. 1993. № 4. С. 138; Турук Ф. Белорусское движение. Очерк национального и революционного движения белорусов. М., 1921. С. 91–92; Рудовiч С. Час выбару... С. 130–131.

58. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 15.

59. Лёсiк Я. Аўтаномiя Беларусi. Менск, 1917. С. 5–6.

требования, они должны опираться на белорусский штык. Благодаря в первую очередь активной деятельности С. Рак-Михайловского на протяжении каких-то двух-трех месяцев, с августа по октябрь, проходит целый ряд белорусских войсковых съездов, а российская армия покрывается густой сетью белорусских воинских организаций»[60].

«Совершенно неожиданно, — замечает один из современников, — на сцене появилась новая сила — белорусская армия... Причинами этого были или разочарование в России, или страх и нежелание принимать участие в гражданской войне»[61]. «Разоренная и опустошенная войной Белоруссия, — читаем в резолюции Съезда воинов-белорусов Северного фронта, — стоит перед угрозой насильственного отторжения ее от Российской республики и раздела по частям при мирных переговорах... Все это требует энергичного отстаивания своих интересов самими белорусами. Съезд воинов-белорусов Северного фронта призывает всех сынов Белоруссии стать грудью для защиты своей родной земли и Российской федеративной демократической республики»[62].

60. Кукса А. Центральная белорусская войсковая рада (ЦБВР) и ее тактика в национальном вопросе (октябрь 1917 — январь 1918 г.) // Гістарычны альманах. 2006. № 12. С. 123–124; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 145.
61. Кукса А. Указ. соч. С. 128. Одно из воззваний гласило: «Товарищей солдат и офицеров белорусов, желающих послужить на благо белорусского народа и для защиты трудового крестьянства от панов-угнетателей нашего края, просим записываться в национальное белорусское войско». См.: Jurkesha [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://jurkesha.livejournal.com/tag/БНР. Дата доступа: 31.10.2016.
62. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 69–73 адв. Тем не менее уже в самих этих декларациях отчетливо звучали идеи, которые вскоре приведут к провозглашению независимости Беларуси. Например, собрание белорусов 12-й армии Северного фронта в августе 1917 г. вынесло следующее постановление: «Будущее политическое Белоруссии как страны народности, имеющей свою общность происхождения, свой язык, свою территорию и культурное прошлое, должно выразиться в ее территориальной автономии с законодательным органом Белорусской Народной Республики»: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 18–18 адв. «Белорусский народ, — говорилось в декларации Белорусской военной организации в Петрограде, — еще на заре XIV в. создавший своими творческими силами высокий уклад политической и конституционной жизни в составе Великого Княжества Литовско-Русского, не может не стремиться и ныне к дальнейшему преем-

Осенью с целью формирования национальной армии создается Центральная военная белорусская рада[63]. Кризис центральной власти, нерешенность наиболее важных социальных вопросов, наконец, усиление польского военного присутствия подталкивали Центральную раду к более решительным действиям. «Мы, белорусы, наша революционная демократия, — подчеркивал на Всероссийском демократическом совещании 17 сентября 1917 г. Иосиф Воронко, — стоим за единство России и поэтому предлагаем принять все меры, чтобы национальные вопросы были решены в первую очередь, чтобы не получилось такого положения, что к решению национальных вопросов мы приступим в тот момент, когда враг уже нападет на территории, прилегающие к окопам»[64]. Не случайно именно тогда впервые прозвучала идея созыва собственного Учредительного собрания[65].

В середине октября Центральная рада белорусских организаций, заявив о своей готовности «защищать весь белорусский народ», в очередной раз была реорганизована — на этот раз в Великую белорусскую раду. Ее главой становится Вячеслав Адамович, а его заместителями — Аркадий Смолич и Александр Прушинский (Алесь Гарун). Последний был профессиональным революционером и недавно вернулся в Минск из ссылки[66].

ственному развитию своей самобытной национальной жизни и культуры в рамках федеративной Российской республики» (НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 5. Арк. 17–17 адв.).

63. В руководство Военной рады вошли С. Рак-Михайловский (председатель), генерал К. Кондратович, Ярушевич и Щерба: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 5. Арк. 43–46; Кукса А. Указ. соч. С. 125.
64. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 13–14.
65. Как пишет С. Рудович, «перспектива создания вооруженной опоры укрепила тенденцию по обособлению Беларуси от всероссийского хаоса путем создания автономной системы власти»: Рудовіч С. Час выбару... С. 137–140.
66. В состав исполкома Великой белорусской рады вошли: В. Адамович — председатель, А. Прушинский (Алесь Гарун), А. Смолич, С. Рак-Михайловский, И. Дворчанин, М. Шило и др. Один из первых принятых Радой декретов касался охраны лесов. «Получив сведения с мест об усилившейся опустошительной рубке лесов... — говорилось в нем, — признала это явление крайне губительным для Беларуси. Леса, достояние всего бело-

Тем временем в Петрограде к власти приходят большевики. В ответ Великая белорусская рада выступает с «Грамотой к белорусскому народу», призывая спасти край от «разрухи, распрей и кризиса» («бязладдзя, калатнi i заняпаду»)[67]. «Большевистское правительство, — писал на страницах газеты “Вольная Беларусь” один из лидеров Рады И. Лёсик, — которое мы признавали и признаём как правительство великорусских демократов, не заинтересовано в сохранении целостности территории бывшего российского государства. Оно озабочено мыслями, как начать социальную революцию там, где это не вызывает большой сложности... Но если большевики собираются купить себе мир ценой нашей Отчизны, ценой раздела Беларуси — мы должны решительно предупредить, что здесь хозяйничать мы не позволим!»[68]

26 ноября 1917 г. в Минске создается Областной исполнительный комитет Западной области и фронта — Облискомзап, который должен был сохранить в руках большевиков реальную власть на всей территории Западного фронта[69]. Не удивительно, что руководство Облискомзапа видело в национальном движении прямую угрозу своему влиянию[70]. Проблема, однако, заклю-

русского народа, его главное богатство, должны быть сохранены от истребления и расхищения...» (LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 23). См. также: Рудовiч С. Час выбару... С. 140–141. Кроме того, было избрано десять комиссаров, которые вместе с президиумом образовали так называемую Малую раду: Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 57.

67. В ней подчеркивалось, что Беларусь должна оставаться «демократической республикой, спаянной с Великороссией и другими соседними республиками России на основе федерации», а вся власть — принадлежать Краёвой раде. Грамота заканчивалась призывом объединиться вокруг Великой белорусской рады и принять участие во Всебелорусском съезде, который единственный вправе решать судьбу Беларуси: Рудовiч С. Час выбару... С. 146, 164.
68. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. Ap. 50.
69. Рудовiч С. Час выбару... С. 148–149. Облискомзап действовал на территории Виленской, Витебской, Минской, Могилевской, а с апреля 1918 г. — и Смоленской губернии: Дмитриева О. Национальные общности на белорусских землях в период становления советской власти (ноябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г.) // Весцi Нац. акад. навук Беларусi. Серыя гуманiт. навук. 2015. № 2. С. 67.
70. Стараясь остановить стихийную белорусизацию армии, минские большевики попытались запретить формирование белорусских отделов и распу-

чалась в том, что, в отличие от Вильно, по эту сторону фронта Рада не обладала монополией на понятие «белорусский», которое вмещало в себя самые разные политические смыслы, выступавшие орудием в глобальном противостоянии социально-политических сил и интересов в охваченной кризисом российской державе. Могилевский Белорусский национальный комитет, гомельский Союз белорусской демократии (являвшийся по сути правопреемником «Белорусского общества»), оршанский Белорусский народный комитет — все эти и множество других организаций выступали от имени «белорусского народа»[71].

Кроме того, в середине ноября 1917 г. в Петрограде при Всероссийском съезде крестьянских депутатов создается Белорусский областной комитет, в котором особенно активную роль играли беженцы. Фактически новая структура сразу потеснила Великую белорусскую раду в ее стремлении к роли краевого центра, тем более что комитет изначально опирался на разветвленную сеть организаций, причем как в центре, так и на периферии[72].

Один из руководителей БОК, представитель Мозырского крестьянского съезда Евсей Канчер, так сформулировал задачи новой организации: «Национальное движение белорусов приняло такие размеры, что пройти мимо него нельзя и преступно... Та группа, которая стала во главе этого движения, встречая противодействие со стороны вожаков крестьянских масс, озлобляется, делается еще более шовинистической, вырабаты-

стить Центральную белорусскую войсковую раду: Кукса А. Указ. соч. С. 126–127.

71. Рудовіч С. Час выбару... С. 102–109, 141, 158–159. Даже Витебский белорусский народный союз выбрал своим девизом призыв «Белорусы — хозяева Белоруссии». Декларация, принятая на состоявшемся в конце июня в Витебске съезде представителей общественных общенародных организаций, гласила: «Белоруссия навсегда есть неотделимая часть Российского государства и является родным братом по крови, вере и языку Великороссу и Малороссу... Весь народ белорусский должен, путем обязательного просвещения, стремиться усвоить общечеловеческую культуру на русском языке, как родном для него, так и необходимом в видах политических...» (LMAVB. F. 21. Vnt. 2225. L. 2, 3).

72. Рудовіч С. Час выбару... С. 167–168. Среди лидеров Белорусского областного комитета оказались Е. Канчер, Д. Соболевский, Ф. Турук, Ф. Шантыр.

вает противокрестьянскую классовую точку зрения и в одно прекрасное время действительно может захватить в свои руки власть и объявить свою диктатуру»[73].

Белорусский областной комитет также выступил с инициативой созыва Всебелорусского съезда, а сам Е. Канчер провел ряд встреч с большевистским руководством, пообещав «строить белорусское советское социалистическое государство в составе РСФСР». Он заверил В. Ленина в том, что для комитета провозглашение республики — это всего лишь плацдарм, чтобы развязать себе руки для немедленных наступательных действий и «продвижения [революции] в Польшу, Германию, Францию и далее в глубь Европы». При этом он особенно подчеркивал, что о независимости вопрос даже не ставится, так как этого не желает народ[74].

В итоге было решено, что съезд созывается совместно Белорусским областным комитетом и Великой белорусской радой. Открытым оставался вопрос о дате его проведения. Каждая из сторон надеялась выиграть время и получить решающее преимущество[75].

Но тут Великая белорусская рада потерпела первое поражение. На назначенную дату 5 декабря в Минск прибыло всего около трехсот из ожидаемых девятисот делегатов. Поэтому вместо намеченного открытия съезда в минском городском театре под председательством С. Рак-Михайловского прошло «част-

73. Канчер Е. Из истории общественных национальных и революционных движений белорусов // Нёман. 1993. № 1. С. 138–139.
74. На вопрос, имеют ли белорусы свой язык для национализации школы и учреждений, Е. Канчер ответил, что «...среди учителей и белорусов восточной ориентации этот язык совершенно не популярен... школа и учреждения могут переходить на белорусский язык годами», но они в состоянии с таким же успехом укреплять и русский язык, «...если того желает народ». На что В. Ленин заметил: «Язык — дело не срочное, тем более что белорусы уже веками родятся и воспитываются в русской культуре». См.: Канчер Е. Из истории Гражданской войны в Белоруссии в 1917–1920 гг. (по личным воспоминаниям, записям и документам) // Беларуская думка. 2010. № 1. С. 94.
75. Более того, представители Комитета, обратившись за помощью к Совнаркому, получили на организацию съезда 50 тыс. рублей, а также возможность пользоваться телеграфом и телефонной связью: Рудовiч С. Час выбару... С. 171–173; Кукса А. Указ. соч. С. 125–126.

ное заседание членов Всебелорусского съезда»[76]. К вечеру следующего дня собралось уже чуть более половины делегатов. Белорусский областной комитет тем временем настаивал на том, чтобы подождать с началом съезда еще неделю, что дало бы ему возможность мобилизовать как можно больше своих членов[77].

Наконец 7 декабря съезд официально приступил к работе. «Народ Белорусский! — начал свое выступление в минском городском театре С. Рак-Михайловский. — Мне выпала высокая честь открыть этот съезд. За вашими плечами я вижу всю Беларусь. Она стоит перед нами истерзанная, полная грусти и надежды. По ее исхудалым щекам текут слезы. Белорусы!

76. Была выбрана временная Рада съезда, в которую вошли Евгений Волкович (Краевое бюро), Александр Куссе-Тюз (Белорусский областной комитет), Николай Шимке (представитель почтовых служащих), Михаил Казимирчик (беженцев), Иосиф Лауданский (железнодорожников), Иосиф Василевич (Белорусская народная громада), Анатолий Бонч-Осмоловский (Исполнительная комиссия II белорусского съезда в Москве), Александр Мисюкевич (от Западного фронта), Роман Сущеня (от Совета солдатских и рабочих депутатов), Даниил Василевский (от уездных и губернских земств), Георгий Гаркевич (от волостных земств Минской губернии), Иван Ткаченко (от волостных земств Виленской губернии), Суминский (от белорусских народных социалистов), Томаш (Фома) Гриб (от Северного фронта), Осип Дыло (от Белорусской социалистической громады), Александр Шестов (от учителей), Аркадий Смолич (от Великой белорусской рады), Антон Грищанков (от волостных земств Смоленской губернии), Захарий Михаилов (от волостных земств Могилевской губернии), Кузьма Михайловский (от волостных земств Витебской губернии), Степан Потельский (от Юго-Западного фронта), Павел Алексюк (от Войсковой центральной рады). Всего в Раде съезда были представлены двадцать четыре различные организации. Тем не менее прозвучавшее предложение о кооптации в Раду съезда представителей небелорусских партий было категорически отклонено: LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 1–1 ap.
77. На первое заседание прибыло 459 делегатов: 242 — от гражданских организаций (216 с правом решающего голоса, из них почти половина — представители волостей, и 26 — с совещательным) и 217 — от армии (167 делегатов с решающим голосом и 50 с совещательным). Предполагалось организовать работу по нескольким секциям: политическо-национальной, аграрной, экономическо-финансовой, культурно-просветительной, по организации временной власти, государственно-правовую, секцию по вопросам организации национальной армии и беженскую. К основным вопросам государственно-правовой секции были отнесены: автономия Беларуси и федеративный строй Российской республики, права и свободы белорусского народа и национальных меньшинств края, созыв краевого учредительного собрания Беларуси: LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 3 ap.; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 155–157.

Вы пришли сюда сказать свое слово. Работайте же на благо своего народа». Последний его возглас: «Да здравствует вольная Беларусь!» — заглушили звуки «Марсельезы»[78].

С приветственной речью от имени Великой белорусской рады выступил П. Алексюк. «Первым нашим долгом, — начал он, — является почтить минутой молчания всех, кто положил свою жизнь за свободу белорусского народа». На этих словах все присутствующие встали со своих мест. «Беларусь поделена, — продолжал оратор. — И по ту сторону окопов остались белорусы. Скажем же им, что мы придем за ними. Много белорусских могил выросло за последние годы. Именем этих могил заклинаю вас, Сыны Беларуси, сплотиться в дружную нацию. Я верю, что ты, Беларусь, постоишь за себя. Так строй же свою жизнь, Белорус! Да здравствует Вольная и Свободная демократическая Белорусская Республика!»[79]

Следом съезд приветствовали К. Езовитов от имени Центральной военной рады и А. Цвикевич от имени белорусов-беженцев. «Беженцы пролили много слез, а свой путь отметили могилами. Дети оставлены без матерей, жены разлучены с мужьями. Горе беженцев — это и есть та жертва на алтарь общей матери-России, которая ни с чем не может быть сравнима», — сказал А. Цвикевич. Взявший слово директор учительской семинарии Шестов пожелал, чтобы все в крае — и дети, и взрослые — учились на родном белорусском языке, а сама Беларусь дождалась открытия университетов и собственной Академии наук. Р. Островский приветствовал съезд от имени слуцкой белорусской гимназии, Фальский — от имени белорусских социал-демократов, И. Лёсик — от имени редакции газеты «Вольная Беларусь». При этом собравшиеся устроили ему овации как «старому политическому деятелю и ссыльному». Каждый из выступавших хотел донести собравшимся свои насущные нужды: «Большевики идут куда не нужно. Они

78. Выступления следующих ораторов перемежались исполнением «Ад веку мы спалі», «А хто там ідзе» и «Кроў нашу льюць даўно уж ка́ты»: LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 5–5 ap.
79. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 24, 27.

совершенно не заглядывают вперед»; «Мы пришли сюда, чтобы быть опорой белорусской власти»; «Здесь не должно быть партий и раскола. Мы должны действовать сообща и этим обеспечивать успех!»[80]

Собравшиеся выбрали руководящие органы съезда — президиум, мандатную комиссию — и наметили общую повестку работы. Это, однако, вызвало очередной конфликт с представителями Белорусского областного комитета, а сам съезд оказался на грани срыва.

Тогда же произошел еще один примечательный инцидент. Слово взял представитель латышской секции при минском комитете Российской социал-демократической партии и по совместительству — нарком внутренних дел Западной области и фронта Людвиг Резовский. Он заявил о том, что «не должно быть деления на нации», после чего призвал снять со стены белорусский флаг. Эти слова большинство делегатов восприняли как вызов. Оратор под крики и шум был выдворен со сцены, после чего один за другим слово взяли целый ряд белорусских деятелей. «Кто имеет право требовать бросать наше знамя?» — спрашивал И. Мамонько. «Ассимиляция — это рабство... Национальное возрождение никогда не погибнет», — заявлял Ф. Шантыр. П. Алексюк под овацию собравшихся поклялся, что белорусы никогда не оставят своего национального символа, а генерал Алексеевский даже подошел и поцеловал знамя. Но, наверное, наибольший энтузиазм среди собравшихся вызвал одетый в тулуп крестьянин Плишевич, заявивший: «Мы темные люди, но такие учителя, как этот латыш, нам не нужны. Нужно защищать знамя и чтить его». После этого несколько человек подбежали к крестьянину и стали его качать[81].

Делегаты продолжали прибывать в течение всей следующей недели[82]. 9 декабря был утвержден состав президиума съезда

80. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 5 ap.–6; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 30–31.
81. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 7 ap.; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 28; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 159.
82. «Сколько делегатов приехало на съезд, однозначно сказать нельзя, — отмечает И. Ковкель. — Называются разные цифры — от 1000 до 1915. Но наибольшего доверия заслуживают цифры, которые приводят П. Кре-

во главе с С. Рак-Михайловским (почетным председателем стал академик Е. Карский). В условиях затянувшегося ожидания вновь был переизбран президиум, который на этот раз возглавил И. Середа, а также создана Рада старейшин в составе 60 человек, ставшая своего рода «малым съездом»[83].

Между тем среди членов левой фракции все громче звучали голоса в поддержку советской власти, но «белорусской советской власти», которая бы пользовалась доверием местного населения[84]. 15 декабря было решено заново открыть съезд уже совместно с вновь прибывшими делегатами от областного комитета. Правда, и после этого он несколько раз находился

чевский — председатель мандатной комиссии съезда и А. Прушинский — заместитель председателя президиума съезда. По их данным, от 5 до 17 декабря мандатная комиссия выдала 1872 мандата, из них 1167 с правом решающего голоса и 705 — совещательного. По их же данным, 1156 делегатов были гражданскими людьми, 716 — военнослужащими, 455 представляли органы местного самоуправления, 367 — политические партии, профсоюзы, кооперативы и другие общественные организации. Основная масса делегатов происходила из социальных низов, и лишь примерно одну четверть составляли выходцы из средних и зажиточных слоев общества. При всей скрупулезности этих цифр следует отметить их определенную условность, поскольку они отражали только количество выданных мандатов. В реальности состав съезда непрерывно менялся. Одни делегаты приезжали, другие — уезжали, а некоторые вообще не принимали участия в его работе. Даже на пленарном заседании 16 декабря, когда уже приехали почти все делегаты, на съезде присутствовало, по данным голосования, 260 человек»: Коўкель І. Спробы нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння Беларусі. Першы Усебеларускі з'езд і яго рашэнні // Шлях да ўзаемнасці — Droga ku wzajemności: матэрыялы XIV Міжнар. навук. канф., 26–27 кастр. 2006 г. / пад. рэд. С. Мусіенка, І. Крэня. С. 214–225; Рудовіч С. Час выбару... С. 178–179.

83. Первоначально в Раду съезда были выбрано 56 человек: Е. Карский, И. Алексиевский, А. Бонч-Осмоловский, А. Прушинский, О. Дыло, А. Бурбис, А. Смолич, И. Воронко, Т. Гриб, П. Бодунова, С. Рак-Михайловский, М. Костевич, А. Цвикевич, Л. Заяц, Ф. Хотенко. К. Недбайлик, Е. Ладнов, А. Курганский, М. Храпник, А. Околович, Т. Солонович, Р. Островский, Д. Гончаренко, П. Миронов, А. Куссе-Тюз, В. Захарко, В. Сохоновский, Н. Козич, С. Немкович, А. Дубовик, И. Логун, И. Сушинский, Б. Шишко, П. Кречевский, И. Киреев, Г. Сидорчук, И. Служевич, А. Устилович, В. Муха, П. Вербицкий, А. Дулин, М. Зеленкевич, И. Середа, Л. Коледко, Т. Гуща, А. Шевчук, Р. Сущеня, К. Киреев, И. Мокреев, А. Вазило, М. Гольман, П. Портянко, А. Савич, С. Левкович и др.: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 6. Арк. 23–23 адв.
84. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 3–15; Там же. Спр. 2. Арк. 77.

на грани раскола. К. Езовитов записал свои впечатления прямо из зала заседаний: «Съезд тянется уже 12-й день. Все устали, осатанели, подъема нет. 11 дней идет борьба за само существование Съезда. Ведется упорная кампания, целью которой является срыв Съезда во что бы то ни стало. Вначале делали это большевики, которые проникали на Съезд для "приветствий" и в своих приветственных речах выступали с самыми демагогическими приемами. Теперь большевиков нет, но зло, посеянное ими, осталось и пустило глубокие корни... В крестьянскую массу движение еще не проникло, а потому на них опереться нельзя. Что будет со Съездом — сказать трудно. Возможность срыва еще не миновала»[85].

Едва ли не главным вопросом, вокруг которого разгорелись споры, стало провозглашение белорусской республики. А. Цвикевич позже вспоминал: «На Всебелорусском съезде мысль о независимости Беларуси не имела успеха: на всех собраниях и комиссиях звучала только формула "федеративной России", причем Беларусь рассматривалась как ее часть. Принцип федерации сам по себе мало кому был понятен, но спорить с ним значило рисковать нажить себе неприятности. Отсутствие даже самых общих представлений на тему федеративной системы было настолько велико, что предложение назвать Беларусь республикой, хотя бы и в составе Российской Федерации, вызвало среди депутатов возмущение, разногласия и враждебное отношение. Надо отметить, что более всего против этого предложения были настроены представители волостных земств, деревни и вообще сельские депутаты, политически малосознательные и находившиеся под влиянием российских эсеров. Что касается представителей от армии, то они как более молодые, сознательные и революционные ничего не имели против формулы "белорусская республика", а некоторые группы среди них и вовсе сочувствовали мысли о государственной независимости Беларуси. Все-таки большинство этого шага боялось — боялось, чтобы подобным шагом не повредить "еди-

85. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 6. Арк. 14–15.

ному фронту российской революции”. Поэтому нужно было применить чрезвычайные усилия, чтобы помирить все группы и выработать приемлемый для всех компромисс. Подобный компромисс нашли в формуле “установление республиканского строя на белорусской земле”. Хотя в ней и прозвучала мысль о белорусской республике, однако прямо это понятие не было названо, и поэтому его приняли»[86]. Особенно остро протестовали представители волостных земств и крестьяне[87].

Только поздно вечером 17 декабря, после небольшого перерыва, Совет съезда поставил на голосование общую резолюцию, в которой провозглашалось создание краевого органа власти в лице Всебелорусского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. Тем самым съезд фактически отстранял от управления краем Облискомзап. Примечательна сама формулировка: «...отстаивания цельности, неделимости Белоруссии и неотторжения ее от Российской Федеративной Республики и всех остальных принципов демократического мира, провозглашенного Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[88].

Но как только возобновилось пленарное заседание и начали зачитывать текст резолюции, в зал вошли начальник городского гарнизона Н. Кривошеин и Л. Резовский. Само здание было окружено солдатами с двумя броневиками, а на выходах поставлены караулы. Первым слово взял Н. Кривошеин. Благодаря стенографической записи, опубликованной неделю спустя в газете «Черниговский край», мы можем воспроизвести это выступление почти дословно: «Сначала ничего не слышно, в зале шум, негодующие и недоумевающие возгласы. Кривошеин говорит: “Я под видом мягких лайковых перчаток, под видом легкой пуховой постели беру очередь. Теперь я приглашаю провокатора, который сказал бы, что мы продаем... Кого и ког-

86. Цвікевіч А. Чатыры гады 1918–25. III. 1922 // Спадчына. № 3. 1996. С. 137–148. Цит. по: Павет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/cvikievich/19/Чатыры_гады_1918-25.III.1922.html. Дата доступу: 16.05.2016.
87. Кукса А. Указ. соч. С. 128.
88. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 10; Рудовіч С. Час выбару... С. 176–177.

да мы, великороссы (сам Кривошеин типичный южанин), продавали? Мы никогда власть не забывали, три часа сплю (голос из публики: "остальное время пью") и забочусь о вас. Мы здесь следим, как уши и глаза, следим за вами: внесите светлое и милое... Еще раз говорю: да здравствуют национальные полки Белоруссии, но те полки, как вы говорили... Я готов погибнуть, но если вы скажете, что я изменник, то я готов пострадать. Вам предлагают Раду, которая поведет вас к пуховой постели, в цепи на десять-пятнадцать лет. А теперь да здравствуют пролетарские полки! А теперь я распускаю ваше собрание»[89]. Сразу за ним, не давая опомниться, Л. Резовский объявил съезд закрытым, а членов президиума — арестованными[90].

Правда, уже через несколько часов арестованные были выпущены. Почти сразу, утром 18 декабря, часть членов разогнанного съезда собралась в помещении клуба железнодорожников Либаво-Роменской железной дороги, где на общем собрании было постановленно объявить краевой властью Совет съезда — Раду. А еще спустя три дня Рада принимает резолюцию «немедленно выделить из своего состава Исполнительный комитет Первого Всебелорусского съезда», который должен был «принять на себя функции исполнительной власти в Белоруссии в момент, когда к тому... реальные события и будет реальная сила для гарантии существования этой власти». До того времени местонахождение комитета не подлежало оглашению[91].

89. Черниговский край. 26.12.1917. № 61.
90. Всего было арестовано 27 человек: И. Середа, А. Вазило, А. Шевчук, Л. Колядко, Т. Гуща, Т. Гриб, И. Воронко, Р. Островский, И. Мамонько, Ярошевич, Дворчанин, А. Бурбис, Червяков, Валыщицкий, Гольман, Манцивода, Воробьев, Красковский, З. Юрьева и др.: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 102.
91. Первоначально в Исполнительный комитет вошло 17 человек, а сам новый орган носил название «правительство народных комиссаров». 3 (16) января 1918 г. Исполнительный комитет постановил к существующим членам прибавить еще троих от еврейских социалистических партий и четырех — от «революционной демократии» остальных национальных меньшинств: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 1; Там же. Спр. 6. Арк. 21–21 адв.; Там же. Спр. 21. Арк. 107–108; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1097; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 168–170; Кукса А. Указ. соч. С. 128.

«Нынешние столыпинцы, — прокомментировал произошедшее один из лидеров Объединенной еврейской социалистической рабочей партии М. Гутман, — близорукие политики. Разгон съезда только оказал услугу белорусскому движению. Под влиянием атаки на белорусский съезд, в котором участвовали солдаты всех фронтов, деятели всего края и т. д., усилилось стремление у белорусов к национальной свободе и национальной власти. Делегаты разъезжаются по деревням обширной Белоруссии в целях призыва крестьянских масс к борьбе против национальных угнетателей. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать результаты этой работы»[92]. В середине января И. Воронко писал в Петроград: «В Минске мы ведем борьбу с большевиками за власть. Наш съезд в корне погубил престиж власти насильников в стране. Все наше внимание устремлено на создание федеративной России, в составе которой будет находиться и Белорусская Народная Республика»[93].

Съезд окончательно убедил местных большевиков в опасности «белорусской или литовско-белорусской республиканской химеры»[94]. Его роспуск, однако, сам по себе вовсе не означал, что белорусская идея оказалась вне закона. В посланной на имя петроградского Совета Народных Комиссаров телеграмме Центральная белорусская военная рада била тревогу по поводу того, что в Минске предаются завоевания российской революции. Арест президиума Всебелорусского съезда осудила даже Минская дума, заявившая: «Город является центром Белоруссии, столицей Белоруссии. Поэтому Дума протестует против разгона первого свободно собравшегося Всебелорусского съезда и выражает свое глубокое негодование по поводу совершения над ним насилия»[95].

Уже в конце декабря было достигнуто согласие между представителями Центральной белорусской военной рады

92. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 19. Арк. 247–250.
93. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 70–70 адв.
94. Лазько Р. Паварот да новай «перадышкі» і абвяшчэнне БССР // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы: матэрыялы II Міжнар. навук. канф. Гомель, 2008. С. 85.
95. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. Ст. 1186; Кукса А. Указ. соч. С. 127, 128.

и Н. Крыленко по вопросу формирования национальных частей, исходя из принципа народно-социалистической гвардии. Но спустя всего несколько дней большевики признали формирование национальных войск «недопустимым», сославшись на то, что представители белорусов и украинцев были замечены во время антисоветских манифестаций в Минске (по краю прокатилась волна голодных бунтов). В ответ белорусы отправляют в Киев своего представителя для создания белорусских войск... за украинские деньги[96].

Вскоре в Брест, где на тот момент шли мирные переговоры, срочно отправляется делегация от исполкома Всебелорусского съезда. Один из первых пунктов в «Наказе», который она везла с собой, гласил: «Вся Беларусь в своих этнографических рубежах является единой и неделимой и входит как автономная часть на равных правах в Российскую демократическую федеративную республику...». По дороге члены делегации С. Рак-Михайловский и А. Цвикевич отправили в Минск письмо: «Пожелайте нам, дорогие товарищи, успеха в нашей чрезвычайно ответственной и трудной работе. Перешагнули мы немецкие окопы с сознанием своей правоты, не как побежденные, но как равные. Революционное право на этот шаг нами свято исповедуется. Мы сознаём, что ало-белое знамя наше не запятнано и не будет запятнано предстоящей встречей. Но в сердцах наших тоска — слишком мало возможностей для счастливого исхода переговоров. В одно мы верим — мы верим в Революцию!..»[97]

Кроме того, был еще один фактор, который опосредованно влиял на белорусское движение, — польский корпус генерала И. Довбор-Мусницкого. Еще в середине января 1918 г. большевики объявили генерала и всех его офицеров вне закона и предприняли попытку разоружить поляков. В ответ И. Довбор-Мусницкий объявил Советской России войну, а его кор-

96. Этим представителем был П. Алексюк. Однако вскоре большевики начали аресты среди белорусских деятелей, и в итоге 11 тыс. рублей, выделенные украинцами для Войсковой рады, до нее не дошли: Там же. С. 128–130.
97. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 77–78; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 40.

пус занял Бобруйск, Рогачев и Оршу[98]. Одновременно польский генерал выступил с предложением к Белорусской раде собраться в Бобруйске. Оно, правда, содержало одно очень важное условие: «Мы в ваши внутренние дела вмешиваться не будем. Нам от вас необходимо только продовольствие для людей и лошадей... Никаких притеснений вам чинить не будем, но помните, что всякое с вашей стороны враждебное действие к нашим войскам и вообще к полякам повлечет за собой жесткое наказание»[99].

Совнарком Западной области и фронта решил использовать ситуацию, чтобы полностью покончить с угрозой национального переворота. Стремясь любой ценой сохранить власть в своих руках, местные большевики начали репрессии против своих политических оппонентов. Первыми были арестованы представители украинских организаций, а также некоторые члены Думы и Управы. А уже 30 января (12 февраля по новому стилю) 1918 г. вышло «Воззвание к белорусскому народу», в котором большевики объявили белорусские национальные организации «предателями народных интересов»: «Нас упрекали в посягательстве на права народов, в частности на право белорусского народа на самоопределение; когда мы разоблачили эту ложь, нам многие не верили. Сейчас нами документально установлена самая тесная связь членов так называемой Белорусской центральной войсковой рады, белорусских националистов с украинскими и польскими контрреволюционерами, душителями свободы польского и украинского народов»[100].

К. Езовитов пытался отклонить обвинения, разъясняя, что обратиться в Киев с просьбой немедленно выслать в Бобруй-

98. Только благодаря переброшенным в срочном порядке отделам латышских стрелков большевикам удалось остановить польское наступление на Могилев: Nowak A. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków, 2001. S. 49.
99. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 19. Арк. 166–166 адв. О боевых действиях 1-го польского корпуса в январе — феврале 1918 г. см.: Грыцкевіч А. Выбранае. Мінск, 2012. С. 66–74.
100. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 79; Кукса А. Указ. соч. С. 130.

скую крепость части, которые были укомплектованы выходцами из Беларуси, Центральную белорусскую военную раду вынудила лишь угроза ее захвата со стороны польского корпуса[101]. «Совершается величайшая провокация и наглейший обман белорусского народа, — гласила отправленная от имени Совета съезда в Москву в редакции местных газет телеграмма. — Комиссары Западной области и фронта Ландер, Калманович и Феденев терроризируют демократические белорусские организации, обвиняя их лживо в сношении с легионами польского генерала Довбор-Мусницкого. Разогнана и закрыта Белорусская войсковая рада, арестован президиум рады (Езовитов, Захарко, Мамонько). Разыскиваются по квартирам Рак-Михайловский, Воронко, Шило, Алексюк и Гриб. Арестованы члены Белорусской социалистической громады... Добивается все живое в белорусском народе. Стремление Белорусской рады организовать полки против поляков провокационно извращено... Белоруссия отдана на растерзание империалистам и черни. Беженцы гибнут. Близятся дни кошмара и бесславной смерти. Апеллировать не к кому. Все терроризировано»[102].

В Брест на переговоры большевиков с немцами белорусские представители не были допущены[103]. 19 февраля 1918 г., после того как советская делегация внезапно оставила переговоры, германское командование отдало приказ своим частям перейти линию фронта. Одновременно с тыла продолжал свое наступление польский корпус. Не дождавшись появления противника, большевики в панике покидают Минск.

101. К. Езовитов писал в этой связи: «Когда запахло в воздухе столкновением, когда выяснилось, что поляки начинают прорываться через Минск и Могилев в Быхов и Бобруйск, явилось желание удержать базу за белорусами, удержать за ними все имущество крепости...»: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 58–59.
102. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 107–107 адв.
103. Т. Гриб по прямой связи просил Л. Троцкого допустить белорусскую делегацию на переговоры в Брест. Тот якобы ответил: «Белорусский народ, как каждый народ, имеет полное право на самоопределение и, конечно, должен сам решать свою судьбу», но когда делегация прибыла в Брест, она не была допущена на переговоры, и будто бы по распоряжению того же Л. Троцкого: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1187.

«Беларусь опять накануне немецкого нашествия, — писал Александр Бурбис. — "Самодержцы" Западной области устанавливают новую линию обороны Ржев — Вязьма — Брянск и удирают в Смоленск. Их дело продажи Беларуси немецким империалистам сделано — они, разоружив фронт и Беларусь, уверены, что Беларусь не сможет защищать свое достояние. Не ошибутся ли они?»[104]

104. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 104–106.

ГЛАВА 2

«Мужицкая республика»: правительство Иосифа Воронко

Белорусское национальное движение прошло путь от культурного возрождения до идеи независимого государства менее чем за четверть столетия. Однако воплощение этой идеи на практике потребовало совершенно нового уровня национального самосознания, а также опыта по продвижению и отстаиванию национальных интересов. Но именно опыта борьбы за власть в белорусском движении катастрофически не хватало.

Еще в январе 1917 г. немецкий советник по делам восточных территорий фон Беккерат в записке, составленной для руководства Обер-Оста, с уверенностью констатировал: «Белорусы никогда не выражали стремления к государственной самостоятельности... Отдельные сепаратистские взгляды, развиваемые немногочисленной группой археологов и литераторов в Вильно, нужно отнести к местным делам, не имеющим политического значения»[1]. А спустя всего год, 18 февраля 1918 г., Виленская Белорусская рада выступила с декларацией о разрыве государственных отношений между Беларусью и Россией и призвала Берлин присоединить Восточную Беларусь к «оккупированной части белорусско-литовского края с целью организации независимого государственного быта»[2].

1. Цит. по: Тихомиров А. Проблемы белорусско-германских отношений в 1914–1922 гг. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2002. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://evolutio.info/content/view/525/53. Дата доступа: 17.10.2016.
2. Созданная в январе 1918 г. на белорусской конференции в Вильно, Рада взяла на себя роль национального представительства на территории Обер-Оста. Она направила к рейхсканцлеру Германии своих представите-

Тем временем в Минске с эвакуацией Облискомзапа возобновил свою работу Исполнительный комитет Всебелорусского съезда, который также обратился с призывом, но уже к местному населению, «сплотиться вокруг демократических организаций» и «не поддаваться панике». В воззвании особенно подчеркивалось, что «город охраняется патрулями гражданской милиции и белорусских частей». Словно в подтверждение этих слов, над балконом бывшего дома губернатора был вывешен национальный флаг.

Проблема заключалась в том, что почти сразу инициативу в борьбе за власть перехватили местные польские организации. Были одновременно созданы две комендатуры — польская и белорусская, причем поляки имели в своем распоряжении вооруженное подполье и с минуты на минуту ожидали появления корпуса Довбор-Мусницкого, тогда как белорусы реальными вооруженными силами не располагали[3].

Трудно избавиться от ощущения, что вся активность белорусских деятелей носила отчасти вынужденный характер. Так, провозглашение белорусского правительства произошло не только раньше создания самой республики, но даже прежде чем, собственно, оно само было окончательно сформировано. «Родная наша сторона оказалась в новом тяжелом положении. Где теперь власть, которая тут была, неизвестно...» — такими словами начиналась принятая 21 февраля 1918 г. Исполкомом

лей с просьбой восстановить «...свободное и самостоятельное Великое Княжество Литовское в его исторических пределах...»: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 51; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 74–76; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 195. Подробнее о декларации см.: Сідарэвіч А. Праваобраз Акту 25 Сакавіка // Arche. 2003. № 2. С. 155–157.

3. Было обещано «принять все меры к ограждению от расхищения и разгрома народного имущества и охране личной безопасности»: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 46. Из приказа К. Езовитова по гарнизону города Минска: «Распоряжением Белорусской Рады я назначен Начальником Гарнизона и Комендантом города Минска. Приглашаю население сохранять полное спокойствие и выдержку. Наступающая немецкая армия должна увидеть протекающую мирную жизнь населения, не желающего продолжать безумной войны» (Jurkesha [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://jurkesha.livejournal.com/tag/БНР. Дата доступа: 31.10.2016). Кроме того, в городе были организованы самооборона местного комитета Бунда и отделы городской милиции: Минский голос. 21.02.1918. № 2646. С. 1.

Рады Всебелорусского съезда Первая уставная грамота. В ней заявлялось, что теперь «временную народную власть в крае» будет осуществлять созданный исполкомом Народный секретариат Беларуси[4].

Первоначально в новый орган вошло двенадцать человек: И. Воронко — исполняющий обязанности народного секретаря внешних дел, П. Бодунова — призрения, Г. Белкинд — финансов, Е. Белевич — юстиции, К. Езовитов — особо уполномоченный по военным делам, Л. Заяц — управляющий делами, П. Злобин — народный секретарь великорусских дел, А. Карач — почт и телеграфов, П. Кречевский — контроля, И. Мокреев — внутренних дел, И. Середа — народного хозяйства, А. Смолич — народного просвещения. Еще спустя два дня в состав Секретариата были кооптированы В. Редько в качестве народного секретаря путей и Т. Гриб на должность народного секретаря земледелия. Возможно, тогда же там оказался

4. В литературе можно встретить две даты принятия Первой уставной грамоты — 20 и 21 февраля 1918 г. Текст самой грамоты гласил: «Наша родная сторона вновь оказалась в тяжелом положении. Где теперь власть, которая тут была, нам неизвестно. Мы стоим перед тем, что наш край может быть занят немецкой армией. Мы обязаны взять свою судьбу в собственные руки. Белорусский Народ должен осуществить свое право на полное самоопределение, а национальные меньшинства — на национально-персональную автономию. Право наций должно найти свое осуществление путем созыва на демократических началах Учредительного собрания. Но и до созыва Собрания власть в Беларуси должна принадлежать тем народам, которые в ней живут. Исполнительный комитет Рады Первого Всебелорусского съезда, дополненный представителями революционной демократии национальных меньшинств, выполняя задания Съезда, объявляет себя временной Властью в Беларуси, подходящей для управления Краем и для наиболее быстрого созыва Всебелорусского Учредительного собрания на основании общего, прямого, равного, тайного и пропорционального избирательного права для всего взрослого населения независимо от национальности, религии или пола. Временную народную власть над краем, которая поставит своей целью защиту и утверждение завоеваний революции, будет осуществлять созданный нами Народный Секретариат, который с этого дня приступил к выполнению своих обязанностей. Личный состав Секретариата будет опубликован позже» (Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 46–47). Всего было решено включить в состав Исполкома 27 представителей Минска, 9 из провинции, по 10 представителей городских советов и земств, а также 15 представителей национальных меньшинств: 7 евреев, 4 поляков, 2 русских и по одному украинцу и литовцу.

и Л. Гутман, возглавивший отдельный секретариат по еврейским вопросам[5].

Первым председателем Народного секретариата стал двадцатишестилетний Иосиф (Язэп) Воронко. Глава первого белорусского правительства был родом из местечка Кузница Сокольского повета, где по иронии судьбы полвека назад появился на свет историк Михаил Осипович Коялович — один из столпов «западноруссизма». Воронко являлся вольным слушателем юридического факультета Петербургского университета, откуда его исключили за неуплату как раз накануне войны. Он пробовал себя в журналистике, был членом разного рода общественных организаций — от студенческого кружка научного изучения Гродненской губернии до Всероссийского литературного общества. Сразу после февральской революции Воронко неожиданно попадает в число руководителей белорусского

5. Архівы БНР. Т. 1. Кн. 1. С. 48–49. Народный секретариат внутренних дел возглавил бывший председатель исполкома III Съезда Советов крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, член редколлегии «Крестьянской газеты», эсер, украинец Иван Мокреев. Народный секретарь финансов — эсер, еврей Гелий Белкинд. Секретариат просвещения получил один из организаторов Белорусского национального комитета, двадцатисемилетний выпускник духовной семинарии, агроном, белорус Аркадий Смолич; народного хозяйства — член Белорусской социалистической громады, председатель президиума Всебелорусского съезда, почти сорокалетний ветеринарный врач, белорус Иван Середа. Начальником юстиции был назначен член президиума съезда, юрист, штабс-капитан, белорус Ефим Белевич. Учительница из-под Гомеля, тридцатидвухлетняя эсерка, белоруска Полина (Полута) Бодунова возглавила Народный секретариат призрения. Руководителем секретариата великорусских дел стал представитель земств, русский Павел Злобин; почт и телеграфов — почтовый чиновник Александр Карач. Народный секретариат контроля получил еще один выпускник духовной семинарии, бывший банковский служащий Петр Кречевский. Управляющим делами стал бывший чиновник Виленского акцизного управления и секретарь Минского отделения Всероссийского земсоюза Леонард Заяц. Наконец, особо уполномоченным по военным делам был избран Константин Езовитов. Уже позже к ним присоединяются бывший учитель Василь Захарко, занявший пост казначея, инженер-технолог Антон Овсеенко, представлявший Белорусскую раду Бобруйска, и Л. Гутман, возглавивший отдельный секретариат по еврейским вопросам. На место народного секретаря земледелия был кооптирован бывший студент Петербургского психоневрологического института Томаш Гриб, возглавивший левое крыло Громады и ставший самым молодым из членов правительства.

движения: возглавляет петроградский комитет Белорусского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны, является членом Центрального комитета Белорусской социалистической громады и генеральным комиссаром Великой белорусской рады по делам юстиции. Наконец как председатель Рады I Всебелорусского съезда он становится во главе ее исполкома[6].

Можно с уверенностью утверждать, что провозглашение краевого правительства с самого начала лежало за пределами реальных возможностей белорусского национального движения. Это, например, отмечал в своем письме из Минска в Киев председатель Комитета по защите интересов и прав подданных Украинской Народной Республики: «Молодое белорусское правительство было воспринято населением вначале весьма приязненно... Однако нехватка у белорусов практического опыта управления, отсутствие подходящих людей, способных к творческой работе, да еще и в таких сложных условиях... привели к тому, что... белорусское влияние было только на бумаге»[7].

На самом деле вопрос о том, кому должна была принадлежать реальная власть в городе, даже не возник. В тот самый день, когда была принята Первая уставная грамота, в Минск вступили немецкие части. Народный секретариат смог просуществовать только пять дней и был фактически разогнан немецкой комендатурой. Официально его деятельность не была запрещена, но белорусы лишились того немногого, что досталось им от большевиков: были конфискованы все денежные средства, которыми на тот момент располагал Народный секретариат (около 350 тыс. рублей, в том числе, вероятно, касса городской почты и деньги минского казначейства, ранее изъятые от имени Рады), и арсенал на Московской улице[8].

Тем не менее белорусские деятели как в Вильно, так и в Минске не оставляли попыток наладить связь с немецким

6. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 121–121 адв.; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 14, 37, 42, 48; Рудовіч С. Варонка Я. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 2. С. 223–224.
7. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 19. Арк. 144–148.
8. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 107–108; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 54, 101.

руководством. «Наши делегаты, — писал А. Смолич в Вильно к А. Луцкевичу, — были в Бресте и виделись с каким-то Шеллером (помощником фон Кюльмана). Там к ним отнеслись благосклонно, а здесь, в Минске, немецкие мелкие начальники выгнали Народный секретариат из дома (губернаторский дом), забрали наши деньги... мы с ними ни о чем не договорились, так как просто нет среди нас подходящих политиков. Нужно, чтобы вы все, или кто из вас лучший дипломат и умеет с ними говорить, чтобы тот сюда приехал как можно скорее»[9].

Но, что еще хуже, перед только что организованным правительством замаячил призрак раскола. 25 февраля по инициативе Романа Скирмунта часть бывших членов Белорусского национального комитета, оказавшихся в свое время как представители буржуазии в оппозиции к леворадикальной Громаде, создают Минское белорусское представительство. Фактически это был орган, альтернативный Народному секретариату, который к тому же незамедлительно выступил с требованием независимости Беларуси[10]. «У нас тут образовались два центра, — сообщал в том же письме А. Смолич. — Народный секретариат берет свое начало от Съезда... да еще собралась кучка "буржуазных белорусов" и выбрала свое представительство — якобы от всех классов. Но за ними ничего не стоит, кроме разве что скирмунтовских достоинств!»[11]

После подписания мирного договора между Германией и Советской Россией в Бресте ситуация вновь кардинальным

9. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (далее — БДАМЛіМ). Ф. 3. Воп. 1. Спр. 261. Арк. 30–30 адв.

10. В состав Минского Белорусского представительства, кроме самого Р. Скирмунта, вошли П. Алексюк, Р. Земкевич, К. Цвирко-Годыцкий, кс. В. Годлевский, генерал К. Кондратович и А. Власов. Свою главную цель новая организация видела в том, чтобы «представлять интересы белорусского народа». Уже вскоре она начала издавать собственную газету «Беларускі шлях»: Беларускі шлях. 08.03.1918. № 1. С. 3. О самом представительстве см.: Гадлеўскі В. Зь беларускага палітычнага жыцьця ў Менску ў 1917–1918 гг. // Спадчына. 1997. № 5. С. 18–39. В ответ И. Воронко начинает издание собственной общественно-политической газеты на русском языке «Белорусская земля», единственный номер которой увидел свет 1 марта 1918 г.: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 159.

11. БДАМЛіМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 261. Арк. 30–30 адв.

образом меняется. Пытаясь хоть как-то сохранить собственную субъектность и избежать окончательного раздела края между соседями, 9 марта 1918 г. Исполком Рады съезда объявляет создание Белорусской Народной Республики «в границах расселения и численного преимущества белорусского народа»[12].

«Во время мировой войны, разрушающей одни сильные державы и ослабляющей другие, пробудилась Беларусь к государственной жизни, — так начиналась Вторая уставная грамота. — После трех с половиной веков неволи вновь на весь мир говорит белорусский народ о том, что он живет и будет жить». Согласно грамоте, до созыва Учредительного собрания Беларуси законодательная власть в республике принадлежала Раде Всебелорусского съезда, дополненной представителями национальных меньшинств, а исполнительная и административная — Народному секретариату, который «назначается Радой съезда и перед ней держит ответ». В пределах Белорусской Народной Республики провозглашались свобода слова, печати, собраний, забастовок, союзов, безусловная свобода совести, неприкосновенность личности и имущества, равные права всех языков народов Беларуси, а также устанавливался восьмичасовой рабочий день. Но, что особенно существенно, Вторая уставная грамота ликвидировала частную собственность на землю[13].

Воссозданная после бегства большевиков Минская городская дума первоначально поддержала инициативу по созданию краевого представительства, видя в этом шаг по сохранению территориальной целостности «демократической России». Народный секретариат даже решает созвать на конец марта совместно с Думой и Губернской земской управой общебелорусский съезд городских и земских самоуправлений. Вторая уставная грамота была воспринята Думой уже более осторож-

12. Подробнее см.: Тихомиров А. Брестский мир 1918 г. и Беларусь // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 2. С. 44–47; Трацццяк С. Абвяшчэнне Беларускай Народнай Рэспублікі ў кантэксце брэст-літоўскай міжнароднай сістэмы // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Серыя гуманіт. навук. 2002. № 2. С. 56–61.
13. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 52–53.

но, правда, это не помешало последней выделить десять тысяч рублей на помощь Народному секретариату.

18 марта 1918 г. Рада съезда приступает к работе в расширенном составе — с участием представителей земств, городских самоуправлений и национальных меньшинств. Именно тогда она переименовывается в Раду БНР, причем ее председателем остается Иван Середа[14].

А спустя всего несколько дней в Минск наконец прибывает делегация Виленской Белорусской рады[15]. Подписание Брестского мира поставило виленских белорусов перед фактом создания литовского государства со столицей в Вильно. Поэтому уже на предварительных совещаниях с местными деятелями Антон Луцкевич выдвигает предложение немедленно объявить независимость БНР и тем самым сохранить целостность Беларуси. «Деятели Рады и Народного секретариата, — вспоминал А. Луцкевич, — к моему удивлению, не только не противоречили мне, а, наоборот, заявляли, что и они — до моего приезда — уже обсуждали эти вопросы и пришли к тем же выводам»[16].

В воскресенье 24 марта в здании по Захарьевской улице, № 43 открылось третье заседание Рады Белорусской Народной Республики. В распечатанном накануне приглашении значились три основных пункта повестки: доклад представителей Виленской Белорусской рады, доклад комиссии по наказам и мандатам и доклад минского городского головы[17]. Неожиданно после вступительного приветствия виленской делегации председатель фракции Белорусской социалистической громады А. Смолич выступил с предложением об объявлении независимости БНР, чем вызвал резкий протест части Рады. В ответ

14. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 47, 55–57; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 200.
15. Еще 24 февраля 1918 г. Виленская Белорусская рада приняла решение отправить в Минск делегацию в составе братьев Ивана и Антона Луцкевичей, О. Туркевича, Д. Семашко и Я. Станкевича (по другим данным, первоначально вместо него в состав делегации входил П. Киршевский). Однако прошел месяц, прежде чем ее представители попали в Минск: Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 76.
16. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 234.
17. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 62.

представители Городской думы выступили только за аннулирование Брестского договора. Прения по докладу продолжались в течение десяти часов. Ситуация накалилась до предела[18].

«И вот началась баталия!.. — вспоминал спустя годы А. Луцкевич. — Около шести часов утра председатель ставит на голосование формулу: “Рада Республики провозглашает Беларусь независимым и суверенным государством и издает об этом Уставную грамоту”. Хотя для всех уже было ясно, что победа гарантирована, все же в зале царила мертвая тишина, пока шел подсчет голосов. Каждый чувствовал: вот-вот сейчас нечто должно произойти — нечто важное, исключительное, такое, что дважды не повторяется. Каждый понимал, что клич, который сейчас примет или отбросит Рада, — это клич новой, свободной жизни, это заповедь ясной доли для всего многострадального белорусского народа... И стало ясно: новая идея родилась!.. Радостными криками нарушается тишина. Начинаются горячие овации. “Новый свет озарил Беларусь!” — кричит кто-то в экстазе»[19].

Похожую картину описывал и К. Езовитов: «Когда были объявлены результаты голосования, в зале воцарилось торжественное настроение, белорусские социалисты запели революционный белорусский гимн “Ад веку мы спалі, і нас разбудзілі!..” Вся Рада встала и дружно подхватила эту волнующую, могучую мелодию с ее захватывающими, как присяга, словами. В эту минуту через окна ударили первые залпы лучей... и весь зал окрасился в какой-то мистически-розовый цвет...»[20]

Религиозно-мистический образ происходившего стал общим мотивом почти всех дошедших до нас воспоминаний. В этом смысле символ возрождения-воскрешения Беларуси представляется результатом интеллектуальной революции, происходившей, что немаловажно, в атмосфере кануна Пасхи[21].

18. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 6–8.
19. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху. С. 104–105.
20. Езавітаў К. Абвяшчэнне БНР // Наша слова. 19.03.2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/_memoirs/206/Езавітаў_Кастусь._Абвяшчэнне_БНР.html. Дата доступа: 24.06.2016.
21. Не случайно выступавший на заседании И. Воронко произнес: «Бело-

В конечном итоге за независимость единогласно проголосовали представители Громады. Члены Городской думы и Бунда выступили против резолюции, представители Объединенной еврейской социалистической партии, «Поалей-Цион» и эсеры от голосования воздержались, а делегаты от земства в числе девяти человек и вовсе покинули собрание. Оставшиеся члены Рады приветствовали принятие резолюции шумными овациями и возгласами: «Да здравствует независимая Белорусская Народная Республика!» («Няхай жыве незалежная Беларуская Народная Рэспублика!»). После этого заседание было прервано и возобновилось уже в полдень[22].

Окончательный текст Третьей уставной грамоты был принят в третьем часу дня 25 марта. Он гласил:

«Год назад народы Беларуси вместе с народами России сбросили иго российского царизма, который тяжелее всего угнетал Беларусь; не спрашивая народ, он бросил наш край в пожар войны, которая начисто разрушила белорусские города и деревни.

Сейчас мы, Рада Белорусской Народной Республики, сбрасываем с родного края последнее ярмо государственной зависимости, которое насильно накинули российские цари на наш свободный и независимый край.

С этого момента Белорусская Народная Республика провозглашается независимым и свободным государством. Сами народы Беларуси, в лице своего Законодательного сейма, примут решение о будущих государственных связях Беларуси.

В связи с этим утрачивают силу все старые государственные союзы, которые и дали возможность чужому правительству подписать за Беларусь трактат в Бресте, что убивает насмерть белорусский народ, разделив его землю на части.

В силу этого правительство Белорусской Народной Республики может войти в отношения с заинтересованными сторо-

русы, сегодня у нас Пасха. Сегодня вновь соединяются духовно Вильно и Минск — душа и тело. Сегодня Белорус воскрес»: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 6–8.

22. Там же.

нами, предложив им пересмотреть ту часть Брестского договора, которая касается Беларуси, и подписать мирное соглашение со всеми воевавшими государствами.

Белорусская Народная Республика должна охватить все земли, где живет и имеет численное превосходство белорусский народ, как-то: Могилевщину, белорусские части Минщины, Гродненщины (с Гродно, Белостоком и др.), Виленщины, Витебщины, Смоленщины, Черниговщины и смежные части соседних губерний, населенные белорусами.

Белорусская Народная Республика подтверждает все те права и свободы граждан и народов Беларуси, которые были провозглашены Уставной грамотой от 9 марта 1918 года.

Объявляя о независимости Белорусской Народной Республики, ее Рада возлагает свои надежды на то, что все любящие свободу народы помогут белорусскому народу в полной мере осуществить его политически-государственные идеалы»[23].

Новая идея принесла с собой и новые сомнения. Не случайно тот же А. Луцкевич на страницах виленского «Гомана» задавался вопросом: «Достаточно ли у белорусов сил, необходимых для организации своей собственной государственности?»[24] Ему вторил М. Довнар-Запольский: «Имеем ли мы право на такой шаг, в нужное ли время он сделан, и — главное — что ждет наше Отечество впереди?..»[25] Даже минский «Беларускі шлях» спустя всего три дня после образования БНР писал: «Независимой Белорусской державе не улыбается будущее...»[26]

При этом все сходились во мнении, что провозглашение независимости — это только первый шаг: «Акт 25 марта 1918 года был кульминационным пунктом политической мысли возрождения нашего народа. Дальнейшая политическая работа белорусов — это уже работа по реализации идеала независимости. Сможет ли этот идеал реализоваться и в какой мере, будут

23. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 62— 63; Турук Ф. Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белоруссов. М., 1921. С. 116–117.
24. Mieleśka I. Budawańnie dzierżaunaha życcia // Homan. 03.03.1918. № 28. S. 1.
25. Вольная Беларусь. 04.28.1918. № 15.
26. Беларускі шлях. 08.03.1918. № 1. С. 3.

ли белорусы представлять независимую государственную единицу, свяжутся ли федеративным союзом со своими соседями и с какими, в тесной организации пойдут на Восток или на Запад — будет ли когда-нибудь вновь актуальной Белорусско-Литовская концепция — это вопросы, на которые ответить может только сама жизнь в зависимости от внутренней силы белорусского народа и общей политической конъюнктуры Европы»[27].

Третья уставная грамота вызвала резонанс как внутри Рады, так и среди различных политических групп в Минске. Казалось, что поспешное и неоднозначное решение еще можно отменить. Уже 29 марта на очередном заседании Рады БНР несколько ее членов выступили с предложением включить в повестку дня вопрос «о желательности федерирования с Великороссией, Украиной и Литвой», однако после дискуссии он был снят с обсуждения. При этом представитель Крестьянского совета Минской губернии Мокреев заявил, что ему поручено оставаться в Раде и бороться за федерацию с Великороссией, тогда как делегаты от земств на заседании и вовсе отсутствовали. Еще спустя два дня из Рады вышли представители минского областного комитета партии эсеров. С другой стороны, о своей готовности войти в состав Рады БНР заявила Польская рада Минской земли, выдвинув при этом ряд требований[28].

Одними из первых в связи с несогласием с его политикой Народный секретариат покинули три народных секретаря: финансов — Г. Белкинд, внутренних дел — И. Мокреев и путей — В. Редько. А еще через три дня о своей отставке заявил народный секретарь почт и телеграфов А. Карач. В качестве основной причины он указал «отсутствие средств оставаться в Минске»[29]. Тогда же Рада разработала наказ, который регламентировал структуру президиума, Совета старейшин и различных комиссий[30]. Одновременно Народный секретариат издал распоряже-

27. LCVA. F. 361. Ap. 3. B. 8. L. 37.
28. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 66–67, 69, 72–73.
29. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 1. L. 33; Ibid. B. 68. L. 9; Ibid. B. 71. L. 2; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 255.
30. Президиум Рады должен был состоять из семи членов: председателя (белоруса), трех товарищей председателя (белоруса, поляка и еврея),

ние, согласно которому все без исключения правительственные организации в крае объявлялись институтами БНР и могли выступать только от ее имени[31]. Сразу после провозглашения независимости БНР в Минск отправляются делегации из Борисова, Бобруйска, Слуцка, Несвижа, Радошкович, Койданово, Новогрудского уезда с целью «завязать тесный контакт с Радой»[32]. В результате, за некоторым исключением, Рада не смогла добиться поддержки органов местного самоуправления, а только что созданное правительство БНР оказалось в процессе перманентного кризиса и «реконструкции».

Ситуация усугублялась отсутствием финансовых и прочих материальных ресурсов — весь наличный бюджет БНР на конец марта составлял всего... 45 рублей! И хотя одним из первых своих распоряжений Народный секретариат объявил все хозяйственное имущество на территории БНР собственностью белорусского народа, которую он принимает в свое распоряжение, на деле вместо этого вновь созданное правительство безуспешно пыталось вернуть от немецкого коменданта Минска реквизированное здание Секретариата и часть наличных денег, остававшихся там. Не удалось Народному секретариату получить в свое распоряжение и часть бывшего военного имущества из Бобруйской крепости, на которое он очень рассчитывал[33]. Даже обещанный кредит от Минской городской думы в размере 10 тыс. рублей так и не был получен[34].

секретаря (белоруса) и его двух товарищей (белоруса и русского — «великоросса»). Совет старейшин (Сеньор-конвент) должен был состоять из представителей различных фракций внутри Рады согласно пропорциональному принципу: группа до пяти человек посылала одного члена, от пяти до десяти — двух, до двадцати — трех. Фракцию, имевшую в Раде более двадцати делегатов, могло представлять четыре человека. Кроме того, было решено организовать шесть комиссий: внешних дел, финансовую, просвещения, народного хозяйства, связи и издательскую. Первое заседание Сеньор-конвента было запланировано на 6 апреля 1918 г.: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 1. L. 31, 33.

31. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 32.
32. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 34.
33. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 71. L. 2; Ibid. B. 91. L. 1 ap.; НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 19. Арк. 253; Там же. Спр. 21. Арк. 99, 101–101 адв.; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 55, 228.
34. Там же. С. 55.

Члены Народного секретариата пытались выдвигать различные проекты по преодолению сложившейся тяжелой ситуации. Так, например, программа народного секретаря финансов БНР П. Кречевского предусматривала введение алкогольной и спичечной монополии, взятие под контроль продажи игральных карт, выпуск собственных лотерейных билетов, введение минимальной вывозной пошлины, а также свободный экспорт домашнего скота и птицы за пределы Беларуси. Она осталась нереализованной, как и предложение по созданию Белорусской центральной торговой палаты и ее региональных филиалов, которые способствовали бы регулированию товарообмена между Беларусью и соседними государствами[35].

Кроме того, сказывались внутренние противоречия между отдельными белорусскими деятелями. Так, один из лидеров левого крыла Громады Т. Гриб выступил с предложением и вовсе распустить только что созданное правительство. «Исторический пример существования Н[ародного] С[екретариата], — убеждал он, — ясно показал, что до сих пор на Беларуси существуют только три власти: немецкая, польская и великорусская. Поэтому, чтобы отвоевать белорусскому народу принадлежащую власть, необходимо действовать иным путем: ...выяснить с военными оккупационными властями, насколько они могут признать в пределах их оккупации какую бы то ни было другую власть; выработать определенные конкурентные практические задачи Народного секретариата по его ближайшей деятельности и в случае непризнания военными оккупационными властями платформы Народного секретариата подать ему в отставку и показать таким образом всем гражданам

35. Следует признать, что без привлечения специалистов, работавших в бывших государственных учреждениях, структурах городского и земского самоуправления, члены правительства БНР, большинство из которых слабо разбирались в вопросах экономики и государственного управления, были не в состоянии выработать реальную программу развития Беларуси. Поэтому одним из немногих позитивных моментов в деятельности Народного секретариата в экономической сфере в первые месяцы его существования можно считать работу статистического отдела: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 19. Арк. 57–57 адв., 129–137, 139–143.

БНР и всему миру, как задавлены завоеванные революцией права и вольности трудового народа»[36].

Кроме декларирования независимого государства, белорусским деятелям приходилось искать новое место в государственной иерархии. Часто это выглядело достаточно курьезно, как, например, история с присвоением офицерского чина К. Езовитову, которого за одну ночь повысили в полковники. Каждый новый чин при этом отмечался... новым тостом[37]. Сколько в этом анекдоте правды, можно судить по письму новоиспеченного полковника в середине марта 1918 г. в редакцию одной из минских газет, в котором тот разъяснял свое действующее воинское звание: «Постановлением № 3 Народного секретариата Беларуси я произведен в полковники белорусской службы. В своих служебных отношениях, касающихся русской службы, я по-прежнему подписываюсь "поручик". Это вызывает недоумение со стороны некоторых белорусов. Считаю долгом разъяснить тем, кого этот вопрос интересует, что подписывание "поручик" во всех тех случаях, когда я выступал как русский офицер, является единственно возможным, ибо производство мое прошло только по белорусской службе и не получило подтверждения в службе русской»[38].

Не имея, по сути, возможности развивать свою внутреннюю политику, деятели БНР пытались найти внешнеполитических союзников[39]. Основным партнером Беларуси на этом этапе стала Украинская Народная Республика. Первая дипломатическая миссия БНР в составе А. Цвикевича и С. Рак-Михайловского отправилась в Киев 22 марта 1918 г. В начале апреля делегация Народного секретариата БНР обратилась к украинскому правительству с просьбой о выделении кредита на сумму

36. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 70–71.
37. Как гласил анекдот, бытовавший среди белорусов Вильно, если бы не закончился алкоголь, звание могло бы быть и еще выше: Пазняк З. Гутаркі з Антонам Шукелойцем. Вільня, 2003. С. 2.
38. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 115.
39. Мазец В. «Мы мабілізуем свае сілы і... тут выкуем дзяржаўную волю свайго народа» // Беларусь у XX ст. Вып. 1. Мінск, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.homoliber.org/ru/xx/xx010116.html.

пятьсот тысяч рублей для работы среди белорусских беженцев в Украине. «Указанный заём, — говорилось в документе, — будет сразу же возвращен после установления нормальных денежных переводов, так как в данный момент это невозможно технически осуществить». Кроме того, делегация направила просьбу, с тем чтобы воспользоваться украинским радиотелеграфом для распространения сведений о провозглашении независимости БНР[40].

Одновременно белорусская делегация связывается с министром продовольствия Украины по вопросу продажи 15 тыс. кубометров березовых дров с бывших государственных делянок и выдачи 300 тыс. рублей аванса[41]. Ситуация, правда, осложнялась тем, что заготовленные дрова находились, собственно, на территории Полесья, которое сам Киев считал частью Украины[42]. Фактически продажа древесины из бывших государственных запасов стала первой удачной транзакцией, принесшей реальные деньги в бюджет белорусского правительства[43].

Вскоре в Киеве была основана Белорусская торговая палата по товарообмену между Украиной и БНР. Возглавил палату известный белорусский ученый и общественный деятель, профессор Киевского университета, один из учредителей местного коммерческого института М. Довнар-Запольский[44]. Благодаря его опыту и усилиям к работе в палате были привлечены опытные администраторы и финансисты, ранее работавшие в системе государственного управления и сфере предпринимательства. В большинстве своем это были выходцы из восточной части Беларуси, по военным и политическим обстоятельствам оказавшиеся тогда в Киеве[45]. М. Довнар-Запольского абсолют-

40. Знаменательно, что в качестве одного из доводов в пользу принятия Третьей уставной грамоты было высказано, что Украина не сможет оказать финансовой поддержки структуре без определенного политического статуса: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 69. L. 6, 8.
41. Дрова продавались по цене 250 рублей за сажень: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 69. L. 22.
42. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 69. L. 12.
43. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 69. L. 22, 40.
44. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 19. Арк. 55.
45. Заместителем М. В. Довнар-Запольского являлся его двоюродный дядя Ф. С. Бурчак, выпускник Киевского университета, врач, бывший гласный

но не смущала западнорусская идеологическая ориентация некоторых из этих деятелей. Они подбирались им по сугубо профессиональным критериям.

18 апреля с разрешения украинских властей белорусской делегации наконец удалось выслать через правительственный телеграф в Киеве сообщение о провозглашении БНР. А уже в конце апреля украинский военный министр Жуковский дал С. Рак-Михайловскому принципиальное согласие на организацию белорусской армии. Кроме того, он распорядился приостановить на несколько месяцев расформирование белорусского военного концентрационного пункта в Одессе[46]. Тогда же Народный секретариат непосредственно обратился к министру продовольствия УНР по вопросу организации взаимных поставок продовольствия[47].

Украинская сторона, однако, отказалась признать БНР де-юре, хотя один из министров УНР и заявил о том, что «среди украинского правительства существует мысль основать по соседству с Украиной нейтральное государство, для чего Беларусь наиболее подходит». Проблема заключалась в том, что Украина фактически претендовала на все припятское Полесье от Гомеля до Бреста. Достаточно вспомнить, что среди соседей Украины, перечисленных в Четвертом универсале, провозгласившем независимость УНР, Беларуси попросту не оказалось. Чтобы хоть таким способом сохранить за собой право на эту территорию, белорусская делегация озвучила идею создания совместного с Украиной протектората в бассейне реки Припять. Украинские представители, со своей стороны, декларировали готовность предоставить персональную белорусскую автономию

и заместитель головы Киевской городской думы, а среди членов правления оказались известный землевладелец, председатель Гомельской уездной земской управы Ф. Мухортов, представители от киевских белорусских национальных организаций В. Г. Бычинский, А. К. Головинский, опытные юристы и хозяйственники Г. Ф. Базаревич, В. Г. Згорский, А. М. Копыстенский, И. В. Курлович, В. Сченснович, К. С. Теренецкий (секретарь БТПУ), Р. Ф. Хергер и др.: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 19. Арк. 55–56.

46. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 69. L. 8; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 263.

47. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 10. Арк. 205.

в границах трех полесских поветов — Речицкого, Гомельского и Мозырского[48]. Более того, белорусским представителям даже пришлось обратиться со специальным меморандумом к немецкому дипломатическому атташе с просьбой повлиять на Киев в определении «нормальной» этнографической границы[49].

Кроме Украины, белорусское правительство предпринимает еще целый ряд шагов по установлению дипломатических отношений с соседями. Уже в апреле 1918 г. белорусский комиссар Румынского фронта К. Манцевич был назначен представителем БНР при правительстве Молдавской республики. Примерно в это же время Виленская рада предпринимает попытку наладить отношения с литовской Тарибой — Государственным советом, фактически выполнявшим роль предпарламента. Однако договориться с литовской стороной, которая ощущала поддержку своего государственного проекта со стороны Германии, не получилось[50].

Во многом именно эти безуспешные попытки напрямую разрешить возникшие противоречия с соседями, появившимися на обновленной германской карте Восточной Европы, заставили белорусских деятелей поменять тактику и попытаться заручиться поддержкой со стороны Германии. Виленской Белорусской радой был послан меморандум с просьбой разъяснить отношение Германии к самоопределению Беларуси. И хотя Берлин оставил само обращение без ответа, руководитель национальной политикой на оккупированных территориях заверил виленских белорусов, что вопрос о создании «мужицкого государства» серьезно обсуждается и в скором времени будет разрешен[51].

48. Любопытно, что один из проектов украинской границы — так называемый стратегический — доходил почти до Рогачева, Бобруйска и Слуцка. См.: Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 135, 212–222, 262, 264; Кукса А., Квасаў С., Каралёнак Т. Беларуска-ўкраінскія адносіны ў 1917–1920 гг. // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы. С. 123.
49. Кукса А., Квасаў С., Каралёнак Т. Цыт. тв. С. 124.
50. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 34.
51. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху. С. 233; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 195. Подробнее о самой декларации см.: Сідарэвіч А. Праваобраз Акту 25 Сакавіка. С. 155–157.

Сам этот термин — «мужицкое государство», сформулированный немецким чиновником четко и понятно для представителей центральной власти, как нельзя лучше передавал сущность БНР на начальном этапе ее кристаллизации в конкретные административно-политические институты.

В середине апреля 1918 г. в Минск прибыла вторая по счету делегация Виленской Белорусской рады, на этот раз во главе с Иваном Луцкевичем. На очередном заседании Рады после горячей дискуссии был одобрен проект реконструкции Народного секретариата по «кабинетной системе». Тогда же в состав Рады были кооптированы десять членов Минского Белорусского представительства во главе с Р. Скирмунтом. Представляется вероятным, что и на этот раз позиция виленских белорусов имела решающее значение. Фактически все эти шаги должны были привести к признанию со стороны Германии Народного секретариата в качестве политического партнера. Выступавший с докладом Иосиф Воронко особо отметил, что «Белорусская Народная Республика может достичь истинной своей независимости только при такой организации Народного секретариата, форму и государственно-правовое начало которого признают и высшие германские оккупационные власти»[52].

26 апреля, через два месяца после фактического разгона местными немецкими властями Народного секретариата и спустя месяц после провозглашения независимости, на закрытом заседании Рады БНР был принят текст поздравительной телеграммы на имя кайзера Вильгельма II. Сам И. Воронко в письме к А. Луцкевичу уверял, что это он является автором текста обращения. Вполне вероятно, что инициатива могла исходить от представителя Обер-Оста фон Мозе либо командующего 10-й немецкой армией генерала Э. Фолькенгайна как лиц, непосредственно заинтересованных в решении «белорусского вопроса»,

52. Одновременно Рада республики постановила созвать на 1 декабря 1918 г. Белорусское Учредительное собрание: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 2; Там же. Спр. 8. Арк. 17–18 адв.; Там же. Спр. 18. Арк. 5; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 91–92.

желавших таким образом подтолкнуть центральные власти к более активным действиям. Всего под телеграммой подписалось семь человек: председатель Рады И. Середа, председатель Народного секретариата И. Воронко, члены Рады Р. Скирмунт, А. Овсяник, П. Алексюк, П. Кречевский и И. Лёсик[53].

В своих показаниях И. Лёсик объяснял телеграмму как неизбежную дань немцам за их уступки «на культурном фронте»[54]. П. Кречевский в статье «Три Акта» в газете «Белорусское эхо» писал по этому поводу: «И когда перед Радой встала дилемма: что защищать теперь — социальные ли завоевания Российской революции с сумасшедшими декретами Ленина и компании, или сохранить в целостности и неприкосновенности белорусский народ и его территорию, — Рада стала на последний путь... со спокойной совестью и сознанием своей ответственности, какую она берет на себя перед народом, — Рада подписала эту телеграмму»[55].

53. За отправку телеграммы проголосовал 31 член Рады при 4 против (А. Тихомиров приводит другие цифры: 35 — за, 4 — против, 4 — воздержались): Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 132, 141; Тихомиров А. Проблемы белорусско-германских отношений...; НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 125; Карнялюк В. Калабарацыя ў Беларусі: эпізод Першай сусветнай вайны // Гістарычны альманах. 2007. Т. 13. С. 9.
54. И. Лёсик показал на допросе в ГПУ буквально следующее: «Мы решили использовать немецкую оккупацию, насколько это возможно, тем более что такой подход был уже среди белорусских деятелей в Вильно... Понятно, что немцы требовали публичного выражения нашего отношения к Германии. Отсюда наша телеграмма Вильгельму. Мы понимали, что немецкая оккупация недолговечная, временная и что телеграмма Вильгельму — наша политическая компрометация, однако “блажен, иже и душу свою отдаст за народ свой”, — так говорил мне А. Гарун, когда я колебался поставить свою подпись на телеграмму... Телеграмма нам была нужна для белорусского национального дела, нам нужно было кричать на всю Европу, что Беларусь живет и требует своего места среди народов...» Цит. по: Карнялюк В. Калабарацыя ў Беларусі... С. 9–10. Относительно специфики показаний как исторического источника см.: Ліцкевіч А. «Зачыркнутаму верыць». Яшчэ раз пра ступень верагоднасці следчых матэрыялаў АДПУ, НКУС і МДБ (па справах Філістовіча і Ластоўскага) // Беларуская думка. 2010. № 10. С. 74–75.
55. Белорусское эхо. 1918. № 7. С. 7. Цит. по: Щавлинский Н. Основные методологические принципы изучения белорусского национального движения в годы Первой мировой войны в курсе «История Беларуси» // Вестник БНТУ. 2009. № 2. С. 112.

Позже ксендз В. Годлевский вспоминал: «Сторонники отправки телеграммы объясняли свою позицию так: в телеграмме никто не отрекается от независимости, а даже наоборот — эта независимость дважды подчеркивается. Кроме того, в ней говорится о неделимости края; там нет ни слова о том, что Беларусь переходит под власть немцев, а только говорится о связи или союзе с Германией; Германия как более отдаленное государство не так страшна для существования Беларуси, как, например, Россия или Польша. Помимо этого, говорилось об экономических выгодах связей с Германией, куда Беларусь сможет отправлять свою сельскохозяйственную продукцию. Заканчивалось все аргументами в том смысле, что иного выхода все равно нет, что так же поступают и другие народы, и при этом добиваются желаемых результатов...»[56]

Но то, что должно было стать дипломатическим прорывом БНР, превратилось в один из самых серьезных идеологических просчетов. По целому ряду причин обращение не только не принесло Раде признания со стороны официального Берлина, но и вызвало очередной внутренний кризис, который на этот раз затронул даже ряды самой Громады. Один из членов белорусской делегации в Украине С. Рак-Михайловский в отчаянии писал из Киева в Минск: «Громада себя этой телеграммой похоронила... Как будут смотреть теперь на нас, белорусских социалистов, германские социалисты, которые все-таки борются в Рейхстаге с юнкерами и на чью помощь мы тут все еще надеялись? Эх, братья, братья! Что вы наделали?.. Я просто не верю! Этого не могло быть в Раде. Не могу поверить. Убедите меня в том, что это было нужно!»[57]

Еще более остро прореагировал народный секретарь земледелия Т. Гриб. «Я... как участник Великой российской революции, — говорилось в его заявлении, — протестую против посылки такой телеграммы германскому монарху от имени всего белорусского народа и считаю предательством идеи револю-

56. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 255–256; Тихомиров А. Проблемы белорусско-германских отношений...
57. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 150–151.

ционного социализма входить в союз с монархом и отдавать на попечение империалистической буржуазии Германии наш многомиллионный рабочий крестьянский народ».

В конце концов телеграмма привела к расколу в рядах Белорусской социалистической громады. Ее покинули левая фракция во главе с П. Бодуновой и некоторые члены Рады — М. Пашкович, Н. Козич, А. Карач, заложившие основу самостоятельной партии белорусских социал-революционеров[58]. «Партия не была единой благодаря отсутствию постоянной программы и невыразительности лозунгов, — писал позднее К. Терещенко. — Некоторые члены знали, что они с.-р., а почему и как, это никого не касалось. Правда, приток новых сил упорядочил партию, придал ей некую спайку, однако все-таки слабо...» Среди главных программных требований новой партии были борьба с оккупантами и создание независимой белорусской республики[59].

Одновременно на Раду с критикой за ее политику «виляния хвостом» перед очередной оккупационной властью обрушились члены земства, которые высказались за создание собственного краевого представительства[60]. Кроме того, тревожные известия поступали из Киева, где в конце апреля 1918 г. состоялся переворот и генерал Павел Скоропадский был провозглашен гетманом Украины.

Казалось, что если не сама «мужицкая республика», то по крайней мере ее идеология перестала существовать...

58. Позднее один из руководителей и идеологов белорусских эсеров Т. Гриб объяснял раскол внутри Громады тем, что телеграмму подписал И. Воронко — член Центрального Комитета партии, тогда как сам ЦК «не захотел в той или иной форме реагировать на эту недопустимость»: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 154; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1099; Цярэшчанка К. Мой удзел у беларускім руху // Arche. 2011. № 11. С. 79. На заседании Рады БНР 1 мая 1918 г., где эсеры выступили со своей декларацией о создании новой фракции, произошел знаменательный инцидент. Во время выступления представителя от польских социалистов П. Бодунова потребовала перевести речь с польского на белорусский, после чего уже во время ее выступления М. Костевич попросил перевести лидера белорусских эсеров с русского на белорусский, чем вызвал «неудержимый хохот» у присутствующих: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 140.
59. Там же. Кн. 1. Т. 2. С. 1099; Цярэшчанка К. Цыт. тв. С. 79.
60. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 257.

ГЛАВА 3

Благие намерения: правительство Романа Скирмунта

Каким образом создание Белорусской Народной Республики связано с традицией Великого Княжества Литовского? Ответить на этот вопрос при всей, на первый взгляд, его очевидности будет достаточно непросто. Особенно если выйти за рамки сложившихся стереотипов и посмотреть на него непредвзято.

Сама по себе белорусская идея — существование суверенного, крестьянского в своей массе белорусского народа — плохо вписывалась в концепцию феодальной монархии. Кроме того, в споре за «право на Вильно» среди национализмов, черпающих из этой истории свою идеологическую легитимность, у белорусского было меньше всего сил и амбиций[1]. И все же как исторический, культурный и экономический центр Вильно казалось незаменимым, особенно в период, когда «культурные слои» самого белорусского народа только начинали формироваться[2].

В этом смысле Минск значительно уступал Вильно. «Национальные деятели, — пишут в этой связи Д. Михалюк

1. Ліндనэр Р. Гісторыкі і ўлада... С. 91–97; Mačiulis D., Staliunas D. Lithuanian Nationalism and the Vilnius Question 1883–1940. Marburg, 2015. P. 60–62.
2. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 22. Арк. 12–13. Более подробно см.: Мазько Э. Канцэпт «ідэальны горад» у беларускім нацыянальным каноне першай паловы XX ст. // Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры: зб. навук. артыкулаў. Гродна, 2007. С. 181–185; Шыбека З. Чаму Вільня не стала сталіцай БНР? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.belcollegium.org/lekcyji/historyja/szybeka_01.htm. Дата доступа: 16.01.2017; Марозаў С. Дзяржаўна-палітычная традыцыя Вялікага Княства Літоўскага ў нацыянальных рухах яго правапераемнікаў у пачатку XX ст. // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия А. Гуманит. науки. Ист. науки. 2015. № 9. С. 94–105.

и П. А. Рудлинг, — соперничая за контроль над одной и той же территорией, создали свои собственные, временами совершенно несовместимые мифологии. Вильно было “духовным домом” белорусского национального движения и рассматривалось деятелями в качестве наиболее желанной потенциальной столицы. Однако белорусское национальное движение опоздало с появлением на политической арене...»[3] Не случайно еще в середине 1917 г. на очередной сессии Центральной белорусской рады звучали предложения перенести политическое руководство в Могилев или Витебск, чтобы вырваться из-под власти местных земств. Постепенно, однако, беженские организации и войсковые рады начинают видеть в Минске тот национальный центр, который должен помочь им вернуть утраченную родину. Но только Всебелорусский съезд фактически закрепил за ним эту роль, предвосхитив дальнейший вектор развития белорусского движения[4].

Парадоксально, но здесь, в Минске, миф о «белорусском характере Литовского государства», вероятно, звучал даже более убедительно, чем в самом Вильно. Постепенно, по мере того как терпели неудачу совершенно противоположные по своей сути политические инициативы виленских и минских белорусов (с одной стороны — реанимация конфедерации ВКЛ, с другой — создание «крестьянской» республики), начинается процесс диффузии, наложения этих концепций одна на другую. В первую очередь это происходило в сфере политической идеологии.

Так, под Первой уставной грамотой стояла печать Народного секретариата с изображением пересеченных снопа, косы и граблей. А уже два месяца спустя тот же Народный секретариат, рассмотрев доклад председателя И. Воронко, единогласно утвердил в качестве государственной печати республики рисунок, изображающий «печать белорусско-литовского князя Миндовга»[5].

3. Міхалюк Д., Рудлінг П. А. Ад Вялікага Княства Літоўскага да Беларускай Народнай Рэспублікі... С. 32.
4. Вольная Беларусь. 26.10.1917. № 13. С. 4.
5. Согласно опубликованному описанию, «в центре новой печати размещался рисунок “Погоня” в выпуклом и квадратном орнаменте с древне-

Двумя годами позднее, уже будучи чиновником на службе Литовского государства, И. Воронко так объяснял выбор в качестве герба БНР символа ВКЛ: «Право на герб “Погоня”, по моему мнению, имеет также и Беларусь, так как, во-первых, это герб не одного литовского народа, а бывшего объединенного Великого Княжества Литовско-Белорусского, а во-вторых, это право от России как литовцы, так и белорусы берут не обоюдным соглашением, а революционным по отношению к России способом. Кроме того, монополию на этот герб нынешняя новая Литва... могла бы иметь в том случае, если бы она претендовала и на территорию всей исторической Литвы (т. е. до Смоленска и за линию Днепра), а не на одно наименование»[6].

Сложнее было с выбором государственного флага, которым занималась особая комиссия по установлению эмблем и внешних знаков при Народном секретариате БНР. Согласно официальному сообщению комиссии, «большие затруднения в этом вопросе возникли в связи с тем, что литовцы, не имевшие в действительности никакой национально-политической эмблемы в виде флага, позаимствовали некоторые эмблемы у белорусов». (Официально флаг БНР был утвержден только 5 августа 1918 г., а его описание появилось спустя шесть дней в газете «Вольная Беларусь»[7].)

Уже в конце мая комиссия по выработке государственной эмблемы и установлению исторических государственных терминов внесла в Народный секретариат еще один проект, на этот раз по изменению существовавших на тот момент государственных терминов, мотивируя его тем, что понятия «Народный секретариат», «Рада» и прочие были «взяты отчасти из американской конституции, украинской, немецкой, польской или же переведены с русских наименований...». Главны-

белорусским узором по сторонам. Попона на лошади с тремя зубцами, в отличие от круглой; по кругу надпись в стиле летописей: “Беларуская Народная Рэспубліка”»: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 19. Арк. 185.

6. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 578.
7. Там же. Об истории формирования белорусской национальной символики см.: Рассадин С. Истоки государственной символики Беларуси. Минск, 2014. С. 75–80, 85–86; Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мінска. Кн. 2. С. 367.

ми источниками вдохновения послужили Статут ВКЛ, а также «исторические доказательства профессоров Довнар-Запольского, Завитиевича, Карского и др.». В числе прочего предполагалось переименовать Белорусскую Народную Республику в Речь Посполитую Белорусскую; Раду БНР — в Вольный Сейм; председателя Рады — в главного маршалка; председателя Народного секретариата — в канцлера. Кроме того, должны были появиться посты подскарбия, генерального писаря и т. д.[8]

Проект, однако, так и не был реализован. Вместо этого правительству пришлось срочно печатать опровержение на публикации в местной прессе, разъясняя уже имеющиеся названия государственных институтов БНР и их функции[9].

Последнее оказалось тем сложнее, что организационный кризис, вызванный берлинской телеграммой, фактически поставил под вопрос даже номинальное существование прежнего краевого правительства[10]. Поэтому уже 9 мая 1918 г. из оставшихся членов Народного секретариата была «сконструирована» так называемая «Рада пяти» в составе председателя и народного секретаря международных и внутренних дел И. Воронко,

8. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 68. L. 4; Мазец В. Пытанні тэрміналогії ў дзейнасці дзяржаўных органаў БНР // Гістарычны альманах. 2004. № 1. С. 73–76. Так далеко, однако, дело не зашло, тем более что в это же время Вацлав Ластовский от имени партии «Союз независимости и неделимости Беларуси» (*Сувязь незалежнасці і непадзельнасці Беларусі*) выступил с инициативой создании федерации с Украиной: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 2. См. в связи с этим письмо А. Луцкевича к И. Воронко от 24 апреля 1918 г.: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 123–124.
9. «Некоторые газеты... — гласило одно из них, — в определении терминологии названий высших государственных установлений Белорусской Народной Республики страдают неисправимой безграмотностью, употребляя, например, такия названия, как “Секретариат Рады” вместо “Народный секретариат”, “Рада Беларуси” вместо “Рада Белорусской Народной Республики” и т. д. Следует иметь в виду, что ныне в Беларуси существуют два совершенно самостоятельных по своим функциям учреждения, а именно: законодательный орган — это Рада Белорусской Народной Республики и исполнительный орган — Народный секретариат (или, иначе, Народный секретариат БНР). Никакого же “Секретариата Рады” в Беларуси не существует и является плодом фантазии безграмотного политического редактора»: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 79.
10. Кроме П. Бодуновой и Т. Гриба, из Народного секретариата БНР вышли Л. Гутман и Е. Белевич: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 19–19 адв.

народного секретаря просвещения и национальных дел А. Смолича, народного секретаря юстиции и управляющего делами Л. Зайца, народного секретаря народного хозяйства и продовольствия И. Середы[11]. Кроме того, был окончательно сформирован Сеньор-конвент (Совет старейшин) Рады БНР[12]. В итоге на открывшемся 14 мая 1918 г. десятом заседании второй сессии Рады БНР принимается предложение Сеньор-конвента поручить формирование нового правительства Роману Скирмунту.

«Белорус польской культуры», как он сам назвал себя в одном из интервью, представитель старинного рода и крупный землевладелец, один из лидеров краевого движения, бывший депутат I Государственной Думы и член Всероссийского земского союза, председатель Минского белорусского представительства буквально несколько дней назад отметил свое пятидесятилетие[13]. Ни по возрасту, ни по своему социальному и культурному положению он не был похож на прежних членов Народного секретариата, но именно это должно было помочь ему добиться для БНР долгожданного признания со стороны немецких властей.

Первая смена правительства только что провозглашенной республики была исполнена пафосного духа. В своем выступлении И. Воронко заявил: «Судите нас за ошибки наши, мы горды уже потому, что ответственны перед Радой. Все мы перед вами.

11. Кроме «Рады пяти» управляющим Народного секретариата внутренних дел был назначен А. Овсяник, финансов — А. Власов, а уполномоченным по беженским делам — кс. В. Годлевский: Там же. Иногда в литературе под «Радой пяти» подразумевается президиум Рады БНР, что опять же связано с той путаницей, которая царила вокруг органов БНР в прессе, и постоянными изменениями в их структуре: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 68. L. 1; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 270–272.
12. В него вошли 12 (по другим источникам — 15) человек, в том числе президиум Рады (И. Середа, И. Воронко, А. Овсяник и М. Костевич): Там же.
13. Рудовіч С. «...Беларускі дзеяч з вялікіх паноў». Эпізоды палітычнай біяграфіі Рамана Скірмунта // Гістарычны альманах. 1999. № 2. С. 20–50; Смалянчук А. «Пакажыце ўсяму сьвету, што жыве Беларусь...». Раман Скірмунт (1868–1939) і дзейнасць Беларускага нацыянальнага камітэта ў сакавіку — траўні 1917 г. // Гадавік Цэнтра беларускіх студыяў. 2016. № 2. С. 175–198; Brzoza S., Kamil S. Posłowie polscy w parlamencie Rosyjskim 1906–1917. Słownik biograficzny. Warszawa, 2001. S. 190–195.

Наша работа — все для вас и для многострадальной нашей Отчизны. Независимость и неделимость ее — были нашими светочами, Народный секретариат был для нас той великой идеей, которая давно уже жила в умах белорусских деятелей. Идею эту мы берегли для вас, "паны-Рада", и верим, уходя со сцены активной белорусской политики, что первой задачей и нового правительства будет сбережение этой идеи. Вспоминайте нас со словами великого поэта — "Их нет, но они были". Три месяца страданий прошли, наступают месяцы строительства белорусской государственности, Белорусской Народной Республики». «Вы просите судить Вас, — ответил ему на это Р. Скирмунт, — суд над Вами — это суд над всеми нами: нас будут судить историки. Не судить, а благодарить мы должны вас, первые носители и воплотители идеи независимости Беларуси».

Тем не менее прежний Народный секретариат, он же «Рада пяти», так и не был распущен и согласно постановлению Рады БНР должен был продолжать работу «впредь до сформирования нового кабинета, ...что должно быть сделано в самый кратчайший срок».

Тогда же после фракционных совещаний и многократных перерывов состоялись выборы нового президиума Рады, в который вошли А. Смолич, А. Власов, П. Кречевский и С. Ленковский. Председателем Рады БНР стал тридцатичетырехлетний Иосиф Лёсик[14].

Р. Скирмунт сразу приступил к активной деятельности. Первым делом, пытаясь заручиться поддержкой старых членов Рады, он предложил войти в состав формирующегося кабинета И. Воронко и И. Лёсику, на что первый вначале даже выразил согласие при условии предоставления ему месячного отпуска «для поправления расшатанного непрерывной годовой работой здоровья»[15].

21 мая 1918 г. Р. Скирмунт представил проект программы своего кабинета, в котором главной задачей очередного пра-

14. В старый президиум Рады БНР входили И. Середа, И. Воронко, А. Овсяник и М. Костевич: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 39–40.
15. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 15. Арк. 53–53 адв.

вительства БНР значилось «укрепление белорусской государственности и авторитета Рады республики и Народного секретариата», для чего необходимо было добиваться признания «перед оккупационными властями и установления добрых с ними взаимоотношений». Кроме того, следовало решить вопрос границ с соседями, в первую очередь Польшей и Россией, и в целом выяснить «отношение великорусского правительства к белорусской государственной независимости».

Отдельно оговаривалось решение земельного вопроса. С одной стороны, в программе категорически заявлялось, что «поворот к старому начальному порядку немыслим» и «следует дать возможность крестьянину устроить свое существование так, чтобы он был удовлетворен и мог спокойно расширять свою сельскохозяйственную деятельность на земле, предоставленной ему за счет крупных землевладельцев». С другой стороны, реформу следовало провести «законным и мирным путем, не разрушая завоевания культуры и не без справедливого соглашения с прежними землевладельцами»[16].

Но тут, неожиданно столкнувшись с острой оппозицией в Раде БНР, спустя всего два дня после представления программы правительства Скирмунт подает в отставку! «В этот трудный момент, — писал он в своем обращении к И. Лёсику, — я полагал, что совместная работа главных партий Рады является жизненно необходимой и что Секретариат должен быть коалиционным. Из разговоров, которые я ранее вел по этому поводу с видными представителями фракции объединенных социалистов Рады, у меня сложилось впечатление, что по принципиальным вопросам у нас возможна совместная работа. Теперь же по не совсем для меня ясным и известным причинам представители фракции... изменили свои взгляды... Видя это, считаю необходимым донести до сведения Рады, что выданный мне на формирование Секретариата мандат я слагаю»[17].

Отставка не была принята. Вместо этого Рада на месяц продлевает переходный период для формирования нового

16. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 29, 35–36.
17. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 164.

правительства, оставляя за И. Воронко функцию временного председателя Народного секретариата[18]. Такой компромиссный шаг, по сути, только откладывал на время неизбежное столкновение между различными силами внутри Рады. Можно высказать предположение, что одной из главных причин радикализации левого крыла Рады могла стать информация из Киева о получении первой части долгожданного украинского кредита[19]. Сам же Р. Скирмунт почти сразу покинул Минск, направившись в составе дипломатической миссии в Киев, а затем — в свое имение на Полесье.

Об общих настроениях, царивших среди белорусских деятелей, можно узнать по «дарственной» записке с пожеланиями, оставленной гостями по окончании банкета у старого-«нового» председателя Народного секретариата И. Воронко 26 мая 1918 г. П. Кречевский написал: «Должны дать последний бой за Республику». А. Овсяник: «Независимость и неделимость». И. Лёсик: «Пускай будет как хотим». В. Захарко: «Улучшить жизнь нашего бедного народа может только Народная Республика». Л. Заяц: «Будьте все в душе искренними и правдивыми белорусами — тогда нам будут верить». К. Цвирко-Гадыцкий: «Хорошее дело — пускай имеет лучший конец». И только А. Смолич, видимо, устав, оставил пожелание: «Я со всеми соглашаюсь, так как пора спать»[20].

Правда, была и еще одна причина, побудившая И. Воронко медлить с уходом со своего поста: наконец-то, через месяц после отправки злополучного обращения, официальное немецкое руководство выразило заинтересованность «белорусским вопросом». Иными словами, необходимость в радикальной смене курса отпадала сама собой.

Уже 27 мая 1918 г. главнокомандующий 10-й армии генерал Эрих фон Фолькенгайн по собственной инициативе принимает у себя в главной квартире в помещении Дворянского собрания трех представителей Народного Секретариата — И. Воронко,

18. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 272–273.
19. Gierowska-Kałłaur J. Polacy i Białorusini we wzajemnych opiniach... S. 40.
20. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 195.

И. Середу и А. Овсяника, а также делегата фракции центра Рады П. Алексюка. В ходе беседы генерал подчеркнул, что «оккупационные власти хотели бы видеть в Раде посредника между немецкой администрацией и белорусским народом», и заверил собеседников, что «германское правительство всячески примет во внимание стремление Народного секретариата и Рады жить в согласии и дружбе с германской державой, что в недалеком будущем даст Беларуси желаемый политический результат».

На приеме присутствовал также начальник штаба армии генерал фон Штапфф, имевший отдельную беседу с делегацией БНР. Его в первую очередь интересовали вопросы практического характера: взаимоотношения Народного секретариата с советским правительством, настроения в Смоленске и Витебске, белорусская культурная деятельность[21].

Не исключено, что изменение отношения немецкого командования к белорусскому вопросу произошло при содействии все того же Э. Зуземиля, цензора и куратора «Гомана». Возможности последнего, однако, были довольно ограничены. Ромуальд Земкевич писал позже, что после приезда в Минск

21. В ответ И. Воронко, поблагодарив генерала Э. фон Фолькенгайна за такое доброжелательное отношение к белорусской государственности, заявил: «Мы, белорусы, в бывшей России были самой заброшенной, последней национальностью, ни одно из российских правительств не желало считаться с правом белорусского народа на самоопределение, и только свержение ига России в прежнем понимании и налаживающиеся взаимоотношения германских властей и верховных белорусских органов дали возможность белорусскому движению воплотиться в конкретных государственных формах. Мы примем, как и уже принимаем, все меры к установлению мирных взаимоотношений белорусского народа и германских войск, а теперь, идя в контакте с германским верховным командованием, это умиротворение страны даст лучшие последствия. Время знакомства прошло; мы уже вступаем в период совместной творческой работы. Благодарим Вас и ждем проведения в жизнь идей нашей государственности. Мы верим в духовную силу нашего народа, а содействие германского правительства ускорит достижение нами наших культурных и политических чаяний» (LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 68. L. 9; НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 52–52 адв.). Подробнее о белорусско-немецких взаимоотношениях на этом этапе см.: Тихомиров А. Проблемы белорусско-германских отношений в 1914–1922 гг...; Тихомиров А. Брестский мир 1918 г. и Беларусь // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 2. С. 44–57.

Зуземиль «постоянно вертелся среди белорусов, и хотя был военным низшего ранга — сержантом, ...буквально везде имел доступ к властям. Делал белорусам мелкие услуги, давал деньги на издание газет... Хотя Зуземиль ходатайствовал перед немецкими властями о признании Беларуси в качестве независимой единицы, однако немецкие власти, состоявшие в основном из баварцев, высказывались против этой идеи, которая казалась им “бессмысленной”».

Кроме того, как раз накануне немецкие власти ликвидируют польские части генерала И. Довбор-Мусницкого, и белорусы могли стать эффективным рычагом противодействия польскому влиянию.

Постепенно положение БНР начинало улучшаться. Отправной точкой, как уже было сказано, можно считать 15 мая 1918 г., когда белорусская делегация в Киеве наконец получила 50 тыс. руб. — часть обещанного ранее кредита. Половина этой суммы пошла на потребности Народного секретариата, 10 тыс. было отдано на организационные расходы торговой палаты, а еще 15 тыс. оставлено на нужды Белорусской дипломатической миссии в Киеве[22].

Именно украинские деньги несколько стабилизировали финансовое положение БНР. На 1 июля 1918 г. ее бюджет достигал уже 132 899,51 руб. Большую его часть — 125 тыс. руб. — составили средства, выплаченные украинской стороной в счет погашения долга Киевской городской управы перед лесничеством Бобруйского уезда за заготовку дров[23].

Белорусская делегация предпринимает попытки нормализации товарооборота между Беларусью и Украиной. М. Довнар-Запольский и сотрудники Торговой палаты считали вполне реальным обеспечить поставки в Беларусь не менее 1,5 млн пудов украинского хлеба. Также планировалось обеспечить через

22. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 69. L. 66–66 ap.
23. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 91. L. 3–10; Ibid. B. 97. L. 3–10; НАРБ. Ф. 375. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 2–2 адв.; Gierowska-Kałłaur J. Polacy i Białorusini we wzajemnych opiniach... S. 40. Из этой суммы 62 тыс. пошло на выплату зарплаты членам Рады БНР и Народного секретариата: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 196.

Украину поставку белорусским потребителям рыбы, жиров, табака, вина, а также керосина и других нефтепродуктов. Руководство Палаты по своим каналам, минуя структуры БНР, наладило тесное взаимодействие с белорусскими предпринимателями и органами местного самоуправления. За свои посреднические услуги Палата взимала довольно низкий процент — от 2 до 5 % стоимости товара. Также планировалось организовать товарообмен через Украину с казачьими правительствами Дона и Кубани на предмет закупки хлеба, овощей, фруктов, рыбы и соли.

В реальности, однако, деятельность Палаты встретила большие затруднения. Приезжавшие из Беларуси представители продовольственных земских и городских управ слабо ориентировались в украинских реалиях. За местный хлеб и другие продовольственные товары они предлагали пустые бумажные деньги уже не существующих Российской империи и Временного правительства. Реальные же сделки были возможны только при осуществлении бартерных торговых поставок. К тому же торговые агенты из Беларуси действовали разрозненно, без должной координации между собой, предлагая украинским посредникам мелкие партии товаров. Понятно, что такая организация сделок приводила к «случайному минимальному удовлетворению» и была обречена на провал[24].

Надо иметь в виду, что германские оккупационные власти всячески препятствовали развитию крупномасштабных централизованных товарных поставок между Украиной и Беларусью. Во-первых, в рамках брест-литовских соглашений («хлебного мира») они сами были заинтересованы скупать по низким ценам украинский хлеб и другое продовольствие для *Vaterland*. Во-вторых, немецкие контролирующие органы прежде всего шли навстречу торговым запросам институтов местного самоуправления, а не представителям БНР[25].

Основными сферами, в которых правительство БНР добилось успехов, стали культура и образование. Еще в апреле 1918 г. Народный секретариат объявил белорусский государ-

24. НАРБ. Ф. 375. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 129–129 адв.
25. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 65.

ственным языком, при этом национальным меньшинствам предоставлялось право пользоваться в официальных обращениях своими языками[26].

Тогда же, в апреле, в помещении Рады состоялось открытие курсов белорусоведения. Выступая с приветственной речью, глава правительства БНР И. Воронко подчеркнул ту «огромную пользу, которую может принести Республике всякий сознательный и политически и культурно осведомленный белорусский гражданин». Первая лекция, прочитанная на курсах, была посвящена белорусскому праву[27].

Спустя всего три недели вышло постановление Народного секретариата об открытии в Минске университета, для чего было решено обратиться к Довнар-Запольскому с просьбой взять на себя организационную работу. Кроме него в комиссию по созданию первого белорусского университета вошли А. Смолич, Е. Карский и В. Самойло.

Учрежденная в апреле музыкальная школа в Минске уже летом была принята в ведение Народного секретариата в качестве Белорусской государственной консерватории. Открывается Белорусский народный университет, организуются курсы белорусоведения для учителей, планируется создать политехнический институт и сельскохозяйственную школу. Наконец, появляются первые белорусские школы (только в самом Минске в 1918 г. их было уже девять). Также была создана комиссия по переводу на белорусский язык школьных учебников. Предполагалось для начала перевести «лучшие с педагогической точки зрения учебники» для первых трех лет обучения[28].

19 мая состоялось открытие народного дома имени Максима Богдановича[29]. Одновременно Народный секретариат

26. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 33, 34; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 247.
27. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 33.
28. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 68. L. 1, 6 ap., 12; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 247–248. Подробнее на тему школьной политики Народного секретариата БНР см.: Ляхоўскі У. Школьная адукацыя ў Беларусі... С. 200–209.
29. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 68. L. 3 ap., 6.

принимает решение издавать четырнадцать белорусских газет «для пропаганды и защиты белорусской государственности, независимости и неделимости» в разных городах от Минска до... Киева[30]. Тогда же Иван Луцкевич привозит в Минск белорусскую выставку, которая до этого открылась в Вильно при участии Вальтера Егера[31]. В преддверии возвращения беженцев на оккупированные ранее территории даже некоторые из православных священников высказались за необходимость «стать белорусским национальным духовенством»[32].

Подобная активность вызывала нескрываемое раздражение среди части местных элит. Газета «Минский голос» с сарказмом констатировала: «Раз навсегда должны понять те, кто искренно стремится к “Белорусской республике”, что белорусские спектакли могут ставиться в любом сарае и для их постановки совсем не нужно никакой политической автономии. А белорусская государственность может создаваться без белорусских водевилей и концертов. И даже сам белорусский язык, эта пресловутая “мова”, с которой носятся как с писаной торбой русские интеллигенты, только что познавшие ее, — даже она не только не помогает, но мешает строительству государственности»[33].

Тем временем 21 июня И. Воронко в очередной раз встречается с начальником штаба 10-й армии. Среди прочего обсуждался вопрос о возможности поездки чрезвычайной миссии Народного секретариата в Советскую Россию. Кроме того, генерал фон Штапфф высказал желание назначить по всей территории Беларуси особых советников при германских уездных командованиях «для регулирования взаимоотношений населения и германских войск». В заключение генерал особенно подчеркнул, что его лично судьба края и его культуры «весьма интересует», пообещав, что «во всех начинаниях Народного секретариата, касающихся внутреннего устройства страны и скорейшего приведения ее в нормальное для военного вре-

30. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 68. L. 5 ap.
31. Вітан-Дубейкаўская Ю. Мае ўспаміны. С. 114.
32. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 42.
33. Минский голос. 20.10.1918.

мени состояние, он встретит самое живое участие и поддержку Германского командования»[34].

Постепенно, по мере того как укреплялись позиции БНР, росло и количество государственных служащих. К середине лета 1918 г. в канцелярии Народного секретариата работало тридцать три человека[35]. Уже вскоре появилось сатирическое стихотворение, в котором неизвестный автор в язвительной форме дал краткое описание каждому из членов правительства БНР. Так, И. Середа, «...ціхінькі, ні шпаркі», отвечает за народное хозяйство, хотя сам «...ні ўладзіў ні гвазда», А. Смолич — на «прасьвеці» (имеется в виду просвещение). П. Кречевский взял себе «фінансы», «кантроль» и «харчаванне», при этом — все время с «...гурбай спраў» и... «мухаю выдатнай». Антон Овсяник — «быў там нечым і Аўсянік, каб залатаць кішані...» Про еще одного члена правительства стихотворение сообщало буквально следующее:

Быў «палкоўнік» Езавітаў
«Унутраны» ці «Скураны»
Ці ад усіх мо паразытаў,
Ад паліцы, ад вайны.

О самом же И. Воронко автор отзывался особенно саркастически: «“Сэкрэтар Міжнародовы”... ні міністар, а “совдэп”»[36].

Вопрос о смене правительства никуда не исчез. 28 июня 1918 г. на очередном (одиннадцатом) заседании второй сессии Рады БНР с перевесом в четырнадцать голосов при шести воздержавшихся наконец был утвержден особый состав нового Народного секретариата во главе с Р. Скирмунтом. В него вошли генерал К. Кондратович в качестве народного секретаря

34. Генерал также пообещал оказать «...полное содействие для въезда в Белоруссию отовсюду белорусских ученых, профессоров, учителей, будут устраиваться показательные выставки белорусской культуры и т. д.»: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 68. L. 17–17 ap. См.: Тихомиров А. Проблемы белорусско-германских отношений...
35. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 203–204.
36. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 235.

внутренних дел, Станислав Хржановский — народный секретарь финансов, Радослав Островский — народный секретарь просвещения и Павел Алексюк. Сам Р. Скирмунт получил пост народного секретаря иностранных дел[37].

Новый кабинет в качестве приоритетных вопросов внутренней политики выдвигал «поддержку правильных отношений с оккупационной властью и работу в полном контакте с ней», а также «создание из Народного секретариата центральной власти». Во внешней политике Скирмунт ставил целью «добиваться признания белорусской государственности у государств, вышедших из состава Российского государства и стран Четвертичного союза, а также у заключивших с ними мир и нейтральных стран». В отношениях с соседями предлагалось стремиться к установлению «дружественных отношений», но при этом добиваться «правильного размежевания»: с Украиной — по южной границе Гродненской и Минской губерний, с Литвой — на Виленщине, с Польшей и Россией — «по этнографическому принципу».

При этом вопрос о возможной федерации с соседними государствами, «насколько она будет нужной и полезной для Беларуси», относился к компетенции будущего Учредительного сейма и в программе не рассматривался.

Финансовая часть проекта состояла из четырех пунктов: получение займов на текущие и неотложные расходы; выпуск собственных денег — в случае признания белорусской государственности; создание земельно-парцелляционного банка, который должен был заняться решением земельного вопроса; деятельность по возвращению в Минск эвакуированных ранее финансовых институтов.

Предложения по решению земельного вопроса кроме добровольного выкупа наделов предусматривали также принудительное отчуждение земли у крупных землевладельцев «там, где это необходимо» и «государственный контроль с целью избежать земельной спекуляции».

37. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 275.

В кратком резюме относительно будущей правовой реформы упор делался на строительство всеобъемлющего «Белорусского государственного суда» на основе частичного использования российского Свода законов с дополнениями, которые бы «отвечали духу и быту белорусского народа». Кроме того, проект предлагал целый ряд конкретных шагов в сфере образования, начиная от укрепления белорусского начального и школьного образования, активизации издательской деятельности, в том числе выпуска учебников, и вплоть до открытия в Минске Белорусского университета (причем этот пункт значился в проекте программы первым).

Новый кабинет уже однозначно заявлял о том, что именно «белорусский народ является законным хозяином своего края», признавая одновременно право других национальностей на «совместную гражданскую жизнь». При этом государственным языком объявлялся белорусский, но его полное введение в органах администрации должно было проходить постепенно.

Наконец, последним пунктом программы значилось признание «Погони» в качестве герба нового белорусского государства[38].

Дорота Михалюк обращает особое внимание на личность С. Хржановского — известного минского юриста и польского общественного деятеля, восемь лет занимавшего пост городского головы, а позже назначенного немцами комиссаром города. «Причины, по которым С. Хржановский был включен в круг лиц, отвечающих за создание белорусских властных структур, кажутся понятными, — делает вывод исследователь. — Скирмунт старался создать правительство из людей образованных, с опытом организационной работы и имеющих влияние на представителей разных социальных групп, рассчитывая таким образом получить поддержку со стороны землевладельцев»[39].

Подобный шаг был, однако, расценен как предательство национальных интересов. Не случайно И. Воронко, принимая программу нового кабинета, предостерег его «от тех местных элементов, которые так охотно стали в последнее время заяв-

38. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 10. Арк. 77.
39. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 275–276.

лять о своем признании независимости и государственности Беларуси». Он заявил: «Для нас все эти вновь окрашенные в белорусский цвет люди весьма опасны: отсутствие польских легионов и крах польской партии заставили их “записаться” в белорусы. Хотел бы я знать, как бы они говорили о белорусской государственности, если бы на улицах Минска вновь появились польские войска»[40].

Вице-председатель исполкома Польской рады Минской земли Э. Ивашкевич в своем письме к Л. Абрамовичу летом 1918 г. называл Р. Скирмунта единственным связующим звеном между темной, разъяренной ватажкой белорусских смутьянов и «цивилизованным миром». «Он является решительно белорусом, — характеризовал Ивашкевич нового главу Народного секретариата, — в том смысле, что, кажется, реально верит в возможность возрождения или, скорее, рождения этой народности. При этом он уже давно выступает идейным германофилом. Человек большой культуры, но не политик, не имеет демагогических способностей»[41].

Сам Р. Скирмунт как раз накануне вернулся из Киева, где вел переговоры с гетманом П. Скоропадским[42]. Его сторонники постарались нейтрализовать левую оппозицию и уже на следующей сессии 11 июля провели решение о том, чтобы отправить Раду Республики почти на два месяца на каникулы, тем самым развязав руки новому Народному секретариату. Вместо нее оставался бы Сеньор-конвент. Кроме того, члены представительства заблокировали предложение эсеров по созданию нескольких рабочих комиссий при Раде, после чего представители левых фракций молча покинули заседание[43].

Вопреки предыдущим договоренностям, И. Воронко и вовсе отказался оставить свой пост председателя Народного секретариата[44]. Уже на следующий день после срыва сессии Рады

40. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 96–98; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 182.
41. Gierowska-Kałłaur J. Polacy i Białorusini we wzajemnych opiniach... S. 39.
42. Немецкие власти почти целый месяц умышленно не выдавали Р. Скирмунту пропуск на обратную дорогу: Ibidem.
43. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 277.
44. Вероятно, свою роль тут сыграл и тот факт, что в Минск прибыла часть украинских средств, которые, видимо, попали в руки И. Воронко и его

Воронко и его сторонники публикуют универсал, адресованный всем гражданам Беларуси, в котором открыто обвиняют Р. Скирмунта в полонофильстве. Более того, 12 июля Рада БНР объявляет о создании Белорусского временного правительства во главе с... И. Воронко!

В Минске образовались сразу два правительства БНР: одно под председательством Р. Скирмунта, которое формально находилось в «Юбилейном доме» (там же располагалось Минское белорусское представительство); второе — во главе с И. Воронко, которое перешло в помещение по улице Захарьевской, 43, где прежде заседала Рада БНР. Незадолго до этого П. Алексюк, взяв за деньги правительства в аренду и отремонтировав так называемый «Юбилейный дом», вместо того чтобы предоставить его Раде БНР, организовал в нем клуб. В результате после долгих споров Рада вынуждена была отказаться от этого здания и обратиться к немецким властям с просьбой выделить ей новое помещение. Немцы пообещали свое содействие в данном вопросе и обещание сдержали. К концу июня Народный секретариат снял для своих нужд целый этаж в двадцать с лишним комнат в бывшем здании Крестьянского поземельного банка[45].

13 июля специальная делегация в составе И. Лёсика, А. Власова, Р. Островского и П. Алексюка потребовала от бывшего председателя Народного секретариата немедленно выдать государственную печать и архивы, на что И. Воронко через К. Езовитова заявил, что будет продолжать переговоры исключительно с самим Р. Скирмунтом. В ответ ему выставили официальное требование на бланке Народного секретариата под исходящим № 953 и за подписью Р. Скирмунта и П. Алексюка вернуть необходимые документы. Но, вместо того чтобы ускорить смену кабинета, эта бумага возымела совершенно противоположное действие. Оказалось, что оппоненты И. Воронко просто не могли иметь на руках соответствующего официального бланка Народ-

окружения: Gierowska-Kałłaur J. Polacy i Białorusini we wzajemnych opiniach... S. 40.

45. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 191, 192; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 279.

ного секретариата. Скорее всего, его «позаимствовал» из личных вещей самого И. Воронко П. Алексюк, когда у него на квартире некоторое время жил председатель правительства БНР[46].

Неприглядный эпизод с подлогом документа, правда, мало что менял. Тот же Э. Ивашкевич был склонен упрекать нового главу правительства БНР в излишней сдержанности при выборе средств борьбы со своими противниками: «Скирмунт ведет себя слишком по-джентльменски во всей этой игре, поэтому либо опять будут блефовать радикалы, либо немцы будут вынуждены оказать физическую помощь Скирмунту, чтобы разогнать эту компрометирующую все дело банду...» Обращая внимание на эту «слабость» Скирмунта как политика, он далее писал о нем: «Слишком честный. Выбирая средства при достижении цели, он скорее откажется от дела, что в итоге не сулит ничего хорошего для дальнейшей белорусской работы»[47].

Почти пятнадцать лет спустя Р. Скирмунт так вспоминал период немецкой оккупации Минска: «Следует признать, что приход немцев в Беларусь принес краю, пускай и на короткое время, некоторый порядок и спокойствие. Стоит быть справедливыми даже по отношению к врагу — для военного оккупанта армия Фолькенгайна вела себя сдержанно и прилично, оставив после себя не самые горькие воспоминания у местного населения»[48].

Однако сам Р. Скирмунт вновь оказался не готов предпринять решительные шаги. Кроме того, немецкие военные власти дали понять, что не станут поддерживать действия нового правительства[49]. Поэтому уже 20 июля 1918 г. правительство Скирмунта было вынуждено подать в отставку. А спустя всего три дня был утвержден очередной кабинет, который возглавил Иван Середа[50].

46. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 76–78, 99–101.
47. Gierowska-Kałłaur J. Polacy i Białorusini we wzajemnych opiniach... S. 39–40.
48. Kurjer Nowogródzki. 12.01.1932. № 8. S. 2.
49. LMAVB. F. 79. B. 775. L. 1.
50. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 218.

ГЛАВА 4

Карточный домик: правительство Ивана Середы

Исключительная важность I Всебелорусского съезда для формирования идеи белорусской государственности стала понятна отнюдь не сразу. «Так называемому всебелорусскому съезду, — вспоминал Бронислав Тарашкевич, — я не придавал тогда большого значения, считая его случайным собранием случайных людей, но необходимости его разгона не понимал: казалось мне, решения его шли как бы навстречу большевикам»[1].

О том, что инициатива руководства Облискомзапа имела совершенно неожиданные последствия, пишет и Е. Канчер: «После разгона съезда, в котором участвовало свыше 1500 человек, разъехавшиеся участники понесли в армию, в деревню и во все уголки Белоруссии и России новые идеи и новую веру. Лучшей пропаганды не могло быть. Разгон сделал то, что весь белорусский народ, не исключая и левых его течений, отвернулся от краевой революционной власти “комиссаров Западной области” в Минске и вообще занял к большевизму интернациональному определенную враждебную позицию»[2].

Роспуск съезда минскими большевиками сам по себе вовсе не означал, что белорусские деятели оказались поставлены новой властью вне закона. С другой стороны, именно разгон окончательно закрепил наметившийся еще в процессе его работы раскол на социалистический блок, куда вошли представители

1. Валахановіч А., Міхнюк У. Споведзь у надзеі застацца жывым: аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча / рэд. А. С. Ліс. Мінск, 1999. С. 24.
2. Канчер Е. Из истории общественных национальных и революционных движений белорусов... С. 142.

Громады, и фракцию белорусских большевиков и левых эсеров. Уже после случившегося Т. Гриб и Д. Жилунович выступили от фракции белорусских социалистов на III Всероссийском съезде Советов с декларацией, в которой говорилось, что они стоят на советской платформе и борются за независимую Советскую Беларусь[3].

В результате в тот самый момент, когда 13 февраля (31 января по старому стилю) 1918 г. минский губернский отдел ЧК арестовывал и допрашивал руководителей Центральной белорусской военной рады, в Петрограде при Наркомате по делам национальностей РСФСР создается Белорусский национальный комиссариат — Белнацком, который возглавили А. Червяков, В. Скорынко и Д. Жилунович[4]. Программой-максимум Белнацкома были созыв и проведение II Всебелорусского съезда, который должен был решить дальнейшую судьбу Беларуси, а программой-минимум — широкая культурно-просветительская и благотворительная работа среди белорусских беженцев.

В марте 1918 г. Белнацком перебирается из Петрограда в Москву, откуда пытается распространить свое влияние на Смоленскую и часть Витебской губернии[5]. Только за первые четыре месяца существования им было израсходовано 100 тыс. рублей, не считая жалованья примерно для 50 человек служащих[6]. При этом коллегия Народного комиссариата по делам нацио-

3. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1186; Кукса А. Указ. соч. С. 127–128.
4. Дмитриева О. Национальные общности на белорусских землях в период становления советской власти (ноябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г.) // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Серыя гуманіт. навук. 2015. № 2. С. 65–66.
5. «Большую часть своей работы, — сообщалось в выпускаемой в Минске хронике белорусской жизни, — члены Белорусского большевистского комиссариата... отдают еженедельной газете “Дзянніца”, где непрестанно пишут всякие небылицы об полномочных белорусских центральных организациях в Вильно и Минске, доносят в газете на отдельных деятелей, призывают читателей “к борьбе” с ними и проч. И это все за несколько десятков тысяч рублей, сидя в теплых апартаментах социализированного московского особняка, вдали от многострадального белорусского народа и от центров белорусской культуры и государственной жизни»: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 35–36.
6. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 68. L. 7.

нальностей успела дважды провести реорганизацию Белнацкома, сменила несколько руководителей и вообще всячески... игнорировала. Белнацком обвиняли в засилье эсеров и недостаточной связи с местными организациями. Лучше складывалась работа белорусских секций РКП(б), но им противостояли руководители обосновавшегося в Смоленске Облискомзапа[7]. И пока А. Вазило от имени белорусов — моряков Балтийского флота призывал к созданию Белорусской области, В. Кнорин на страницах «Звезды» клеймил его же как «социал-шовиниста». «Гегемония белорусских националистов, — писал он, — хотя бы и именующих себя социалистами, недопустима ни при каких условиях... Национальные интересы должны являться подчиненными интересам классовым»[8].

Собственно, и сами деятели БНР никогда не отказывались от контактов с большевиками. Еще 29 мая 1918 г. глава первой белорусской миссии в Киев А. Цвикевич направил советскому представителю в Киеве Х. Раковскому ноту, в которой предложил подписать соглашение о границе[9]. В своей просьбе белорусы выражали «глубокую уверенность, что социалистическое правительство Советской Российской республики, первое в мире утвердившее на своем красном знамени священный принцип самоопределения народов, пойдет навстречу белорусскому народу в его борьбе за свою государственную самостоятельность, за свое единство и за целостность своей земли и тем положит прочные основания дружного сожительства двух братских народов». Белорусская сторона даже предложила Москве признать независимость БНР в качестве Белорусской Советской Республики. Взамен БНР вошла бы в состав РСФСР как самостоятельная государственная структура

7. Лазько Р. Паварот да новай «перадышкі» і абвяшчэнне БССР // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы. С. 86. На тему создания и взаимодействия белорусских советских органов подробнее см.: Скалабан В. Белорусский национальный комиссариат (январь 1918 — март 1919 г.): дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1977; Лазько Р. Белнацкам і Наркамнац: першы прыкры вопыт узаемаадносін (студзень — чэрвень 1918 г.) // Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 2. С. 4–15.
8. Кнорин В. Избранные статьи и речи. Минск, 1990. С. 30.
9. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 269.

и приняла бы советскую конституцию, а Рада обязывалась сложить свои полномочия[10].

Правда, до этого дело не дошло. Наоборот, управляющий делами Белнацкома выступил с идеей создать «государственно-политический орган, который можно было бы противопоставить реакционной Минской раде»[11]. Одновременно члены комитета собирались усилить агитацию среди местных белорусов. «Им надо дать понять, — говорилось в одной из директив, — кто у них враг и кто их друг, им надо помочь избавиться не только от буржуа, но и от лжесоциалистов и политических авантюристов, строящих себе карьеру. Им надо дать понять, что таких друзей, как Воронки, Грибы, Ярошевичи, Середы и Пятницы, надо уничтожать»[12].

Тем временем формирование нового состава Народного секретариата после падения кабинета Р. Скирмунта значительно затянулось. По сути, очередное правительство БНР носило переходный характер и стало продолжением «Рады пяти», только уже без И. Воронко в роли председателя[13]. Из старого кабинета в него вошли И. Середа и Л. Заяц, а также члены Рады В. Захарко и Ф. Верниковский[14].

Тридцатидевятилетний И. Середа родился в семье священника. Выпускник Варшавского ветеринарного института, участник русско-японской войны, он несколько лет преподавал

10. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1189. В свою очередь, украинцы грозили большевикам признать независимость БНР в случае, если бы они не уступили Киеву восточных полесских поветов: Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 281. О попытках представителей БНР возобновить контакты с Советской Россией уже в конце 1918 г. см.: Лазько Р. «Перагаворы» Антона Луцкевіча ў Маскве як міф беларускай гістарыяграфіі // Беларускі гістарычны часопіс. 2007. № 4. С. 9–14.
11. НАРБ. Ф. 4. Воп. 1. Спр. 39. Арк. 213.
12. Корбут В., Селеменев В. Особая папка Скалабана // СБ-Беларусь Сегодня. 31.01.2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.sb.by/articles/osobaya-papka-skalabana.html. Дата доступа: 19.01.2018.
13. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка...С. 280. Согласно газетным хроникам, бывший глава правительства передал свои функции и выехал в провинцию «по личным делам»: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 220.
14. Для «упрощения отчетности» новый состав Народного секретариата был зачислен на «секретарские зарплаты» не с 23 июля, а только с августа 1918 г.: Там же. С. 296.

в Марьиногорском сельскохозяйственном училище и одновременно работал ветеринаром. Видимо, тогда же он вступил в Белорусскую социалистическую громаду. Работал корреспондентом газеты «Саха». Был мобилизован на фронт, откуда осенью 1917 г. избран делегатом Всебелорусского съезда. Почти сразу стал председателем президиума, а позже — Рады БНР[15].

Между тем в последние месяцы оккупации немецкие военные власти значительно расширили полномочия Народного секретариата. В руки белорусских организаций постепенно переходят вопросы торговли, промышленности, просвещения, почты. Кроме того, германское командование потребовало, чтобы Народный секретариат назначил своих представителей в «литовскую» (Волковысский и другие поветы), а также «украинскую» (Брест-Литовск, Гомель и др.) части Беларуси[16]. С другой стороны, когда Иосиф Нетецкий организовал Белорусскую комиссию по вопросам беженцев в Гомеле, но вскоре был арестован... немецкими властями[17].

Подписанное 28 августа 1918 г. дополнительное советско-немецкое соглашение привело к пересмотру всей прежней политики БНР. «Согласно... дополнительным статьям к Брестскому договору, — отмечалось в проекте мемориала Народного секретариата, — положение Беларуси, в сравнении со временем немецкой оккупации, решительно изменяется. Ввиду этого... основной заботой Народного секретариата должна быть забота о целостности и нерушимости этнографических границ Беларуси»[18].

Фактически вопрос о белорусско-украинской границе потерял всякую актуальность. К тому же в начале августа украинское министерство продовольствия приостановило выполнение договоренности о поставке продуктов в Беларусь,

15. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 19. Арк. 176.
16. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 35–36.
17. Ямкова О. До історії діятельності белоруської торговельної палати в Києві у 1918–1919 роках // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы. С. 131; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 268.
18. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 82. L. 1–2 ap.

сославшись на то, что белорусская сторона до сих пор не предоставила гарантию со стороны немецких властей. Одной из причин подобного демарша могли стать внутренние конфликты среди белорусских организаций в Киеве и попытка создания экономической монополии на торговлю с Беларусью. Правительство Украины даже подняло вопрос о том, соответствует ли деятельность Белорусской торговой палаты интересам страны. Правда, это не помешало выплатить Народному секретариату оставшуюся часть обещанного кредита[19].

На середину августа 1918 г. дипломатический корпус БНР включал девять человек: генерального консула в Киеве П. Тремповича, председателя чрезвычайной делегации в Киеве и Москве А. Цвикевича, членов делегации С. Рак-Михайловского и М. Довнар-Запольского, генерального консула в Москве А. Бурбиса, консула и особо уполномоченного по вопросам беженцев на Северном Кавказе А. Вальковича, белорусского комиссара на румынском фронте П. Манцевича, наместника Народного секретариата на Гомельщине и Полесье И. Нетецкого, «посла в Вильно» А. Луцкевича[20].

3 сентября 1918 г. в Киев для заключения нового белорусско-украинского торгового соглашения едет специальная правительственная делегация БНР в составе председателя Белорусской центральной торговой палаты П. Кречевского и народного секретаря торговли и промышленности БНР Ф. Верниковского. Белорусская сторона планировала заключить новый торговый договор на поставку в Беларусь украинских муки, сахара

19. Украинский заместитель министра иностранных дел А. Палтов писал о Беларуси: «Этот регион важен как для экономики, так и особенно для политической жизни Украины как центр пересечения интересов Варшавы, Москвы и Киева». Любопытно, что на запрос немецкого посла в Украине относительно присутствия белорусских дипломатических служб в Киеве официальный ответ был категоричен: «На текущий момент в Украине нет ни одного представителя Белорусской Республики: ни дипломатических, ни консульских. Если же бы такие лица были, то Министерство иностранных дел считало бы их фактическими, а не юридическими представителями». Цит. по: Кукса А., Квасаў С., Каралёнак Т. Беларуска-украінскія адносіны ў 1917–1920 гг. С. 134–136.
20. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 10. Арк. 83–83 адв.

и мыла в обмен на белорусские лесоматериалы, дрова и спички. Весь товарообмен должен был регистрироваться в белорусской Торговой палате. Договоренность была признана немецкими оккупационными властями, которые обещали освободить товары от несанкционированных реквизиций на железной дороге[21].

А спустя всего полторы недели в Киев отправляется Чрезвычайная делегация Рады БНР во главе с Антоном Луцкевичем. «Меня просили стать во главе делегации, которая должна была отправиться в Киев с двумя поручениями... — вспоминал А. Луцкевич, — выяснить вопрос о возможности белорусских военных формирований на Украине, а также о возможности получить для белорусского правительства денежный заём»[22].

А. Луцкевич всячески пытался повлиять на позицию гетманского правительства Украины. Но последний «атаман-министр» С. Гербель оказался активным сторонником сближения с российским белым движением, а не с БНР, тем более что он был неплохо информирован о сложившейся в Беларуси политической ситуации. К тому же в Киеве назревала очередная смена власти: уже была образована Директория УНР во главе со Степаном Петлюрой, и верные ей воинские части продвигались к Киеву[23].

В конце концов украинская сторона выразила готовность поддержать предложение о создании федеративного союза

21. Одновременно был согласован с Министерством путей сообщения, торговли и промышленности украинской державы вопрос о вагонообмене. Белорусская центральная торговая палата планировала открыть пять регистрационных приграничных пунктов по учету поставляемых товаров в Мозыре, Лунинце, Речице и Гомеле. Организация еще двух пунктов — в Полоцке и Орше — должна была обеспечить транзит уже украинских товаров через Беларусь в балтийский регион и местные порты: Мазец В. Мы мабілізуем свае сілы...
22. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 235, 317. В состав делегации вошли А. Луцкевич (председатель), И. Воронко, А. Овсеенко, бывший киевский городской голова Бурчек, консул БНР в Киеве Г. Базаревич и Копыстенский (по другим данным — Л. Лещенко). Кроме того, в работе делегации эпизодично принимали участие Т. Гриб, А. Смолич и консул БНР в Одессе С. Некрашевич: Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 280.
23. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 97. L. 10.

Украины и Беларуси, но лишь при условии, что этот проект найдет одобрение в Берлине. Гетман П. Скоропадский принял белорусскую делегацию. А. Луцкевич описывает встречу скептично: «На другой день после известия о свержении Вильгельма для нашей делегации был назначен прием у гетмана. И, понятно, в создавшейся обстановке нечего было и говорить с ним по порученному мне вопросу. Скоропадский был так растерян, что никак не мог сообразить, кто мы, и принял нас за каких-то помещиков из Бессарабии. Мы ограничились формальным визитом и ретировались»[24].

Чтобы переломить сложившуюся вокруг БНР ситуацию, было принято решение незамедлительно отправить делегации в Берлин, Варшаву и даже, по инициативе эсеров, в Москву[25]. Однако глава правительства Германии уклонился от встречи с белорусами, посланная в Польшу делегация затерялась на фоне других представительств с «кресов», а беседа Т. Гриба с Я. Свердловым прошла безрезультатно[26].

Тем временем революция в Берлине и неминуемая капитуляция Германии вынудили белорусских деятелей предпринять самые решительные шаги уже в самом Минске. Собравшись 10 ноября 1918 г. после вынужденного перерыва на «отпуск», Рада объявила отставку И. Середе, обвинив его в сотрудничестве с Минским губернским земством, где, как оказалось, он также состоял на службе. Кроме того, за свою «двуличную политику» бывший председатель Народного секретариата был исключен из Рады[27]. «Строительство Белорусской Народной

24. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 235; Кукса А., Квасаў С., Каралёнак Т. Беларуска-украінскія адносіны ў 1917–1920 гг. С. 125; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 284.
25. В состав белорусской делегации в Берлине среди прочих входили И. Лёсик, Р. Скирмунт и И. Луцкевич: Ціхаміраў А. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003. С. 32; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка...С. 288.
26. LCVA. F. 281. Ap. 2. B. 18. L. 8; Там же. B. 69. L. 77 ap.; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1189; Ціхаміраў А. Беларусь у сістэме міжнародных адносін... С. 33; Тихомиров А. Проблемы белорусско-германских отношений...
27. В литературе можно встретить мнение, что организация нового правительства была поручена Антону Луцкевичу еще 12 октября, однако при-

Республики переживает серьезный и тяжелый момент, — говорилось в обращении партии социалистов-федералистов, членом которой он до этого являлся. — Но нашлись люди, которые до сих пор ставят слово выше дела, которые великим завоеваниям революции противопоставляют личные интересы»[28].

Как раз в этот период сформировались еще две белорусские партии: белорусских социалистов-федералистов во главе с В. Захарко, И. Воронко и П. Кречевским и социал-демократов, которые группировались главным образом вокруг А. Смолича и братьев Луцкевичей. Точнее было бы назвать эти партии политическими группами. Б. Тарашкевич вспоминал в связи с этим: «Возможно было возникновение известных групп вокруг отдельных лиц, которые... вследствие сходности интересов и работы создавали известный эрзац организации в виде чаев, посещений, приемов и т. п.»[29]

«Вернувшись из Киева в Минск, — вспоминал позже А. Луцкевич, — я нашел здесь всех в панике. Приближался конец БНР. Стоял вопрос, что делать. Ежедневно в помещении Рады происходили совещания по этому вопросу с участием членов Рады и “правительства”. Член Рады генерал Кондратович выступил с конкретным проектом. Указывая на то, что

ступить к своим обязанностям он смог только в ноябре, после возвращения делегации БНР из Украины. Историк Д. Михалюк считает, что до этого времени делами БНР руководила собственно Рада, сам же А. Луцкевич после своего первого визита в Минск весной 1918 г. почти полгода не мог получить пропуска от немецих властей: Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 235; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 284, 288–291.

28. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 81. L. 1— 3.

29. Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча... С. 26. Подробнее см.: Гігін В. Распад БСГ. Утварэнне новых палітычных партый // Беларускі гістарычны часопіс. 2005. № 7. С. 18–24; Коўкель І. Партыя беларускіх сацыял-дэмакратаў: арганізацыйныя асновы, ідэалогія, палітыка, тактыка (1918–1925) // Шляхі развіцця інтэлекту і творчасці маладых: матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф. «Работа з адоранай студэнцкай і вучнёўскай моладзю: стан, формы і метады, перспектывы развіцця». Гродна. 2001. С. 188–195; Коўкель І. Этнасацыяльныя праблемы ў праграмных дакументах БПС-Р (1918–1924 гг.) // Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе: материалы Междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 2 / под ред. У. Д. Розенфельда. Гродно, 2001. С. 193–199.

в самый короткий срок (по его данным) можно создать боевое ядро из 20 тыс. человек, а в дальнейшем приток новых сил не заставит себя ждать, ген[ерал] Кондратович сообщил, что виленские банкиры и помещики готовы сложить на эту цель значительные денежные средства. Вопрос лишь в том, чтобы немцы согласились не препятствовать этой работе и дать оружие и боевые припасы... Я решительно выступил против предложения — и принципиально, ...и с точки зрения практической: немцы на это не согласятся»[30]. Примечательно, что вопрос об организации национальной армии ввиду его серьезности и огромного значения рассматривался при закрытых дверях[31].

11 ноября 1918 г. члены Рады республики утвердили права и обязанности Рады народных министров БНР, как с этого момента стало именоваться белорусское правительство. И хотя формально в документе говорилось о разделении законодательной и исполнительной ветвей власти, фактически речь шла о том, чтобы избежать засилья какой-либо одной политической группировки внутри Рады[32].

Тем временем в самом Минске усиливалась оппозиция БНР со стороны пророссийски настроенных сил. 12 ноября, в самый разгар заседания, когда определялись принципы, на которых должна была быть учреждена Рада народных министров и обсуждалась кандидатура нового премьера, стало известно о происходившем в это же время заседании в земстве, где от имени Совета органов земского и городского самоуправления был создан, по сути, альтернативный Раде Демократический краевой центр[33].

Внутри самой Рады БНР так называемая фракция Народной свободы выступила с категорическим заявлением о «полном аннулировании всех актов оккупационного времени». «Это аннулирование, — говорилось в обращении, — разрушит стены, которые отделяют общебелорусское движение, несущее

30. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 236.
31. Минский голос. 14.11.1918.
32. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 8. Л. 46; ГАРФ. Ф. 5910. Оп. 1. Д. 462. Л. 7.
33. Минский голос. 14.11.1918; Ціхаміраў А. Беларусь у сістэме міжнародных адносін... С. 33–34.

на себе гнет и тяжесть печальных, чтобы не сказать больше, политических ошибок политически безответственного времени, — от лучшей части всероссийской демократии, от белорусского народа, который отдавался от его имени безответственными людьми на милость германского императора...»[34]

Еще ранее минское Свято-Николаевское народное братство потребовало немедленного установления связей с «возрождающейся на новых началах Россией». При этом Раде следовало немедленно выступить с заявлением о том, что «работа для политического объединения с Россией должна для белорусских государственных деятелей составлять их первейший долг»[35].

Чтобы избежать открытого конфликта с институтами местного самоуправления, был разработан законопроект, преобразующий до выборов Сейма прежний высший орган — Раду БНР во «временную организацию, созданную по принципу делегирования»[36]. А уже на заседании 20 ноября 1918 г. представители кадетской фракции В. Самойло и А. Андреев выступили с декларацией о восстановлении федеративной связи между БНР и Российской республикой[37].

34. Ее требования сводились к следующему: «Единение всех живых сил Края на почве общей и совершенно бесспорной задачи — восстановления разоренной войной, революцией и оккупацией жизни Белоруссии. Провозглашение себя на этом базисе высшим центральным органом, носителем всей полноты гражданской власти в крае. Принятие Радой всех мер внутреннего и внешнего характера для выяснения своего положения и укрепления своей позиции у всех факторов международного характера, базируясь не на нормах оккупационного права, а на нормах создавшегося мирового положения... Восстановление конституционных гарантий нормального течения частной и публичной жизни граждан края»: LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 37–38.
35. «Представители братства и присоединившееся к нему представительство от православного духовенства, — говорилось в ней, — исходят из того положения, что твердое и открытое заявление Рады об установлении связи Белоруссии с возрождающейся на новых началах Россией спасет наш край от территориального раздела его на части, русскую и польскую, по вероисповеданию и культурному признаку и устраняет кривотолки на тему о том, что Рада, вопреки воле преобладающей массы населения, вовлекает Белоруссию в искусственные политические комбинации...»: LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 1. L. 39–39 ap.
36. К документу прилагался список членов обновленной Рады из шестидесяти человек: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 76. L. 1–3.
37. После того как их предложение было отклонено, кадеты заявили о своем

Накануне тот же «Минский голос» задавался риторическим вопросом: «Имеет ли право на существование, должна ли и может ли быть основана “Белорусская республика”? Покажется легкомысленным — даже неуместной шуткой — ответ, выраженный в форме вопроса: а почему нет? Но это вовсе не хлестаковское благодушие (“пусть называется!”). И совсем не пустое балагурство. Совершенно серьезно! А почему нет? Если есть самостоятельная Украина, вольный Дон, Грузия, Крымская республика, Кубань, Закавказская и Азербайджанская республики, если будут Литва и Латвия — то почему не быть Белоруссии? Совсем не нужно для утверждения права на существование автономной Белоруссии всего того, что дает развертывающееся перед нами так называемое “национальное движение” белорусов...

Определенно бездарна и смешна вся книжно-водевильная “государственность” современных белорусских деятелей. Вся “Рада” производит впечатление захудалой любительской труппы, и все “государственное строительство” нынешних белорусских вождей напоминает растерянность, беспомощность, переплетенную личными обидами и интригами, суетливость провинциального спектакля... Это будет здание из карт, из бумажных карт, которые разлетятся во все стороны при первом дуновении ветра...»[38]

Словно в подтверждение этих слов, в конце ноября 1918 г. Красная Армия начинает свое наступление, быстро приближаясь к Минску. Для защиты столицы БНР не было ни ресурсов, ни, собственно, политической воли. Предложение же поляков организовать совместную оборону города белорусская сторона отвергла[39]. 27 ноября 1918 г. на очередном заседании Рады БНР была принята резолюция закончить заседание, а кабинету министров и президиуму Рады выехать из Минска и работать за границей до тех пор, пока не появится возможность вернуться[40]. Сама же Рада выступила с обращением к белорусскому народу[41].

выходе из состава Рады БНР: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 305.

38. Минский голос. 20.10.1918.
39. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 311.
40. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 8. Л. 46; ГАРФ. Ф. 5910. Оп. 1. Д. 462. Л. 7.
41. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 311.

Вскоре правительство и некоторые члены Рады, опасаясь в первую очередь репрессий со стороны большевиков, покидают столицу БНР и перебираются в Вильно. Опасения эти были не напрасны. С установлением советской власти Минский военревком тут же объявил деятелей Рады БНР вне закона[42].

Из видных белорусских национальных деятелей в Минске оставались В. Ивановский, В. Игнатовский, Б. Тарашкевич, И. Лёсик, И. Середа, А. Власов. «Крупнейшей личностью среди оставшихся был Игнатовский, — вспоминал позже Антон Луцкевич. — Его я тоже знал в довоенное время по Вильно, где [он] работал как учитель гимназии и был известен как эсеровский деятель... Все тогда возлагали на него большие надежды, считая, что его сотрудничество с советской властью вполне обеспечено. С ним-то, как со старым знакомым, я имел личную беседу (с другими оставшимися не беседовал отдельно). Я стоял на той точке зрения, что нация — это нечто вечное, что должно существовать и выявлять свою жизнеспособность всегда и при любых обстоятельствах. Сейчас политическая и социальная обстановка в Минске радикально меняется, но тем более необходимо, чтобы национальная идеология не погибла, а нашла какой-нибудь путь или способ примирения с советским режимом. Необходимо особенное внимание обратить на школьную работу... Я выражал надежду, что Игнатовский разделяет мою точку зрения, и он это подтвердил. Мы расстались дружески, сойдясь на том, что каждое время требует своих людей и для живого дела они всегда находятся»[43].

Чтобы «карточный домик» устоял, БНР должна была как можно скорее найти себе союзников. Антон Луцкевич на страницах «Гомана» сформулировал эту мысль достаточно прямо: «Народ в своей политике руководствуется не симпатией, не близостью кровных уз либо исторической традицией, а исключительно собственной выгодой...»[44]

42. Лазько Р. Паварот да новай «перадышкі» і абвяшчэнне БССР... С. 81.
43. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 236–237.
44. Беларуская думка XX ст.: філасофія, рэлігія, культура (анталогія). Варшава, 1998. С. 10.

ГЛАВА 5

Испытание дипломатией: правительство Антона Луцкевича

22 ноября 1918 г. в Минске А. Луцкевич объявил программу своего кабинета. Начиналась она с декларации независимости Беларуси и объединения всех белорусских земель, а заканчивалась тезисом о «федерировании с соседями на основе обеспечения максимума... ее интересов». Внутренняя политика нового правительства была направлена на «укрепление государственной власти». Предусматривались организация на местах «белорусских рад», создание собственной армии и финансовой системы и, наконец, «подготовка восстановления экономической жизни», с тем чтобы обеспечить белорусскому народу «фактическую возможность культурно-национального развития»[1].

В реальности, однако, у А. Луцкевича не было ни собственного административного аппарата, ни армии, ни признания со стороны других государств, а весь бюджет Рады министров БНР ограничивался суммой в 4,5 тыс. рублей![2] Кроме того, уже на этапе формирования новое правительство столкнулось с чисто организационными проблемами. Вместо четырнадцати членов, как это первоначально предпологалось, в него вошло только семь министров. А. Луцкевич занял посты председателя правительства и министра иностранных дел. Его заместителем стал А. Смолич, одновременно отвечавший за министерство земледелия. В. Ивановский возглавил министерство просве-

1. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 1. L. 2–2 ap.; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 302; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 290–292.
2. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 314.

щения, А. Цвикевич — юстиции. Л. Заяц был назначен на пост государственного контролера, В. Захарко — министра финансов, а Т. Гриб и вовсе числился министром без портфеля. Вскоре Ивановский и Гриб отстранились от своих обязанностей, так что новое правительство сократилось до пяти членов[3].

Не лучшей ситуация была и в Вильно, где катастрофически ощущалась нехватка белорусских кадров. Когда местные левые партии предложили белорусам занять семнадцать мест в будущем Совете рабочих и крестьянских депутатов, в городе не нашлось не только требуемого число белорусских социалистов, но и просто семнадцати «сознательных активных работников»[4].

Тем временем в результате переговоров с литовской стороной в состав Тарибы вошло шесть делегатов от Виленской Рады во главе с В. Ластовским, а уже 1 декабря 1918 г. И. Воронко был назначен министром белорусских дел при литовском правительстве[5]. Одновременно организуется белорусская секция литовского министерства обороны и начинается формирование белорусских частей в составе литовской армии[6].

3. Хотя новое правительство БНР по своей политической направленности можно было назвать левым (первоначально в него вошли четыре социал-демократа, два эсера и один социал-федералист), в действительности оно было глубоко разделено внутренними противоречиями, которые зачастую носили личностный характер. Например, за время совместного пребывания в Киеве в составе Чрезвычайной делегации отношения между А. Луцкевичем и И. Воронко из вполне дружеских, какими они казались изначально, переросли в открытый конфликт.
4. Цярэшчанка К. Мой удзел у беларускім руху. С. 65. Правда, во второй половине 1918 г. виленский белорусский центр пополнился целым рядом деятелей. Среди прочих сюда приехал Ян Станкевич, которого за его фанатическую преданность национальной идее называли «белорусским Савонаролой»: Вітан-Дубейкаўская Ю. Мае ўспаміны. С. 117–118.
5. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 304, 314.
6. Первоначально в Белорусский секретариат входили К. Фалькевич (В. Святополк-Мирский?), И. Луцкевич, В. Ластовский, кс. Вл. Толочка, Д. Семашко и Я. Станкевич. Кроме того, В. Ластовский стал белорусским представителем при литовском посольстве в Берлине, а Д. Семашко вошел в состав литовской делегации на мирной конференции в Париже: Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 87; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 301–310. О соглашении между временным литовским правительством и белорусскими организациями см.: Гімжаўскас Э. Беларускі фактар пры фармаванні Літоўскай дзяржавы

«Соглашение с Тарибой, — отмечает польский исследователь Т. Блащак, — должно было защитить по крайней мере часть белорусских земель от захвата поляками либо большевиками и сделать возможным продолжение на этих территориях национальной работы... Оно давало надежду на создание своего рода белорусского Пьемонта»[7]. Тогда же руководство БНР обращается к литовскому правительству с просьбой о кредите в 100 тыс. марок. Проблема, однако, состояла в том, что переговоры формально велись не от имени БНР, а от имени Виленской Белорусской рады. Кроме того, очень скоро напомнили о себе накопившиеся внутренние конфликты и личные обиды между самими белорусскими деятелями[8].

Когда в конце декабря 1918 г. большевистские части уже приближались к Вильно, правительство БНР окончательно разделилось: А. Смолич вслед за А. Цвикевичем отправился в Киев с просьбой о предоставлении государственного займа, а В. Захарко, Л. Заяц и А. Луцкевич оказались в Гродно, который оставался в сфере германской оккупации. Причем добирался сюда белорусский премьер по немецкому пропуску, выданному ему как литовскому служащему[9].

До войны губернский Гродно представлял собой типичный город «чиновников и военных», но в условиях немецкой оккупации он постепенно превращается в один из локальных центров белорусского движения: еще весной 1916 г. тут была открыта первая белорусская школа, а позднее появляются различные культурные и политические организации. В конце 1918 г. при поддержке немецкого командования в Гродно начинают создаваться институты литовского государства. Сюда же из Вильно переносится формирование 1-го белорусского полка литовской армии. На самом деле единственным, что пока сдерживало большевиков и поляков от попыток захватить

ў 1915–1923 гг. Беласток; Вільня, 2012. С. 92–102.

7. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 91.
8. «Кандидатура И. Воронко, — писал позже В. Захарко, — была предложена только с одной целью: примирить две противоположные стороны — Ластовского и Луцкевича...»: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 22. Арк. 131.
9. Сідарэвіч А. З думай аб незалежнасці // Полымя. 1991. № 4. С. 205.

город, был немецкий гарнизон крепости, прикрывавший отход 10-й немецкой армии в Восточную Пруссию[10].

А. Луцкевич не собирался надолго задерживаться в Гродно. Обстоятельства складывались таким образом, что теперь судьба БНР зависела от признания ее прав на независимое существование странами-победительницами, руководители которых должны были собраться на мирной конференции в Париже. Причину, по которой белорусы медлили с отправкой собственной делегации, можно свести к одному слову — деньги. Участие в конференции требовало больших средств, которыми правительство А. Луцкевича не располагало. «Теперь вопрос о деньгах — это дело нашей государственной политики в целом», — записал в своем дневнике белорусский премьер-министр[11].

В ожидании известий из Украины по поводу кредита он работает над переводом брошюры М. Довнар-Запольского «Основы государственности Беларуси» и по мере сил принимает участие в местной политической жизни. Одновременно А. Луцкевич пишет несколько нот к дипломатическим представителям стран коалиции и правительства Германии с протестом против политики Польши, успевшей заявить свои права на Гродненщину и Виленщину[12].

Вскоре в город в качестве министра белорусских дел Литвы прибывает И. Воронко. Бывший глава БНР заявил, что в Ковно об автономии белорусов «и слышать ничего не хотят», и объявил бывшую Гродненскую губернию... частью литовского государства. Несколько месяцев своей деятельности в Гродно министерство занималось поддержкой разнообразных общественных организаций, пропагандой, продажей части товаров, оставшихся от немцев, урегулировало вопрос о переходе же-

10. Подробнее см.: Чарнякевіч А. Нараджэнне беларускай Гародні: з гісторыі нацыянальнага руху 1909–1939 гг. Мінск, 2015. С. 16–23.
11. НАРБ. Ф. 325. Спр. 1. Воп. 22. Арк. 11, 131, 132; Луцкевіч А. Дзённік // Полымя. 1991. № 4. С. 221. Подробнее см.: Коўкель І. «Беларускае пытанне» на Парыжскай мірнай канферэнцыі (1919–1920 гг.) // Наука и образование в условиях социально-экономической трансформации общества. Ч. 1. Гродно, 2002. С. 53–57.
12. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 314–319; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 116.

лезной дороги к литовским властям, пыталось возродить институт мировых судей и почту, назначило лесничих и организовало «бюро осведомления» — службу литовской разведки[13]. Свое право на Гродненщину литовская сторона обосновывала тем, что местные жители являются славяноговорящими балтами, то есть «почти литовцами», и принципиально отличаются от белорусов из окрестностей Минска или Могилева[14].

Тем временем большевики ни на минуту не теряли правительство БНР из виду. «Белорусская рада, — сообщалось в обзоре печати информационного отдела Народного комиссариата по делам национальностей, — все еще продолжает свою прежнюю игру в посольство и консульство»[15]. В конце концов, советское руководство решает перехватить инициативу по созданию белорусского государства и тем самым использовать его в своих интересах[16].

Новость о провозглашении 1 января 1919 г. Советской Беларуси, согласно А. Луцкевичу, так «наэлектризовала» гродненских белорусов, что они «как один готовы были ехать в Минск и работать вместе с большевиками». О причинах подобных настроений ясно высказался один из членов правительства БНР А. Смолич: «Хоть я и считаю, что от большевизма для края больше бед, чем пользы... но если он предоставит возможность широкой культурной работы, признает и защитит нашу государственность, доведя ее до естественных границ... то мы можем ухватиться за эту идею, признать ее нацио-

13. НАРБ. Ф. 458. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 7–10; Часопіс міністэрства беларускіх спраў. Верасень 1919. № 1. С. 4–5.
14. Purickis J. Lituanien et le gouvernement de Gardinas. Lausanne, 1918. S. 13. Судя по всему, подобная аргументация имела свою аудиторию. Так, министр иностранных дел Великобритании Артур Бальфур всерьез опасался, что в случае отхода немцев из Гродно там может произойти литовское восстание против поляков: Wasilewski L. Józef Piłsudski jakim go znałem. Warszawa, 1935. S. 178.
15. Борьба за советскую власть в Белоруссии 1918–1920 гг.: сб. док. и мат-лов. В 2 т. Т. 1 (февраль 1918 — февраль 1919 г.). Минск, 1986. С. 448.
16. Кротов А. «Достояние культурной работы целых веков гибнет в пламени огня»: об анатомии белорусско-польского конфликта 1918 г. // Известия Гомельского гос. ун-та имени Ф. Скорины. 2011. № 5 (68). Гуманит. науки. С. 41.

нальным заданием данного времени и просто стать в ряды защитников этого порядка, чтобы воевать хотя бы против всего мира»[17].

Единственное, что удерживало их от этого шага, — боязнь репрессий со стороны большевиков, о которых было недвусмысленно заявлено. Но и эта угроза действовала далеко не на всех. Один из лидеров белорусских эсеров Томаш Гриб, начавший издавать в занятом большевиками Вильно газету «Грамадзянін», в этой связи писал: «Временное крестьянско-рабочее правительство Беларуси своим приказом отменило “Облискомзап” и ликвидировало минский “Губревком”. Понятно, что все наши симпатии на стороне временного крестьянско-рабочего правительства Беларуси и мы желаем ему удачи в его творческом труде на благо нашего Отечества. Мы надеемся, что это временное правительство примет все меры, чтобы в скорейшем времени созвать второй Всебелорусский съезд крестьянских и рабочих депутатов, чтобы уже твердо и навсегда закрепить за белорусским рабочим народом его естественное право на самостоятельную и независимую жизнь»[18].

Подобные взгляды разделяло и большинство белорусских деятелей, причем не только в Гродно. «Когда в январе 1919 г. —

17. Сідарэвіч А. З думай аб незалежнасці... С. 213. Взгляды самого А. Луцкевича в этом смысле отличались ненамного. В своем дневнике он оставил следующее рассуждение: «Большевизм (само собой, если он не станет править во всем мире, а до этого, кажется, еще рано) можно сравнить с детской болезнью корью или другой, [которой] ребенок должен переболеть, но после от нее и следа не останется. Наоборот: если б хотя бы на некоторое время у нас к власти пришли бы поляки, то эта болезнь въелась бы в кровь и кости нашего народа аж до десятого поколения. Единственный antidotum против польскости — это большевизм»: Луцкевіч А. Дзённік // Полымя. 1991. № 4. С. 221–222.
18. Ляхоўскі У., Чарнякевіч А. Кузьма Цярэшчанка: Acta non verba // Arche. 2011. № 11. С. 37. «Я не за деньги старался отвоевать независимую белорусскую республику, — писал тот же Т. Гриб в письме к неизвестному адресату. — Теперь она отвоевана, существует реальное правительство, рамки сделаны — надо готовить портрет, а портретом может быть только развитие общего культурного уровня нашего народа... Дело политическое налажено, независимость Беларуси в принципе защищена. Сейчас нужны фигуры, которыми можно будет помыкать то в одну, то в другую сторону и которые могли бы играть под большевистскую музыку. Такие лица есть, и слава Богу!..»: LMAVB. F. 21. Vnt. 166. L. 3 ap.

вспоминал Б. Тарашкевич, — была провозглашена независимость и свобода Советской Беларуси, мне казалось, мы были вполне удовлетворены в своих национальных чувствах и чаяниях. Ивановский собирался даже вступить в партию, убеждал и меня. Я отвечал, что не все хорошо понимаю, что творится, и что вступлю только тогда, когда не надо будет делать оговорок, что не хочу примазываться. В это время кто-то приезжал из-за границы с письмом от бэнээровских министров, спрашивавших, что делать. Ивановский советовал ликвидировать Раду за границей и приезжать в Минск»[19].

Проблема была в том, что, как и при подписании Брестского мира, вожди большевистской партии свободно обращались с такими категориями, как «государство», «независимость», «границы», заставляя недоумевать даже часть своих соратников. Едва возникнув, всего через месяц правительство Советской Беларуси было заменено на новое, а ее границы, словно шагреневая кожа, сжались до двух губерний. Сама же республика внезапно превратилась в «Литбел» — Социалистическую Советскую Республику Литвы и Беларуси, комическое напоминание о бывшем Великом Княжестве Литовском.

Для надлежащего выполнения политики центра в Вильно был послан Адольф Иоффе, который был связан с «белорусским вопросом» еще со времен переговоров в Бресте. Одной из его задач было сдерживание возможных «национально-шовинистических» устремлений местных коммунистов и ликвидация даже намека на сепаратизм. Очередные территориальные изъятия, исключавшие даже гипотетическую вероятность какой-либо самостоятельности, вызвали протест со стороны

19. Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча... С. 27. Из обращения бывшего консула БНР в Москве А. Бурбиса, опубликованного на страницах газеты «Дзянніца»: «Председателю Белорусского Советского Правительства Жилуновичу. В торжественный момент строительства Белорусской Рабоче-Крестьянской Республики желаю в Вашем лице рабочим и крестьянам Белоруссии защитить, как стальной щетиной, мировую социальную революцию от международного империализма. Передайте трудящимся белорусам о моей готовности, как при самодержавии, бороться теперь за Советскую мировую федерацию трудящихся и социализм»: Дзянніца. 30.01.1919. № 3. С. 1.

как бывших членов Белнацкома, так и бывших руководителей Облискомзапа. Но однозначная и бескомпромиссная позиция Москвы на корню пресекала любые отклонения от курса[20].

В письме к Г. Чичерину А. Иоффе настаивал: «Ни в коем случае им нельзя давать повод почувствовать себя настоящим правительством настоящей республики. Чем больше будут размеры территории, тем больше также станут размеры их собственного величия в их собственных глазах... Если удастся устроить унию, белорусский и литовский национализмы будут в значительной степени друг друга нейтрализовать, и потому, считаю, это наиболее счастливое решение вопроса. Литовцы в восторге от этого плана и пока оставляют этот вопрос открытым»[21].

Тем временем Варшава, обеспокоенная наметившимся сближением белорусов с Литвой, всячески пыталась вступить в контакт с белорусским премьером. В преддверии Парижской мирной конференции была предпринята попытка привлечь белорусскую сторону к идее федерации с Польшей. В Гродно, все еще оккупированном немецкими войсками, состоялась встреча А. Луцкевича с комиссаром польского правительства Станиславом Ивановским — младшим братом Вацлава Ивановского, предложившим премьер-министру БНР поехать в Варшаву для переговоров о союзе с Польшей. Белорусы согласились, но при условии официального обращения польского правительства к правительству БНР, что *de facto* означало признание независимости Беларуси со стороны Варшавы[22]. После этого в белорусско-польских взаимоотношениях наступило короткое затишье.

В середине января пришло известие о том, что литовцы отказались предоставить кредит белорусскому правительству.

20. Бароўская В. Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. Мінск, 2017. С. 37–49.
21. Там же. С. 111.
22. Луцкевіч А. Дзённік // Полымя. 1991. № 5. С. 170, 180. Иначе эти контакты описал сам С. Ивановский. См.: Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawe. Wojskowe Biuro Historyczne 400. 3194. Relacja Stanislawa Iwanowskiego z jego udziału w pracach Samoobrony w Lidze i Grodnie oraz z działalności w Komisariacie Rządu w Grodnie. S. 10.

А. Луцкевич вновь засобирался в Украину, однако в итоге вместо него туда поехал В. Захарко. Тем временем белорусская делегация пробивалась в Европу по отдельности. В начале февраля выехал генерал К. Кондратович. Через неделю вслед за ним отправились А. Ознобишин и Л. Барков. Но они успели добраться только до Берлина, где вынуждены были задержаться в ожидании пропусков в Париж. Во Францию делегация БНР смогла отправиться только в конце апреля 1919 г. Здесь к ним присоединились прибывшие накануне из Одессы Евгений Ладнов и Евгений де Вулич.

Надежда самому попасть на конференцию таяла с каждым днем, и А. Луцкевич решает вернуться в Вильно к больному брату Ивану. Больше в Гродно, кажется, его ничего не держало. Мечта о поддержке со стороны европейских стран развеялась. «В будущее веры нет, — читаем в дневнике А. Луцкевича. — Нет сил вообще во что-либо верить. Время борьбы за идеалы прошло... Нам пора сходить со сцены: нужны новые люди, люди с сильными локтями и кулаками». 18 февраля 1919 г. на крестьянской подводе, одолжив валенки, с чемоданом книжек, сахара и сала для брата А. Луцкевич покидает Гродно, так и не дождавшись вестей от украинской делегации[23].

Он не знал, что за неделю до этого из Ровно выехал штабс-капитан Борис Шимкович, который должен был передать белорусскому премьер-министру главную новость: правительство Украины наконец выделило БНР кредит на общую сумму в четыре миллиона карбованцев. Однако до Гродно Б. Шимкович не доехал. Польская разведка, которая была уверена, что тот везет с собой деньги, арестовала курьера на станции Лапы и отправила для выяснения обстоятельств в Варшаву.

23. Наше утро. 1919. № 9; Луцкевіч А. Дзённік // Полымя. 1991. № 4. С. 221. Тогда же, 18 февраля 1919 г., А. Луцкевич складывает с себя обязанности председателя Совета министров и министра иностранных дел БНР. На этих постах его должен был заменить после возвращения с Украины А. Смолич. Временно же руководство БНР перешло к остававшемуся в городе Л. Зайцу: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 22. Арк. 34–36, 132 адв.; Сідарэвіч А. Зорны час і галгофа Аркадзя Смоліча // Наша ніва. 07.09.2016. № 27. С. 16–17.

Тем временем, получив от украинского правительства заём, А. Цвикевич, А. Смолич и В. Захарко вначале отправляются в Берлин, откуда по отдельности добираются до Гродно, который к тому времени был уже практически со всех сторон окружен польскими войсками. Правда, наличными на руки белорусам была выдана только четверть всей суммы: сто тысяч карбованцев, пятьсот тысяч керенок и четыреста тысяч думских рублей, которые получил на хранение Захарко. Еще три миллиона австрийских крон были переведены в Австро-Венгерский банк, а переводной лист на имя А. Цвикевича оставлен в Вене. Наконец, чуть более полутора миллионов немецких марок белорусская делегация перевела в Рейхсбанк на имя самого А. Луцкевича, а переводной лист передала бывшему в Берлине В. Ластовскому. Такая сложная комбинация, видимо, была связана не только с необходимостью сберечь государственный кредит, но и со стремлением сохранить паритет внутри самого правительства, чтобы вся сумма не досталась в руки какой-то одной политической группе. Поэтому на то, чтобы перевезти ценный груз, потребовался... почти месяц[24].

В середине марта 1919 г. А. Луцкевич срочно возвращается в Гродно, где вновь приступает к обязанностям председателя Рады министров БНР. Из Берлина от генерала К. Кондратовича к нему идут тревожные сообщения: «Многоуважаемый Антон Иванович! Судьба Беларуси зависит теперь исключительно от *Ententy*, поэтому оставьте все политические дела местного характера в настоящем положении и летите сюда и далее во Францию; ни одного дня не задерживайтесь, каждый час дорог, опоздаем и можем все потерять, а тогда история нам никогда этого не простит...» Следом, буквально через два дня, отправляется еще одно письмо «о необходимости самого

24. А. Смолич позднее дал показания на допросе в советской тюрьме: «Для реализации этого займа, однако, необходимо было ехать в Берлин, так как прямое сообщение было прервано благодаря отступлению немцев. В Берлине встретились значительные трудности в финансовых вопросах в связи с приближавшимся падением директории, почему и пришлось там задержаться...»: Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. I. Ч. 2. С. 322.

скорейшего приезда». «Мне известно, — с нескрываемой тревогой и растерянностью сообщал К. Кондратович, — что в Париже уже сидят восемь представителей от Беларуси с какими-то полномочиями. Что это за представители?»[25]

На самом деле слухи о каких-то мифических белорусских делегатах были отголоском целого ряда событий. Еще в начале 1919 г. в Одессе бывший председатель Гродненского губернского центрального комитета объединенных общественных организаций Александр Баханович объявил о создании временного краевого правительства Беларуси и провозгласил себя главой Директории. Позже А. Луцкевич так писал по этому поводу: «Воспользовавшись отсутствием какой-либо связи с родиной, Баханович объявил местным белорусским организациям, что будто бы Рада республики и правительство в Минске разогнаны немцами, зато в Слониме прошел новый “Всебелорусский съезд”, который и выбрал “директорию” из пяти человек, а самого Бахановича назначил ее главой. Последний даже успел связаться с генералом А. Деникиным и получить небольшую денежную поддержку, прежде чем авантюра раскрылась»[26].

25. LCVA. F. 281. Ap. 2. B. 32. L. 29–30, 36; НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 22. Арк. 17; Луцкевіч А. Дзённік // Полымя. 1991. № 5. С. 188.
26. В состав «директории» вошли А. Баханович, С. Иловайский, П. Евреинов, П. Минков и Г. Бондарук: Сідарэвіч А. Бахановіч А. А. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 1. С. 332. Александр Баханович, скорее всего, был родом из местечка Озеры под Гродно. Закончив Виленское пехотное училище, дослужился до поручика инженерных войск в составе Первого Сибирского полка. Его склонность к авантюрам проявилась еще в годы русско-японской войны. В Первую мировую войну создает Гродненский войсковой союз, а после большевистского переворота возглавляет Центральный комитет объединенных общественных организаций Гродненской губернии. Летом 1918 г. он получил полномочия от Виленского Белорусского национального комитета на ведение переговоров с советскими и немецкими властями относительно возвращения беженцев в западные губернии. Тогда же он переезжает в Киев, где присоединяется к Киевскому Совещанию белорусских политических деятелей — организации офицеров монархистского направления. Здесь, в Киеве, Баханович вступает в конфликт с представителями БНР — А. Цвикевичем и М. Довнар-Запольским, которых настоятельно требует «изъять из “высоких сфер”». В конце 1918 г. он перебирается из Киева в Одессу, где пытается в качестве представителя от Беларуси получить от французского командования пропуск на мирный конгресс в Париже: Луцкевіч А. Самазванцы // Наша думка. 14.01.1921. Подробнее см.: Чарнякевіч А. Аляксандр Бахановіч: дырэкторыя па бела-

Следом уже польский комиссар в Гродно С. Ивановский составляет открытое письмо от имени несуществующей Белорусской краевой народной рады. В качестве подставных фигур он использует бывшего члена Рады БНР Казимира Цвирко-Годыцкого и командира одной из рот белорусского полка полковника А. Янсона. Прибыв в Варшаву, они вручили премьер-министру Польши И. Падеревскому мемориал, в котором по поручению прошедшего якобы в Новогрудке тайного съезда просили об объединении Беларуси с... Польшей[27]. Сам по себе тот факт, что представитель польского правительства, возможно, с ведома своего руководства, считал допустимым подобный шаг, является довольно красноречивым показателем отношения польской стороны к потенциальному партнеру, каким все еще оставалось правительство БНР.

Тем временем в середине марта 1919 г. Рада министров БНР собирается в полном составе — А. Луцкевич, А. Цвикевич,

руску // Асоба ў гісторыі: гераічнае і трагічнае: матэрыялы II Міжнар. навук. канф., прысв. памяці праф. У. У. Мелішкевіча (Брэст, 12–13 лістапада 2004 г.) / рэд. А. М. Вабішчэвіч [і інш.]. Брэст, 2006. С. 194–202; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 350–351.

27. Позже этот документ дал возможность И. Падеревскому поставить под сомнение полномочия прибывшей на Парижскую мирную конференцию белорусской делегации, а один из лидеров эндеков С. Грабский на заседании польского Сейма 3 апреля 1919 г. заявил, будто белорусы прислали петицию с 70 тыс. подписей от имени почти 400 тыс. человек с просьбой о присоединении к Польше. У этой истории было и продолжение. После возвращения в Гродно К. Цвирко-Годыцкий был арестован по распоряжению местных белорусских властей и заключен в тюрьму. Во время его этапирования в сопровождении белорусского эскадрона на городской вокзал, откуда его должны были перевезти в Ковно, местный отряд ПОВ предпринял попытку отбить Цвирко-Годыцкого, в результате чего один из нападавших погиб. Но самое любопытное, что прошедший в конце года в Ковно суд К. Цвирко-Годыцкого оправдал: Чернякевич А. Акция Гродненской польской организации войсковой (ПОВ) по освобождению К. Цвирко-Годыцкого // Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў заходнім рэгіёне Беларусі: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы рэсп. навук. канф. / Пад рэд. І. П. Крэня. Гродна, 1998. С. 148–150; Karpus Z. Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920. Toruń, 1999. S. 159. Иную точку зрения на миссию Цвирко-Годыцкого см.: Кобрын М. Беларускі краявы з'езд у Навагрудку ў студзені 1919 г. // Навагрудчына ў гісторыка-культурнай спадчыне Еўропы (да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы). Навагрудак, 2010. С. 246–247.

Л. Заяц, В. Захарко, А. Смолич и К. Терещенко, буквально накануне занявший пост министра внутренних дел[28]. Одним из результатов пребывания правительства в Гродно стала попытка создания на занятой поляками и большевиками территории Беларуси системы временных административных органов. В качестве координационного центра белорусских политических и общественных организаций на территории Гродненской губернии должна была выступать созданная накануне явочным порядком Центральная белорусская рада Гродненщины во главе с П. Алексюком, которой отводилась роль Губернского комиссариата при Раде министров БНР. Образованный заочно из членов Виленской Рады Виленский комиссариат возглавил Иван Луцкевич. Причем эту работу следовало сохранять в тайне, в том числе и от большей части белорусских деятелей. Кроме того, все так же в условиях строжайшей секретности в Минск и Смоленск для координации работы с местными белорусами отправляется в роли специального курьера Андрей Якубецкий[29].

Кроме всего прочего, кредит повлиял на расстановку сил внутри белорусского движения и в первую очередь на отношения между главой правительства БНР и министром белорусских дел Литвы. «Когда в конце марта 1919 г. я вернулся из-за границы в Гродно, — отмечал позднее Василь Захарко, — то обнаружил там такую грязь, что обидно и совестно было смотреть. Это была сплошная безрассудная грызня и пакость А. Луцкевича, П. Алексюка и их сторонников, с одной стороны, и И. Воронко и его сторонников, с другой... Безусловно, Ворон-

28. Едва ли не самым главным вопросом на совместном заседании было распределение украинского кредита. Учитывая катастрофическое финансовое положение почти всех членов правительства, была составлена «Исходящая ведомость на выплату пенсии и суточных Совету народных министров БНР», согласно которой каждый из членов кабинета министров получил выплаты за последние пять лет: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 333, 334, 341. Подробнее см.: Коўкель І. Дзейнасць Прэзідыума Рады і ўрада БНР у Гродна (снежань 1918 — сакавік 1919 г.) // Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры: зб. навук. арт. / рэдкал.: І. П. Крэнь, І. В. Соркіна, В. А. Белазаровіч. Гродна, 2007. С. 186–192.
29. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 331, 332.

ко совершил массу ошибок, однако он успел сделать и много хорошего. С другой стороны, я увидел, что в Гродно были перенесены политическими противниками Воронко старые минский и киевский конфликты, довольно некрасивые. Теперь противники в чем только его не обвиняли: и что он немецкий шпион, и что литовский чиновник, продавшийся Литве, и т. д. Поэтому заключенное Виленской радой соглашение с Тарибой стало тем, чем и должно было стать, — хаосом, в котором не смогли бы разобраться не только простые смертные, но и сами его творцы...»[30]

Тогда же литовские власти назначают командиром формирующегося в Гродно полка К. Езовитова. Но тот, прежде чем принять литовское предложение, официально обращается за разрешением... к белорусскому премьеру: «Довожу об этом до Вашего сведения, прошу ответить, не имеете ли Вы каких-либо возражений». Это было не только признание полномочий правительства БНР, но и выражение определенных приоритетов[31].

Украинский кредит не только открывал дорогу для поездки белорусской делегации на мирную конференцию в Париж. Он стал решающим фактором для пересмотра политики правительства БНР в целом. Все понимали, что нужно быть готовыми к продолжению работы в эмиграции, а значит, следовало выбрать политический центр, вокруг которого будут группироваться национальные силы и на который они станут ориентироваться. От этого во многом зависела дальнейшая судьба БНР. Оказалось, однако, что среди министров нет единого мнения на этот счет. В итоге на некоторое время белорусское правительство оказалось разделено между сразу несколькими европейскими столицами.

23 марта председатель правительства вместе со своими министрами А. Смоличем, А. Цвикевичем и Л. Зайцем выехал из Гродно. Через три недели за ними последовали К. Терещенко

30. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 53. Арк. 41–45.
31. Кроме того, А. Луцкевич утвердил, пускай и чисто формально, предложенные К. Езовитовым образцы военной формы. А вскоре полк получил официальное название 1-го белорусского гродненского полка пехоты: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 22. Арк. 42.

и В. Захарко. Часть министров выехала в Инстербург, а оттуда в Ковно[32]. Сам А. Луцкевич отправился в Берлин, хотя его главной целью оставался Париж. В столицу Германии он прибыл в конце марта 1919 г. и почти сразу организовал дипломатическую миссию БНР, ставшую первым постоянным представительством республики за пределами бывшей Российской империи. Первоначально роль официального представителя досталась капитану А. Борику, возглавлявшему Белорусскую военную миссию по делам военнопленных в Германии. Чуть позже в состав комиссии вошли А. Луцкевич, А. Смолич, исполнявший должность посла, и Я. Натусевич. Немецкие власти зарегистрировали миссию БНР в начале мая, хотя фактически свое первое заседание она смогла провести лишь через два месяца. В конце августа полномочным представителем БНР в Берлине был назначен Л. Заяц, которого в октябре заменил Л. Борко. «Уже осенью, — пишет А. Тихомиров, — дипломатическая миссия БНР в Германии состояла из трех отделов: консульского, военного и отдела прессы. В штат миссии входили шеф, секретарь, юрисконсульт, начальник военного отдела, советник по военным делам, советник по делам прессы. В ноябре Л. Заяц был признан немецкими властями в качестве официального представителя Беларуси, хотя даже он сам считал, что признание было “весьма условным”»[33].

Однако, вопреки ожиданиям А. Луцкевичу не удалось сразу же отправиться из Берлина дальше в Париж. Внезапно обнаружилось, что часть украинского займа, которая находилась на счетах в берлинском Рейхсбанке, недоступна — накануне по требованию Советской России немцы заморозили украинские

32. Бацькаўшчына. 1919. № 3; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 354.
33. Вскоре миссия насчитывала уже три отдела: консульский, военный и отдел прессы. В состав миссии входили В. фон Дитман и Козловский, выполнявшие обязанности секретарей, юридический консультант Бруно Миллер и Я. Натусевич, выполнявший обязанности дипломатического курьера: Тихомиров А. Проблемы белорусско-германских отношений...; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 354. Подробнее о миссии БНР в Берлине см.: Сакалоўскі У. Надзвычайная місія БНР у Нямеччыне (1919–1925) // Arche. 2009. № 3. С. 7–328.

активы. В одно мгновение вся дальнейшая дипломатическая деятельность БНР оказалось под угрозой. Чтобы спасти ситуацию, А. Цвикевич срочно выехал в Вену в надежде получить деньги через австрийские банки[34].

Одновременно в конце апреля А. Луцкевич направляется в Прагу. Вскоре белорусский премьер получил согласие на открытие здесь представительства БНР, но чехи воздержались от признания независимости Беларуси. Встреча с президентом Чехословакии носила неформальный характер и даже не была отмечена в книге официальных визитов. Сразу после беседы с А. Луцкевичем Т. Масарик писал в Париж министру иностранных дел Э. Бенешу: «Эта белорусская республика — результат распада России: должна была остаться Россия и баста... Но Россия распалась... Поэтому мы, не пускаясь в филологию и вопросы внутренней администрации, придерживаемся статус-кво»[35].

Тем временем попытка К. Езовитова «белорусизировать» полк в Гродно закончилась тем, что он настроил против себя всех его офицеров. Существование белорусских военных формирований, подконтрольных Тарибе, вызывало у Варшавы некоторые опасения. Чтобы предотвратить возможные столкновения накануне вступления в город польской армии, было подписано соглашение о взаимном нейтралитете, по которому полк переходил под командование польского коменданта крепости. В своем письме одному из ближайших помощников Ю. Пилсудский не скрывал удовлетворения: «При каждой возможности подчеркивайте тот факт, что белорусский полк в Гродно сдался в плен... Теперь я настолько владею ситуацией, что могу в любую минуту, не проливая крови, его распустить. Не делаю этого лишь потому, что дружественные отношения с полком ослабляют значение и влияние Тарибы»[36].

Правительство БНР, покидая Гродно, оставило в городе часть наличной суммы на руках гродненского губернского

34. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 238.
35. Буча А. Беларуская дыяспара ў Чэхаславакіі (1921–1938 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2012. С. 46; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 379.
36. Wasilewski L. Józef Piłsudski jakim go znałem. S. 183–187.

комиссара П. Алексюка. Уже после вступления в город польской армии на его адрес из Берлина пришла телеграмма следующего содержания: «Bitte smolitsch zu nachrichtigen dasz ich warte berlin also man sall nachrichten nur kondratowitsch und zwei herren und sofort meine palto schicken». Перевод ее звучал весьма странным образом. Выходило, что А. Луцкевич просил срочно передать ему через А. Смолича... пальто! Все, однако, становится куда более понятным, если поменять «пальто» на «деньги». Вскоре в Гродно приезжают вице-министр БНР А. Смолич с В. Ластовским, чтобы их вывезти из города[37].

Из Гродно Смолич отправляется в Варшаву с целью добиться от Польши признания независимости Беларуси. Сложно, однако, сказать, насколько его шаги были заранее оговорены с членами правительства БНР. Уже 20 мая он подает в канцелярию Ю. Пилсудского проект соглашения, по которому Польша должна была создать правительство Литовско-Белорусской республики, армию, администрацию и выдать Беларуси кредит[38].

Главным сторонником союза Беларуси с Польшей внезапно становится глава гродненского комиссариата БНР П. Алексюк. Можно сказать, что А. Луцкевич сам подтолкнул его к этому, поручив вести переговоры с местными польскими организациями. Уже в конце апреля в Варшаву направляется делегация Гродненской Белорусской центральной рады,

37. БДАМЛіМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 277. Арк. 15.
38. Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego. T. II. 1919–1921. Wrocław etc., 1974. S. 162; Wasilewski L. Op. cit. S. 181–182. «Я должен был работать дальше в Гродно, — вспоминал позже сам А. Смолич, — и вообще на белорусской территории и попытаться наладить работу под польской оккупацией, охватившей уже тогда большую часть Гродненщины. На этот раз долго работать в Гродно не пришлось, так как в апреле город был уже занят поляками. Местные польские националисты были настроены против меня за мои выступления на митингах и за работу Крестьянской рады, так что оставаться в Гродно было небезопасно. Вскоре мне удалось выехать в Варшаву, где я надеялся договориться с польским правительством... о конкретных возможностях белорусской работы в период оккупации. В течение месяца я вел переговоры с правительством Падаревского, с сеймовыми клубами, но почти безуспешно...»: Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. І. Ч. 2. С. 322.

а вскоре переговоры продолжились уже в Вильно. В конце мая 1919 г. П. Алексюк встречается со В. Славеком — руководителем польской контрразведки и доверенным лицом Ю. Пилсудского, — и получает разрешение на проведение белорусского съезда Виленщины и Гродненщины с целью создания национального представительства. В обмен на это будущие делегаты должны были выступить в поддержку союза с Польшей. (По некоторым источникам, В. Славек даже предложил объявить на белорусском съезде Пилсудского... великим князем Великого Княжества Литовского![39])

Тогда же в Варшаве создаются Белорусский национальный комитет и Польско-белорусское общество во главе с Л. Дубейковским и Б. Тарашкевичем[40]. «Во взглядах белорусов и в их

39. В своих показаниях Б. Тарашкевич утверждал: «Организацию этого съезда поручили мне как представителю Виленщины и Алексюку как представителю Гродненщины. За разрешением на съезд мы обратились к “Гражданскому комиссару восточных земель” Осмоловскому. Тот ответил, что это дело большого политического значения, которое может разрешить только Славек, начальник второго отдела в Вильно. То же мне сказал и Ян Пилсудский, тогда комиссар гражданский города Вильно, добавив при этом частным образом, что Славек является правой рукой Пилсудского по всем политическим делам. Мы обратились к Славеку. Назначил нам прием на своей частной квартире. Принял нас любезно. Говорил, что слышал обо мне от моих общих знакомых, о моем участии в ученические годы в польском движении за независимость, рассказывал о своей боевой революционной деятельности (между прочим, о Безданах). Согласился дать разрешение на съезд и в конце взволнованным голосом сказал: “Было бы делом необыкновенной политической важности, если бы вы могли провести на этом съезде провозглашение Пилсудского великим князем Великого Княжества Литовского”. Я был смущен таким неожиданным предложением и замолчал, Алексюк тоже не ответил утвердительно, а теперь мол, посмотрим. На прощание просил держать этот разговор в тайне, вынул связку бумажных царских рублей (кажется, 10 тыс. — так говорил Алексюк) и передал Алексюку на организационные расходы по съезду. Деньги Алексюк принял и возгорелся вообще охотой к предложенному плану и сотрудничеству с поляками. Когда после выхода я заявил ему, что и деньги, и все предложения Славека неприемлемы, он заявил, что всю ответственность берет на себя и будет действовать самостоятельно. О предложении Славека я говорил Ивану Луцкевичу и, вероятно, Смоличу и Душевскому, а о полученных Алексюком деньгах знали и другие...»: Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча... С. 32–33. Подробнее о личности П. Алексюка см.: Чарнякевіч А. Чужы сярод чужых: Павел Аляксюк і беларускія «паланафілы». Мінск, 2017.
40. «В мае 1919 г. в Варшаву приехал Смолич для установления связи с кра-

тактике наступил определенный перелом, — отметил в этой связи в своем “Дневнике” один из представителей “краевцев” Э. Войнилович. — Если в Минске они ежились при одном упоминание о “легионах”, то теперь они решились сотрудничать на варшавском фундаменте, для того чтобы эти легионы занимали Беларусь до самых Днепра и Двины»[41]. Подобный вывод, однако, был весьма поспешным.

Тем временем часть членов правительства и Рады БНР собирается в Ковно, где, судя по всему, ведет переговоры о возможности создания белорусско-литовской федерации. И пока сторонники сближения с Польшей требуют воздержаться от каких-либо политических выступлений в пользу Литвы, правительство БНР 8 мая выступает с нотой протеста в связи с оккупацией польской армией Виленщины[42].

Как только в Ковно стало известно о подготовке к виленскому съезду, В. Захарко собирает на совещание представителей правительства и Рады БНР. Чтобы «в корне прекратить всякие возможные подтасовки белорусской общественной мысли», после совещания создается специальная делегация во

ем, — писал Б. Тарашкевич. — Имел собеседование с Пристором, тогдашним вице-министром труда, с пэпэсовцами и прочими людьми так называемой “левицы пилсудчиковой”. Постоянным представителем БНР в Варшаве был назначен инженер Дубейковский. Понятно, что никто этого представительства не признавал, но был создан легальный Белорусский комитет в Варшаве, который регистрировал белорусов и даже выдавал им белорусские бэнээровские паспорта. Этот комитет сносился по всем текущим делам с властями, как бы вроде белорусского консульства. Смолич вызвал меня в Варшаву для согласования работы с краем и использования моего знания польского языка и личных знакомств на варшавской почве. Он передал мне такие директивы белорусского правительства относительно работы и политической линии: 1) Создать краевую организацию Виленщины и Гродненщины; 2) Создать белорусскую прессу; 3) Обратить особое внимание на создание белорусских школ и издательств. Рекомендовали двойную тактику — с одной стороны, оппозиционную прессу, с другой стороны, сотрудничество с поляками, дабы “вырвать, что удастся”, особенно в области просвещения и кооперации... Смолич указал, что бэнээровское правительство в известных пределах может субсидировать работу из своего фонда, полученного путем займа от украинцев»: Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча... С. 31–32.

41. Woyniłłowicz E. Wspomnienia 1847–1928. Wilno, 1931. S. 248.
42. AAN. Komitet narodowy Polski w Paryżu. T. 302. R. 27; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 348, 354–355.

главе с К. Терещенко и Т. Грибом, которая срочно направляется в Вильно[43].

Съезд состоялся 9–10 июня в стенах бывшего базилианского монастыря. Оказалось, что из прибывших ста двадцати пяти делегатов большинство составляют сторонники белорусских эсеров. «Алексюк с треском провалился, — вспоминал Б. Тарашкевич. — Конечно, не могло быть и речи о каком-то великом князе, когда в президиум сыпались предложения самых радикальных антиоккупантских резолюций, главным образом эсеровского характера. Съезд избрал все-таки постоянный политический орган: Белорусскую раду Виленщины и Гродненщины, председателем которой был избран Клавдий Душевский». В итоге созданная на съезде Центральная белорусская Рада Виленщины и Гродненщины выступила за возобновление деятельности Рады БНР[44].

21 мая правительство БНР собирается в Берлине. Позже А. Луцкевич в своих показаниях писал: «Сам же я сделал несколько официальных визитов в Берлине (в бюро президента Эберта — к докладчику по восточным делам д-ру Мейснеру) и в министерстве иностранных дел, где вместо отсутствующего министра меня принял докладчик по восточным делам фон Блюхер. Никакой "политики" с разгромленной Германией делать не приходилось, и единственным практическим вопросом был вопрос о возможности попасть в концлагеря и завязать контакты с военными белорусами. Меня, с одной стороны, интересовал вопрос о настроениях пленных белорусов, ...с другой же — хотелось помочь им материально и вести среди них белорусскую национальную пропаганду. Но немецкие власти были уже здесь ни при чем, концлагерями ведал делегат Антанты русский генерал фон Монкевиц, с которым я позже и познакомился. Для агитации среди военнопленных белорусов был издан номер журнальчика на белорусском языке п[од] н[азва-

43. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 354–356.
44. LCVA. F. 395. Ap. 1. B. 11. L. 152; AAN. Akta archiwum obcych, adjutantura Generalna Naczelnego Dowództwa. M-396. 972/T2; Archiwum PAN. Diariusz M. S. Kossakowskiego. T. IV. S. 462; Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча... С. 32–33; Глушакова Н. Была такая партыя... // Маладосць. 1998. № 8. С. 245.

нием] “З роднаго краю”, где между прочим излагалась история БНР и помещен мой мемориал на мирную конференцию. В Берлине я постарался познакомиться с рядом виднейших общественных деятелей, таких как, например, Карл Каутский, Рорбах, Аксель Шмидт, с редакторами некоторых газет... Давал статьи и заметки, информирующие о белорусах, в немецкие журналы. Наконец, готовил издание информационной книжки на немецком языке о белорусах, их истории, истории белорусской литературы и искусства, об экономическом положении — но книжка эта вышла под редакцией Вальтера Егера уже после моего отъезда в Париж»[45].

Подобную картину рисует в своих показаниях и А. Смолич: «Мы возобновили переговоры с германским правительством о признании БНР. Добились мы только так называемого фактического признания, т. е. визирования наших дипломатических паспортов. Начата была также мною издательская работа для популяризации белорусского вопроса, издан специальный сборник на немецком языке и велась подготовка к дальнейшему развитию издательства...»[46]

Начиная с июня 1919 г., дважды в неделю пресс-бюро при дипломатической миссии БНР в Берлине (Белорусская служба печати и телеграфной информации) выпускало информационные бюллетени, в которых старалась давать актуальные новости, связанные с Беларусью. Были изданы книга В. Егера о белорусах на немецком языке, политический очерк А. Цвикевича «Беларусь» и открытки с гербами белорусских воеводств. Кроме того, в берлинской типографии Ю. Галевского были напечатаны паспорта БНР[47].

Именно тогда в издательстве Вильгельма Гартмана увидела свет «Карта Белорусской Демократической Республики», на которой были указаны границы БНР. На востоке она включала почти всю Смоленскую губернию и южные поветы

45. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 238; Тихомиров А. Проблемы белорусско-германских отношений...
46. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. I. Ч. 2. С. 322.
47. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 246; Тихомиров А. Проблемы белорусско-германских отношений...

Тверской и Псковской губерний, на севере – Двинск, Вильно и Свенцяны, на западе — до бывшей Ломжинской губернии, граница с Украиной прошла по южным рубежам бывших Гродненской, Минской и Могилевской губерний. Кроме прочего, БНР граничила с... Германией! Такая конфигурация границ БНР давало ей исключительное стратегическое положение, превращая в транзитную зону между странами региона. Д. Михалюк следующим образом оценивает политическое воображение руководителей БНР: «"Карта Белорусской Народной Республики" выражала государственные интересы белорусской политической элиты и была одним из элементов белорусской государственной политики. Основой ее создания были главным образом критерии этнического расселения белорусов, однако этот романтический взгляд авторы смогли преодолеть и взять во внимание также стратегические и хозяйственные нужды запроектированного государства»[48].

Как только в конце мая 1919 г. А. Луцкевич смог получить очередную часть украинского кредита, он немедленно выехал в Париж[49]. Правда, почти вся деятельность белорусской делегации свелась к составлению мемориалов и кулуарным встречам. Сам А. Луцкевич вспоминал: «Прибыв в Париж, я стал объезжать делегации великих держав и выяснять их отношение к белорусскому вопросу, с которым отчасти уже познакомили их Кондратович и Ознобишин. Во французском министерстве иностранных дел беседовал с делегатом мирного конгресса де Селини, в английском с членом делегации Симпсоном, в американском — с Лордом. Познакомился и со всеми делегациями республик, возникших или возникающих на территории бывшей России: украинской, латышской, литовской, грузинской, азербайджанской и др., председатели которых собирались еженедельно для обмена мнениями и по мере потребности — для общих выступлений... Из русских деятелей виделся с Маклаковым, Сазоновым, Чайковским, Брешковским, Савинковым, Алексинским. Все они относились ко мне с неко-

48. См.: Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 226–233.
49. Там же. С. 381–382, 389.

торым предубеждением, как к “преступнику против России”, но тем не менее интересовались возможностью использования белорусов в деле вооруженного выступления против Советской власти»[50].

В этих условиях происходит, если можно так выразиться, попытка «коммерциализации» белорусского проекта, которая должна была принести правительству БНР не только формальное признание со стороны мировых держав, но и долговременные дивиденды. «Признание нашей независимости, — писал в этой связи в одном из своих писем сам А. Луцкевич, — будет полностью зависеть от того, сможем ли мы заинтересовать хотя бы одну из стран Антанты в получении значительных барышей». Одним из результатов такого подхода явилась попытка выкупить так называемые «стоки» — американские военные запасы одежды, обуви, лекарств и еды во Франции, которые правительство США собиралось теперь уступить соответствующему контрагенту под пятилетний кредит на пять процентов. Общая коммерческая стоимость «стоков» оценивалась почти в 10 млн франков (около 14 млн долларов), которые могли принести еще большую прибыль при непосредственной реализации.

Поэтому А. Луцкевич, чья дипломатическая миссия в Париже потерпела полное фиаско, начинает лоббировать идею покупки правительством БНР американских «стоков», с тем чтобы позже отправить полученные таким образом товары на продажу в Беларусь. Встретив сопротивление со стороны той части своего кабинета, которая оставалась в Берлине, белорусский премьер выставил ультиматум: «Прошу немедленно выслать мне не меньше полумиллиона марок, списав их на Министерство иностранных дел. Если же этого не будет сделано сейчас же, то не имеет смысла дальше играть в политику: я отказываюсь от дальнейшей работы и от своего поста»[51]. В результате оппоненты премьера уступили, на реализацию

50. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 239.
51. Лісты Антона Луцкевіча з часу Парыжскай мірнай канферэнцыі // Arche [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://arche.bymedia.net/2006-10/lazko610.htm.

плана пошли и так довольно скромные ресурсы государственного бюджета. Сама же попытка выкупить военные склады во Франции, как и следующая за ней покупка «стоков» в Испании, закончилась ничем[52].

К этому времени большевики уже фактически успели ликвидировать созданный несколькими месяцами ранее Литбел, а правительства Деникина и Колчака и вовсе не шли в своих обещаниях дальше автономии для окраинных народов. Однако Парижская конференция наглядно показала, что Россия в любом своем обличии сохраняет решающий голос в реализации идеи белорусской государственности, тогда как Германия значительно ослабила свое влияние в регионе и вынуждена считаться с поражением в Первой мировой войне. С другой стороны, именно в Берлине начинает формироваться один из эмиграционных центров правительства БНР.

Что касается финансовой поддержки правительства БНР, то здесь исключительную роль играла Украина[53]. В августе 1919 г. в Париже был даже подготовлен секретный белорусско-украинский договор о взаимопомощи, а А. Головинский успел договориться с украинским военным министром о создании белорусских вооруженных частей. Проблема была в том, что сама Украинская Народная Республика находилась в шаге от полного краха в связи с наступлением армии Деникина, так что этим планам не суждено было воплотиться[54].

Еще меньше, как оказалось, на роль союзника подходила Литва, которая прежде всего стремилась пресечь дипломатиче-

52. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 1. Ч. 2. С. 334.
53. В июле 1919 г. А. Цвикевич едет в Украину в качестве главы специальной делегации. Но только в начале октября 1919 г. белорусская делегация наконец сумела попасть в Каменец-Подольский и встретиться с Петлюрой. Украинское правительство на этот раз признало полномочия белорусских представителей и назначило своего посла при правительстве БНР. Начинаются очередные переговоры по поводу получения нового кредита. Одновременно Евгения Алексюк, сестра П. Алексюка, отправляется с миссией через линию фронта, чтобы обменять нереализованный вексель берлинского банка: БДАМЛіМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 155. Арк. 26, 27; Там же. Спр. 282. Арк. 13 адв.
54. Кукса А., Квасаў С., Каралёнак Т. Беларуска-украінскія адносіны ў 1917–1920 гг. С. 127–128.

скую активность белорусов с их претензиями на Вильно и Гродно. В середине 1919 г. в Париже разгорается конфликт между белорусской и литовской делегациями за право на Виленщину. Литовцы отказались принимать участие в совместном заседании конференции вновь созданных государств в знак протеста против территориальных требований белорусов. В ответ А. Луцкевич обвинил литовскую делегацию в целенаправленном срыве переговоров, что стало поводом для сворачивания всех прежних двусторонних соглашений[55].

Даже В. Ластовский был вынужден выступить с протестом от имени Белорусского секретариата при Тарибе и выехать из Ковно в Вильно. Фактически до середины лета 1919 г. правительство БНР не имело своего представительства в Литве, и только в июле в Ковно отправляется А. Смолич. Вместе с В. Захарко они предприняли попытку ликвидировать Министерство белорусских дел и создать на его месте Чрезвычайную дипломатическую миссию БНР в Литве во главе с Петром Кречевским. Первоначально И. Воронко был предложен пост дипломатического представителя БНР в Лондоне, однако на этот раз с категорическим протестом выступил А. Луцкевич. В результате министерство так и не было ликвидировано, а сам И. Воронко еще на некоторое время сохранил свое место при литовском правительстве. Что касается П. Кречевского, то он в августе был вынужден выехать в Берлин. Тогда же Ковно покинул и К. Езовитов, который накануне уволился из Министерства белорусских дел[56].

Немного удачнее складывались отношения с Чехословакией. Еще в начале июня 1919 г. А. Цвикевич организует в Праге Белорусский комитет, который возглавил Николай Вершинин. Вскоре последний был назначен представителем БНР по де-

55. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 359, 363, 366–367. 6 июня 1919 г. на совместном совещании в Ковно членов БНР и Министерства белорусских дел принимается решение отказаться от всех прежних споров и недоразумений и работать вместе в одном направлении: Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 117.

56. К. Езовитов направился в Ригу в качестве руководителя военно-дипломатической миссии БНР в Латвии и Эстонии: Ibid. S. 112, 117, 141–143; Гардзіенка Н. На чужыне // Запісы БІНіМ. 2013. № 36. С. 333; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 385–386.

лам военнопленных, а уже с февраля 1920 г. стал полномочным представителем БНР в Чехословацкой республике. В целом деятельность миссии БНР в Праге была связана с подготовкой ежемесячных докладов, выступлениями в прессе по «белорусскому вопросу» и выдачей паспортов. К примеру, отправленный А. Луцкевичем на имя премьер-министра Э. Бенеша проект формирования белорусской армии был отклонен. Само же консульство К. Езовитов описывал как «небольшую квартиру из двух комнат и кухни»[57].

Едва ли не основные успехи внешнеполитической деятельности БНР были связаны со странами Прибалтики, за исключением Литвы. Первым с миссией в Латвию в конце июля 1919 г. отправляется Кузьма Терещенко. Здесь он вступает в переговоры с министром иностранных дел Латвии Зигфридом Мейеровицем, в том числе и по вопросу создания на территории Латвии белорусских военных частей. Планировалось даже, что латвийская армия на время займет часть белорусских уездов, причем гражданская власть здесь сразу перейдет в руки представителей правительства БНР. Однако в связи со скорым занятием поляками Минска К. Терещенко был вынужден срочно покинуть Латвию и выехать в Польшу[58].

Уже позже, осенью 1919 г., с заданием добиться признания БНР в прибалтийские республики направляется К. Езовитов. Всего за несколько месяцев ему удается возобновить работу белорусской военно-дипломатической миссии в Риге и Ревеле, а также открыть консульство в Латвии (его возглавил поручик Борис Шимкович). Тем самым был заложен фундамент еще одного политического центра, которому суждено было сыграть важную роль в истории БНР[59].

57. Езовитов К. Воспоминания // Нёман. 1993. № 3. С. 159; Буча А. Беларуская дыяспара ў Чэхаславакіі... С. 46–49.
58. Одновременно К. Терещенко вел неофициальные переговоры с князем Анатолием фон Ливеном, командующим добровольческим русским отделом при балтийском ландсвере: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 49. Арк. 10; Архівы БНР. Т. 1. Кн. 1. С. 407; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 405–406.
59. Еще 7 сентября 1919 г. в Риге был избран президиум Рады белорусской колонии, в состав которого вошли И. Данилюк, А. Степура, П. Цветков

К. Езовитов действовал решительно и напористо. С одной стороны, он встречается с министрами иностранных дел Эстонии и Финляндии, а с другой — с премьером российского Северо-Западного правительства и завязывает отношения с российским генералом Олегом Корчак-Крыница-Васильковским в Хельсинки. Уже к концу года существовала белорусская колония в Латвии во главе с Радой колонии и Белорусским консульством, были созданы свой клуб, культурно-просветительное общество «Бацькаўшчына», дамский комитет помощи бедным, молодежный кружок, основаны курсы белорусоведения, финансовая комиссия по оказанию помощи правительству БНР и даже выходил свой журнал «На чужыне»[60].

Одновременно представители БНР предпринимают последнюю отчаянную попытку создать собственную армию. Речь идет об одном из отделов Северо-Западной армии под командованием генерала С. Балаховича.

Относительно личности самого генерала в литературе до сих пор существуют самые разные точки зрения. Если для одних исследователей он «выдающийся (возможно, даже гениальный) командир партизанской дивизии», то другие называют его и его армию «подразделением наемников, имеющих большой военный опыт» без особых политических лозунгов[61].

и Н. Гордиенко. Кроме того, особый представитель миссии по делам беженцев Михельсон организовал в Нарве Белорусский беженский комитет, связался с американской миссией Красного креста и с ее помощью организовал питание беженцев в округе: Гардзіенка Н. На чужыне. С. 318, 325.

60. Правда, опубликованная на его обложке карта БНР, которая включала и часть поветов Латвийской республики, стала для Риги весьма неприятным напоминанием о территориальных претензиях белорусов. В итоге распоряжением латышского министра внутренних дел журнал был конфискован. Кроме того, в ноябре 1919 г. латвийская пресса обрушилась на белорусское представительство за то, что, принимая граждан в свое подданство, оно способствовало уклонению их от воинской повинности: LMAVB. F. 155. Vnt. 484. L. 11 ap.; НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 59. Арк. 48; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 500; Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 47–48; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 406.

61. Алексеев Д. Б. В. Савинков и русские вооруженные формирования в Польше в 1920–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 11

Станислав Балахович был фигурой во многом типичной для своего времени. Родился он в 1883 г. в крестьянской католической семье на литовско-белорусском пограничье. Карьере священника и духовной семинарии, куда его собирались отправить, предпочел агрономические курсы и должность управляющего одного из помещичьих имений. Вместе с братом Юзефом отправляется добровольцем на фронт, где командует эскадроном в партизанском отряде. В 1918 г. С. Балахович во главе кавалерийского полка Красной армии участвовал в подавлении крестьянских восстаний. В ноябре 1918 г. вместе с полком перешел к белым[62].

Несмотря на то что инициатором первых встреч был С. Балахович, все выглядело так, будто предложение о сотрудничестве пришло со стороны БНР. «Виделся с представителями отряда генерала Балаховича, — писал К. Езовитов. — Балахович теперь совсем свободный человек... Хотел бы быть поближе к родине (Вильно). Считал себя одно время литвином, но теперь узнал о белорусах и сам не знает, кто он. Нужно, говорит, хорошо познакомиться с картой, движением и историей». Далее К. Езовитов отмечал: «Я предложил ему ответить, знает ли он белорусский (простой) язык; знает ли он литовский язык; знает ли он, что его фамилия совсем белорусская: по-литовски было бы Балаховичюнас; как он относится к национальным вопросам и признаёт ли он независимость Белорусской Народной Республики». Судя по всему, «символ веры» оказался настолько простым, что уже через несколько дней представители генерала вновь явились к К. Езовитову. «Они пришли ко мне... — писал он в своем рапорте, — и сообщили, что Балахович белорусский язык знает, Белорусскую Народную Республику признаёт и готов защищать»[63].

[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://jivebelarus.net/history/new-history/bulack-balahovich-vs-rechitsa.html.

62. Недаром генерал М. Юденич высказался о своем подчиненном в том смысле, что тот с военной точки зрения не более чем преступник, но вообще «...молодец и полезен при существующих обстоятельствах»: Вендзягольский К. Савинков [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demidovtsev.ru/11612.

63. При этом бросаются в глаза как заочный характер диалога, так, собственно, и сам способ национальной самоидентификации — по карте: Архівы БНР.

По закону о белорусском гражданстве, принятому еще в апреле 1918 г. Народным секретариатом и подтвержденному позже Народной радой БНР, белорусским гражданином считался каждый, кто до войны был приписан к территории пяти белорусских губерний и пользовался правами российского подданства. Также граждане БНР могли стать таковыми на основании личного заявления[64].

Собственно говоря, «белорусизация» генерала С. Балаховича прошла куда быстрее, чем можно было ожидать. Уже 19 ноября 1919 г. он выступил с заявлением следующего содержания: «Являясь гражданином Белорусской Народной Республики, считаю необходимым, чтобы моя армия была использована для защиты целостности и неделимости моей Отчизны, а потому предлагаю моему Правительству зачислить меня и мой отряд на белорусскую службу»[65]. К. Езовитов в ответ сразу же выдал особый рескрипт. «Глубоко тронут и обрадован Вашим заявлением... — говорилось в нем среди прочего. — Я высказываю Вам, Гражданин Генерал, огромную благодарность от Имени нашей Многострадальной Отчизны и сообщаю Вам, что с этого момента Вы с Вашей армией считаетесь на службе в Армии Белорусской Народной Республики как Командир Отряда Белорусской Народной Республики в Эстонии»[66].

Был еще один существенный момент, влиявший на ситуацию вокруг генерала Балаховича. Его появление могло не только изменить расстановку сил внутри самого белорусского движения, но и дать дополнительный толчок к поиску новых источников финансирования для правительства БНР, о чем и писал К. Езовитов: «На это дело можно пожертвовать 400 тыс. марок, но оно даст нам рекламу, с которой мы добудем 400 млн». Другой член миссии, И. Черепук, призывал «немедленно послать чрезвычайную делегацию на Украину за денежной помощью — для этой формации, — а потом можно

Кн. 1. Т. 1. С. 479.

64. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 59. Арк. 54.
65. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 494.
66. Стоит упомянуть, что за свой переход на белорусскую сторону генерал попросил 400 тыс. марок: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 496–497.

что-нибудь вытащить и у Антанты». Он предлагал «урезать до минимума» финансирование дипломатической деятельности белорусского правительства в Берлине и Париже, а все средства направить на Латвию и Эстонию, с тем чтобы «придать серьезный характер работе». «И вот когда мы... войдем в Беларусь со стороны Двинска, а наша армия займет Полоцк, — заключал И. Черепук, — начнем тогда с Полоцка воскрешать свое будущее...»[67]

Уже в конце 1919 г. главой белорусской миссии были выданы для С. Балаховича белорусская форма, печать и штамп. (Формально, однако, он был принят в белорусскую армию только через месяц.) К. Езовитов и дальше пытался подвести под существование Особого отряда БНР реальную материальную базу: просил принять его в качестве белорусского отдела в состав эстонской армии, обращался за помощью к миссиям стран Антанты[68]. Кроме того, создание отряда имело и совсем уж неожиданный результат. Дело в том, что еще в конце августа 1919 г. правительство БНР поддержало предложение И. Воронко, в то время министра белорусских дел при литовском правительстве, о выпуске «государственных белорусских почтовых и гербовых марок». Литовское правительство отказало в необходимой финансовой поддержке, зато 5 млн марок «Асобнага атрада БНР» выпустил сам К. Езовитов. Ему даже удалось погасить значительную часть марок через почтовую контору в Мариенбурге и они некоторое время находились в обороте на территории Латвии, правда, в незаконном. Позже К. Езовитов смог заинтересовать белорусскими марками европейских филателистов и выслал крупную партию в Берлин[69].

67. Там же. С. 480, 503–506.
68. Там же. С. 643.
69. Согласно подписанному в феврале 1920 г. соглашению, монопольное право на продажу марок БНР передавалось Аркадию Лившицу: Там же. Кн. 1. Т. 1. С. 418; Там же. Т. 2. С. 1311; Лицкевіч А. Беларуская віртуальная рэспубліка // Беларуская думка. 2008. № 3. С. 72. Про марки Особого отряда см.: Карповіч Л. Беларуская паштовая марка: ад вытокаў да эміграцыі // Запісы БІНіМ. 2013. № 36. С. 90–99; Батиевский В. Марки и полевая почта «Асобнага атрада БНР» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mirmarok.ru/prim/view_article/732. Дата доступа: 14.11.2016.

Этот короткий эпизод в отношениях между миссией БНР и генералом был положен в основу мемориала под названием «История Особого отряда Белорусской Народной Республики», который, скорее всего, предназначался для использования на дипломатическом фронте[70]. А еще спустя два месяца министр обороны БНР Е. Ладнов присвоил и самому полковнику К. Езовитову за «выдающиеся заслуги в формировании белорусской армии» звание генерал-майора![71]

Общий итог борьбы на дипломатическом фронте был, однако, неутешителен. Даже годы спустя среди бывших деятелей БНР пересказывался анекдот о том, как британский консул в Чехословакии безрезультатно искал белорусскую дипломатическую миссию. «Когда английское посольство, — вспоминал К. Езовитов, — получило в Праге срочную телеграмму снестись с белорусским правительством, вступить с ним в переговоры, то посольство направило на Венскую, 4, где жил Вершинин, своего представителя. Когда он вышел из автомобиля, то на подъезде увидел дощечку “Миссия БНР в Праге” на французском и чешском языках. На пороге встретился с женой Вершинина, которая закончила мытье полов в квартире и выходила в коридор с тряпкой, чтобы и тут навести перед своей квартирой порядок. На вопрос представителя, здесь ли белорусская миссия, она ответила утвердительно, но когда он направился внутрь, она его пыталась задержать, так как не знала, с кем имеет дело, и, кроме того, очень боялась, чтобы незваный гость не испортил только что помытый пол. Произошла некоторая тузанина, но англичанин вошел в первую комнату, чтобы тут найти служителя, который “доложил” бы о его приходе. Служителя он не нашел в “комнате с очагом”, на котором готовят пищу (не камин), и прошел дальше. Там был скромный кабинет учителя с письменным столом, полками и книгами. Совершенно непостижимо было поверить, что здесь проживает дипломат...» Говоря о реакции западных дипломатов, К. Езовитов отмечал: «Все очень веселились»[72].

70. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 90.
71. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 4. L. 23.
72. Езовитов К. Воспоминания... С. 159.

Делегация БНР так и не смогла заявить о себе на конференции балтийских государств в Риге, проходившей в конце 1919 г., и тем самым потеряла еще одну возможность добиться международного признания. В результате *de facto* правительство Беларуси признала только Финляндия[73]. Отсутствие надежных геополитических партнеров, способных поддержать «белорусский проект», а также тот факт, что белорусское национальное движение находилось в условиях жесткой идеологической конкуренции со стороны других политических игроков, почти не оставляли поля для маневра. Но именно эта слабость легла в основу нового политического курса правительства БНР, который был направлен на сближение с Польшей. Этот курс попытался реализовать после Парижа Антон Луцкевич.

73. См. подробнее: Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 415. К сожалению, эта тема все еще мало изучена, поэтому вопрос о признании Финляндией независимости БНР остается открытым.

ГЛАВА 6

«Белорусский Пьемонт»: Наивысшая Рада

В период польско-советской войны в польских политических кругах существовали два мнения о конкретной форме включения земель бывшего Великого Княжества Литовского в состав Польского государства: через инкорпорацию или федерацию.

Инкорпорация подразумевала механическое поглощение Польшей части территории так называемых «восточных кресов» и создание унитарного национального государства, в котором доминирующая роль принадлежала бы полякам, а остальным народам, проживавшим на этих территориях, отказывалось в праве на самостоятельное национальное развитие. Территориальные притязания национал-демократов, выступавших сторонниками инкорпорации, касались областей с подавляющим, на их взгляд, влиянием польской культуры. Согласно проекту, выдвинутому в октябре 1918 г. С. Грабским, польская территория должна была охватывать часть Минской губернии, включая Минск, Слуцк и Пинск, а также западную часть Витебской губернии. Программа Р. Дмовского предусматривала границу до рек Двина и Березина.

Программе эндеков противопоставлялась идея многонационального государства, духовного преемника Речи Посполитой, объединяющего на федеративных началах соседние с Польшей народы — литовцев, белорусов, украинцев и др. Предполагалось, что вступление в федерацию будет носить добровольный характер. Сторонниками федералистской концепции выступа-

ли в первую очередь близкие к Ю. Пилсудскому варшавские политики из числа Польской партии социалистов (ППС), ПСЛ-Освобождение, Польской военной организации, II отдела Генерального штаба, некоторые группы землевладельцев и публицисты, группировавшиеся вокруг еженедельника «Правительство и армия». Территориальные планы федералистов носили прагматический характер, в качестве главной цели выдвигалась необходимость установления границ как можно дальше на восток вплоть до границ 1772 г. При этом среди сторонников федералистской концепции имелась своеобразная программа-минимум, предусматривавшая включение в состав Польши бывших Гродненской и Виленской губерний.

Уже накануне проведения Виленской операции в апреле 1919 г. перед Ю. Пилсудским остро встала необходимость разработки практического плана по воплощению федералистской идеи в конкретные государственные формы. Поиск союзников и партнеров стал принципиальным вопросом в политической игре, главная ставка в которой была необычайно высока и соблазнительна, но вместе с тем требовала и огромного риска. Нельзя было добиться возвращения Польше роли восточноевропейской державы, способной на равных противостоять угрозе как с запада, так и с востока, не имея поддержки среди представителей Украины, Беларуси и Литвы, а как раз получить такую поддержку оказалось невероятно сложно. Мало было того, что Российская империя раскололась по «национальным швам». Теперь следовало найти рецепт, как собрать хотя бы часть этих осколков вместе и соединить их в достаточно прочном союзе, чтобы со временем Польше самой не пришлось латать эти самые «швы».

Проблема осложнялась тем, что среди народов бывшего Великого Княжества Литовского не оказалось почти ни одной партии, которая бы последовательно отстаивала ориентацию на Польшу. Скорее напротив, общими были полонофобские настроения национальных элит, являвшиеся по сути отражением антипольских настроений, царивших среди крестьянских масс Украины, Беларуси и Литвы. Учитывая общую слабость

белорусского национального движения, в Бельведере могли вполне обоснованно надеяться, что в той мозаике, которую Польше нужно было заново сложить, Беларусь станет самым легким звеном.

То, что сегодня воспринимается как единая стратегическая линия польского правительства, при ближайшем рассмотрении оказывается цепью разнородных, не доведенных до конца мероприятий и не до конца продуманных шагов, которые чаще всего вели к мало предсказуемым результатам и чьи реальные последствия часто проявлялись уже позже, при совершенно иных обстоятельствах. Изменчивая политическая конъюнктура — как международная, так и внутренняя, — а также отсутствие со стороны Польши общей государственной политики относительно «белорусского вопроса» приводили к появлению в недрах Главного командования, Министерства иностранных дел и Гражданского управления восточных земель Польши самых неожиданных проектов, которые затем так же быстро откладывались и забывались.

Глава Польского государства Ю. Пилсудский и его окружение рассматривали белорусов как наиболее слабую из всех политических сил на пространстве бывшего Великого Княжества Литовского, а поэтому лучше всего подходившую для политических манипуляций в их стратегических интересах. Как ни странно, поиск соответствующего партнера с белорусской стороны оказался сложнее, чем ожидалось. Лояльные к польскому правительству белорусы не образовывали какого-то единого направления, тем более — единой партии. Сложно согласиться с мнением польского историка Ю. Левандовского о том, что в то время «за Польшу высказывались тем или иным способом все известные белорусы». Правда, и тезис другой польской исследовательницы К. Гомулки, будто «большинство белорусских политиков выступали против всяких политических союзов с Польшей», также требует своей критики[1].

1. Gomółka K. Ignacy Padarewski wobec kwestii białoruskiej... S. 93; Lewandowski J. Federalizm. Litwa a Białoruś w polityce obozu belwederskiego (XI.1918 — IV.1920). Warszawa, 1962. S. 210.

Итак, наступает период активных белорусско-польских контактов. Всего через неделю после своего образования, 20 июня 1919 г., Белорусская центральная рада Виленщины и Гродненщины направляет в Варшаву делегацию с целью добиться признания со стороны польских властей. В делегацию вошли два комиссара БНР — И. Луцкевич и П. Алексюк. Вскоре председатель Центральной рады К. Дуж-Душевский встречается с Ю. Пилсудским, ведет переговоры с представителями польского МИД по вопросу арестованных, обращается за поддержкой к польским социалистическим партиям. Ю. Пилсудский обещает белорусам отменить ограничения на участие в магистратах (лишь для знающих польский язык) и, кроме того, помочь при формировании белорусской армии[2].

9 июля Ю. Пилсудский принимает с визитом Р. Скирмунта[3]. Вскоре П. Алексюк в очередной раз встречается с Генеральным комиссаром Е. Осмоловским, от которого получает денежные субсидии на белорусскую школу. Наконец, 28 июля Ю. Пилсудский лично принимает в Варшаве делегацию Белорусской центральной рады Виленщины и Гродненщины в составе Б. Тарашкевича, М. Кушнера, М. Кохановича и все того же П. Алексюка. Глава Польского государства дал обещание в ближайшее время подписать распоряжение о создании национальной армии.

Менее чем через две недели, 9 августа, очередная белорусская делегация в составе П. Алексюка, М. Кохановича, кс. А. Станкевича и М. Кушнера вновь встретилась с Ю. Пилсудским, но на этот раз в Вильно. Белорусская сторона просила все того же: оказать материальную помощь белорусскому православному духовенству, белорусским школам в Вильно и поддержать формирование белорусской армии. Политических требований, впрочем, как и прежде, заявлено не было[4].

Однако в Белорусской центральной раде Виленщины и Гродненщины преобладали левые элементы, в первую оче-

2. Jędrzejewicz W., Cisek J. Kalendarium życia Józefa Piłsudskiego 1867–1935. T. II. 1918–1935. Warszawa. S. 104.
3. Woyniłłowicz E. Op. cit. S. 254.
4. Беларуская думка. 15.08.1919. № 10. С. 7; Jędrzejewicz W., Cisek J. Op. cit. T. II. S. 120, 122.

редь социалисты-революционеры. Они не слишком верили в обещания Ю. Пилсудского, тем более что накануне польские власти арестовали целый ряд белорусских деятелей, среди которых оказался и Т. Гриб. Формальной причиной ареста одного из руководителей белорусских эсеров послужила напечатанная в газете «Родны край» статья под характерным названием «Правом или мечом». «В сторону сантименты и соглашения... — призывала она. — Ввысь дух и сердце! За право, в руки меч! Все вместе громадою встанем под национально-революционный штандар Беларуси и все пойдем добывать волю и независимость, превратив в руины гнезда двуглавых и одноглавых орлов, которые разбросаны по нашей земельке!..»[5] Совсем скоро антипольские настроения привели организацию к открытому конфликту Центральной рады с польскими властями, а сама ее деятельность была парализована, после чего Рада выступила с резолюцией, осуждавшей польскую политику по отношению к Беларуси...

Подобного рода выступления вызвали критику со стороны части местных белорусов. Одна из газет писала в этой связи: «Имейте гражданскую отвагу и политический такт рисковать только работой своей партии и ее именем, а все белорусское движение под репрессии не подставляйте»[6].

Примерно в это же время в Париже А. Луцкевич начинает искать сближения с Польшей. В качестве исходной даты можно назвать 24 июня 1919 г., когда он отправил главе польского правительства И. Падеревскому письмо с призывом не уступать «москалям» в вопросе принадлежности Гродненщины. Сам А. Луцкевич писал из Парижа членам правительства БНР о том, что оккупация Беларуси стала фактом, с которым следует считаться, и для пользы дела нужно любой ценой найти общий язык с поляками[7].

5. Родны край. 10.07.1919. № 5. С. 1.
6. Звон. 01.09.1919. № 4.
7. CAW. II oddział Sztabu Generalnego, syg. 303.4.2685. S. 115; AAN. MSZ. T. 6672a. S. 9. Подробнее на тему белорусско-польских переговоров летом 1919 г. см.: Гамулка К. Паміж Польшчай і Расіяй. С. 80–83; Лазько Р. Спробы заключэння беларуска-польскага саюза ў 1919 г. S. 117–119;

Еще через неделю белорусская делегация в Париже вновь обратилась к руководителю польского правительства, но на этот раз с предложением сформировать единый антибольшевистский фронт. Вскоре при посредничестве французской стороны прошла неофициальная встреча А. Луцкевича с И. Падеревским, на которой был выработан проект соглашения о союзе Польши и БНР. Польский политик высказал пожелание о федерации оккупированной части Беларуси с Польшей, с тем чтобы позднее распространить влияние и на территории, занятые большевиками. Сам А. Луцкевич позже в качестве главного организатора встречи с польским премьером называл члена правительства БНР Евгения Ладнова[8].

Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 389–391; Чарнякевіч А. Чужы сярод чужых... С. 92–94.

8. О самом Е. Ладнове известно немного. Родился он 7 июля 1880 г. в городе Двинске Витебской губернии. Профессиональный военный, но при этом — член военной организации эсеров в Одессе в 1905–1907 гг. После Февральской революции какое-то время был заместителем председателя Харьковского губернского совета крестьянских дерутатов. Принимал участие в Государственном совещании в Москве и Первом всебелорусском съезде (был даже избран в состав его исполкома). После октябрьского переворота за антисоветскую деятельность был уволен из армии. В 1918 г. среди прочего исполнял обязанности консультанта при делегации Народного секретариата БНР в Киеве (тогда же, согласно собственным воспоминаниям, был организатором антинемецкого партизанского движения в Украине). В ноябре 1918 г. переезжает в Одессу, откуда позже как член местного белорусского национального комитета отправляется в Париж. (Согласно А. Луцкевичу, кандидатуру Е. Ладнова в качестве члена белорусской делегации на мирной конференции предложил А. Цвикевич.) Прибывает в Париж 1 марта 1919 г. — почти на два месяца раньше, чем туда добрался сам А. Луцкевич. В этом Ладнову помог Евгений де Вулич — член французской военной миссии, с которым он и дальше поддерживает тесные отношения. Вскоре Е. Ладнов получает звание полковника, назначается министром обороны БНР и становится главой белорусской делегации: CAW. Oddzial II Sztabu Generałnego. Syg. I. 303.4.2543; AAN. TSK. T. 99. S. 9; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 117, 121, 130, 345–346; Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 238; Ладнов Е. Огнем и мечом, голодом и болезнями. Варшава, 1922. С. 353–355; Міхнюк У. Ладноў Я. М. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 4. С. 329; Лазько Р. Спробы заключэння беларуска-польскага саюза ў 1919 г. S. 56–64; Чарнякевіч А. Міністр БНР: дзіўныя шляхі Яўгена Ладнова // Личность в истории: героическое и трагическое: сб. мат-лов V Междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 20-летию ист. факультета (Брест, 23–24 ноября 2011 г.) / редкол.: М. Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.]. Брест, 2012. С. 243–249.

Тем временем польская армия вступила в Минск, что придало еще большую остроту «белорусскому вопросу». Теперь главной политической задачей белорусов становится созыв Рады БНР. Это означало бы фактическое признание Польшей государственных устремлений своего восточного соседа. «Реанимация» Рады, однако, была возможна только при согласии самого Начальника Польского государства, а как раз Ю. Пилсудский выступал категорически против подобного шага[9].

В самом начале сентября 1919 г. глава правительства БНР А. Луцкевич прибыл из Парижа в Варшаву с целью продолжить начатые во Франции переговоры. По всей видимости, однако, благоприятный момент был упущен, и политическая конъюнктура уже успела измениться. Нельзя исключить, что приезд А. Луцкевича с самого начала рассматривался польской стороной как акция по нейтрализации белорусского премьер-министра. Так или иначе, самого И. Падеревского А. Луцкевич в Варшаве не застал – тот за день до его приезда выехал обратно в Париж. Польский вице-министр от переговоров на тему федерации уклонился.

Возможно, причиной внезапного охлаждения польского руководства к главе белорусского правительства стал получивший известность факт отправки им приветственной телеграммы генералу А. Деникину в связи с его успехами на фронте. Согласно А. Смоличу, еще летом 1919 г. А. Луцкевич от имени правительства БНР выслал «сочувственные» телеграммы Колчаку и Деникину, а вскоре начались секретные переговоры с представителями России[10].

Организационным центром белорусского движения на занятой польскими войсками территории Минщины становится Временный белорусский национальный комитет, основу которого составили белорусские деятели, до этого при большевиках занимавшиеся культурной работой. Комитет создавался

9. AAN. Akta archiwum obcych, adiutantura Generalna Naczelnego Dowództwa. M-397. 1621/T2; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 429.

10. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 459, 460; Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. I. Ч. 2. С. 333; Gomółka K. Rozmowy polsko-białoruskie (marzec 1920 r.) // Dzieje Najnowsze. 1988. R. XX. S. 6.

в качестве посредника между белорусскими организациями и польской властью и ставил своей целью «объединение всех белорусских организаций Минщины для поднятия национального самосознания народа, его духовной и материальной культуры». Первоначально в Комитет вошли В. Игнатовский, Н. Козич, И. Лёсик, И. Луцевич (Янка Купала), С. Рак-Михайловский. Первым председателем комитета стал Александр Прушинский, но его частое отсутствие не шло на пользу деятельности организации. Поэтому на заседании президиума комитета 17 октября 1919 г. Всеволод Игнатовский предложил собравшимся назначить исполняющим обязанности председателя организации присутствовавшего на заседании Кузьму Терещенко, который недавно прибыл в Минск из-за границы. Большинство присутствующих одобрили это предложение. Позже А. Прушинский полностью сосредоточился на работе в Белорусской военной комиссии, а К. Терещенко был официально утвержден в новой должности[11].

К тому времени К. Терещенко успел стать достаточно влиятельной фигурой в правительстве БНР[12]. А. Смолич позднее вспоминал: «Оказавшись на родине, он целиком входит в национальное движение и забывает обо всем прочем вокруг себя. Был

11. НАРБ. Ф. 368. Воп. 1. Спр. 1а. Арк. 3–15, 23.
12. Кузьма Терещенко родился в октябре 1888 г. в Рославском уезде Смоленской губернии в семье зажиточного крестьянина. В годы первой русской революции, будучи членом партии эсеров, он поджег отцовское хозяйство, выступая против собственности на землю. Позже, получив образование, работал агрономом. С началом войны рядовым попал в армию. Там же происходит его белорусизация. Осенью 1917 г. Терещенко становится одним из активных участников белорусского военного движения на Северном фронте и как представитель от железнодорожников Пскова и военных-белорусов делегируется на съезд в Минск. Осенью 1918 г. кооптирован в состав Виленской Белорусской рады. В середине ноября того же года получает назначение литовского правительства на должность комиссара Гродненского повета, но уже через несколько дней приказом министра внутренних дел Литвы его направляют комиссаром в Волковыск. Именно К. Терещенко становится одним из главных оппонентов И. Воронко и проводимой им от имени Министерства белорусских дел политики: Ляхоўскі У., Чарнякевіч А. Кузьма Цярэшчанка... С. 31–33, 37, 40. Относительно разных точек зрения на фигуру К. Терещенко см.: Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 345; Ляхоўскі У., Чарнякевіч А. Кузьма Цярэшчанка... С. 24–27.

он от природы живой, экспансивный; охваченный какой-либо идеей, он служил ей до конца. Благодаря опыту общественной работы и на редкость доброму характеру он умел собирать вокруг себя людей и привлекать их к делу. Был хорошим организатором. А самое важное — был хорошим белорусом»[13].

Правда, в самом руководстве БНР о К. Терещенко так думали далеко не все. «Терещенко... — убеждал В. Захарко А. Луцкевича в одном из своих писем, — вносит раздор в среду белорусских деятелей, он постоянно дезорганизовывал и дезорганизует белорусскую работу на всех направлениях... Кроме интриг “подписанных и неподписанных”, вероятно, ни на что больше не способен»[14]. Позже на «экспансивность и несдержанность» К. Терещенко жаловался П. Кречевский. «Выпады с его стороны очень мешают нашему единству, — писал он, обращаясь к А. Луцкевичу. — Было бы хорошо, если бы вы немного сдерживали его в этом направлении». В таком же духе высказывался и Т. Гриб: «Мало того, что Терещенко сам не годится к делу, так он еще и тормозит работу других». Сам К. Терещенко в отношении других членов кабинета министров БНР высказывался более чем критически: «Я знал, что эта публика руководила белорусским делом в Минске; по правде говоря, я ожидал увидеть более важных персон. Первые трое (И. Воронко, В. Захарко, П. Кречевский. — *А. Ч.*) даже произвели на меня досадное впечатление, которое только еще более усилилось после близкого знакомства с ними»[15].

Уже в конце августа 1919 г. состоялась встреча представителей Временного Белорусского национального комитета и прибывшей в Минск делегации послов польского Сейма, на которой белорусы высказались за созыв Рады БНР[16]. В результате во время приезда Ю. Пилсудского в Минск 19 сентября 1919 г.

13. Там же. С. 38.
14. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 53. Арк. 44.
15. Архівы БНР. Т. 1. Кн. 1. С. 422; Ляхоўскі У., Чарнякевіч А. Кузьма Цярэшчанка... С. 38–39.
16. Тогда же прошла встреча делегации Временного белорусского национального комитета и комиссара Минского округа В. Рачкевича: Звон. 25.08.1919. № 1.

его от имени белорусского народа наряду с Национальным комитетом приветствовал и Сеньор-конвент Рады БНР[17].

Белорусы вновь воспользовались принципом «чтобы получить хотя бы что-то, следует требовать все». На встрече с главой Польского государства председатель Рады БНР И. Лёсик выступил с предложением возобновить на территории Беларуси, занятой польскими войсками, деятельность государственных органов БНР, обеспечить постепенную передачу гражданской власти белорусскому правительству и гарантировать «выдачу Польшей белорусскому правительству, пока не будут готовы собственные финансы Республики, денежного кредита». Ю. Пилсудский ответил, что согласен на созыв Рады, но дал понять, что, собственно, признавать ее польская сторона официально не собирается, и сослался при этом на позицию Антанты[18].

Вернувшись в Варшаву, польский лидер спустя месяц после приезда сюда главы БНР наконец встречается с А. Луцкевичем. Позиция Начальника государства, на самом деле, была совершенно ясной. Он ждал, чем закончится борьба между белой и красной Россией, и предпочитал до этого времени не брать на себя каких-либо обязательств. «Несговорчивость» же белорусской стороны он собирался компенсировать путем сотрудничества с «лояльными» белорусами: еще в сентябре П. Алексюк возглавил Белорусскую военную комиссию, которая должна была стать своего рода политической надстройкой для формирования белорусских частей, а 22 октября 1919 г. Ю. Пилсудский издает долгожданный указ о создании белорусской армии[19].

17. Минский визит Начальника Польского государства в литературе часто представляется едва ли не триумфом федералистской идеи. См.: Астрога В., Скалабан В. Пілсудскі ў Менску. Хроніка аднаго візіту // Спадчына. 1998. № 4. С. 32–53; Грыцкевіч А. Выбранае. С. 168–174.
18. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 433–435, 439.
19. Беларусь. 28.10.1919. № 7; Karpus Z. Białoruskie formacje wojskowe w Polsce... S. 225. Забегая вперед, нужно сказать, что с военной точки зрения этот проект совершенно себя не оправдал. По оценке польского Генерального штаба, большинство солдат и офицеров не имели высокого боевого значения, кроме того, были людьми «с низким уровнем на-

20 ноября, буквально через неделю после того, как Верховный Совет Антанты утвердил восточную границу Польши, состоялась очередная встреча А. Луцкевича с главой Польского государства. В этот раз Ю. Пилсудский предложил вместо передачи в руки белорусов местной администрации более активное их участие в органах временного польского управления. При этом он добавил, что считает большой ошибкой отказ белорусов назначать своих представителей на те посты, где польская администрация хочет их видеть и им помогать. Ю. Пилсудский заметил, что подобное поведение настраивает против белорусов даже тех чиновников, которые до этого были к ним благосклонны. Более того, он предложил идти на сотрудничество не только с польскими социалистами, но и с Обществом стражи кресовой и «краевцами», найдя приемлемое для крупных землевладельцев решение земельного вопроса. Вероятно, именно тогда с польской стороны прозвучала в первый раз идея создания «белорусского Пьемонта», которая буквально означала отказ от политически нереальных требований независимости БНР в обмен на культурную автономию белорусских земель в составе Польского государства[20].

Упрек польского лидера в том, что белорусы уклоняются от присутствия в местной администрации, был не случайным. В середине ноября 1919 г. с декларацией о неучастии в выборах в Минский городской совет выступили белорусские социал-демократы, а еще ранее о своем бойкоте объявили белорусские эсеры и социалисты-федералисты. Позицию самих белорусов также можно было понять: накануне на выборах в городской совет Вильно белорусский Виленский национальный комитет потерпел сокрушительное поражение, оказавшись не в состоянии провести ни одного из своих представителей[21]. По сути, речь шла об угрозе очередной дискредитации белорусского движе-

ционального самосознания». Единственным лояльным человеком в Военной комиссии сами поляки считали только… самого П. Алексюка.

20. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 507–509; Pacuk J. Polityka państwa polskiego wobec ludności białoruskiej w latach 1919–1926. Problemy podstawowe / Praca doktorska. Uniwersytet Warszawski, WNPiD 20, 1980. S. 648.
21. НАРБ. Ф. 879. Воп. 1. Спр. 5. Арк. 32.

ния перед лицом польской администрации в случае нового проигрыша. Едва ли не единственным органом самоуправления на территории под польским контролем, в котором присутствовали сразу два белорусских представителя, прошедшие туда по белорусским спискам, был Городской совет в Гродно (В. Боев и Л. Декуть-Малей). Однако он избирался еще в условиях, когда тут находились немецкие войска, а сам город был неофициальным центром белорусского национального движения.

Скорее всего, А. Луцкевич хорошо понимал, чего от белорусов ждут в Бельведере, и в свою очередь пытался это использовать. По крайней мере, к таким выводам можно прийти, анализируя изданную в начале 1920 г. брошюру на польском языке «Восточный вопрос и Беларусь», автором которой являлся председатель правительства БНР, выбравший для себя псевдоним Веслав Калиновский[22].

В этой публикации рассматривался всего один вопрос: «Какую позицию должна занять свободная Польша по отношению к стремлению белорусского народа построить собственное государство?» Как представляется, А. Луцкевич очень хорошо понял взгляды Ю. Пилсудского. Аргументированно, пункт за пунктом, он доказывал: «Польша, безусловно, заинтересована в создании белорусской государственности и отделении Беларуси от России. Никакой компромисс с Россией, купленный ценой Беларуси, не спасает от угрозы, вытекающей из раздела этого края».

«Главная проблема заключается в том, — рассуждал далее А. Луцкевич-“Калиновский”, — чтобы согласовать белорусское государственное строительство с подобным строительством литовским. С этой точки зрения белорусы очень ясно и неоднократно заявляли о своем желании сотрудничать с литовским народом в направлении возрождения Великого Княжества Литовского. Союз с Польшей при поддержке местных поляков и евреев в значительной мере ускорил бы решение проблемы “Великой Литвы”. А дальше через Беларусь Польша установи-

22. Сідарэвіч А. Прадказаньні Антона Луцкевіча // Arche. 2009. № 3. С. 439–442.

ла бы тесный союз с Латвией и Эстонией. Кроме того, под влиянием успешного решения белорусского вопроса ускорился бы поворот к Польше Украины... Известно, что Украина и Беларусь всегда были тесно взаимосвязаны и взаимно друг на друга влияли и влияют...»

Оставалось только выяснить, что на это скажет Москва. Здесь А. Луцкевич был категоричен: «Недовольство России?! Польское государство должно бояться России, воссозданной в границах 1914 года... Россия без Балтики, без Беларуси, без Украины не запугает никого — тем более если из этих обособленных земель возникнет сильный, связанный общими интересами союз государств». Вывод, к которому приходил автор, звучал как дипломатическое предложение: «Надо действенно поддержать белорусское государственное строительство и национально-культурную работу... так как Беларусь пойдет плечом к плечу с теми, кто в самый решающий момент предоставит ей помощь»[23].

Однако проблема была как раз в том, что далеко не все во внутренней политике Польши зависело от Ю. Пилсудского. Примечательно, что сразу после встречи с А. Луцкевичем польский лидер отправляет письмо Е. Осмоловскому, в котором выражает полную поддержку политики Генерального комиссара восточных земель по вытеснению белорусского национального движения с территории Виленщины и Гродненщины. «Не считаю ошибкой, — указывал Ю. Пилсудский, — вытеснение белорусской работы за пределы этих областей. Наоборот, я хотел бы как можно сильнее ослабить ее здесь и сконцентрировать на Минщине...»[24]

Вообще у поляков сложилось довольно критическое представление о белорусской стороне. «Считаю, что с белорусами будут проблемы... — писал представитель Стражи кресовой в Минске по поводу местной белорусской газеты "Звон". —

23. Там же. С. 448–450.
24. А еще через два дня, 22 ноября 1919 г., польский Сейм принимает решение о фактическом присоединении оккупированных территорий к Польше: Gomółka K. Rozmowy... S. 6.

Персонал редакции состоит из настолько шовинистически настроенных личностей, что, несмотря на свою антимосковскую ориентацию, газета пользы нам никакой не принесет, а скорее всего может только навредить. Сотрудники газеты являются полуинтеллигентами, а их приверженность идеям "независимой Белой Руси" настолько велика, что трезво и рассудительно ни на один вопрос они смотреть не в состоянии. Я до сих пор не смог узнать их политическую платформу... и, скорее всего, никогда мне это не удастся, так как при разговоре эти крикуны настолько возбуждаются, что у них начинают трястись руки — естественно, ни одного разумного слова они сказать не могут»[25].

Отъезд А. Луцкевича в Варшаву фактически привел к расколу в правительстве БНР. Правда, поначалу конфликт не выходил за пределы личной переписки. Но уже вскоре глава правительства высылает в Берлин распоряжение об отставке с должности заместителя премьер-министра В. Захарко за «предательство белорусской государственности». В ответ самого А. Луцкевича обвиняют в переходе на пропольскую позицию, и это происходит в тот момент, когда край фактически находится под оккупацией![26]

Вместо того чтобы отправиться в Минск на открытие первой сессии Рады, как этого требовал А. Луцкевич, часть его кабинета во главе с В. Захарко провела в Берлине в середине ноября 1919 г. совещание, которое назвали встречей «случайно съехавшихся представителей правительства и Рады БНР». Лейтмотивом всех выступлений было осуждение политики Польши по отношению к Беларуси[27]. Одновременно 9 ноября в Минске на открытии долгожданного заседания очередной сессии Рады П. Бодунова неожиданно озвучила декларацию фракции белорусских эсеров о «немедленном прекращении польского террора». В состав Рады были кооп-

25. Biblioteka Publiczna m. st. Warszawy. Dział Starych Druków i Rękopisów. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich. Akc. 1773/13/1. K. 5, 6.
26. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 53. Арк. 60 адв.
27. Дакументы дыпламатычнае чыннасьці БНР у Нямеччыне // Спадчына. 1998. № 1. С. 187–188.

тированы 20 членов партии белорусских эсеров, что давало численное преимущество противникам А. Луцкевича. И хотя в итоге Рада поручила правительству «безотлагательно вступить в официальные переговоры с Польским государством по поводу фактического и юридического признания независимости и целостности БНР», реакция местных польских властей последовала незамедлительно и дальнейшая работа Рады была приостановлена[28].

Только в конце ноября 1919 г. В. Захарко, П. Кречевский и Е. Белевич наконец выезжают из Берлина на запланированное очередное заседание сессии Рады БНР. Перед этим, однако, опасаясь быть арестованными в Польше, они «на всякий случай» оставляют в одном из пражских банков 200 тыс. марок из кассы правительства. В Варшаве к ним присоединяется А. Луцкевич, и уже вместе они добираются до Минска. Сам В. Захарко писал позже, что приезд берлинской группы «...перевернул мозги у большинства членов Рады и, честно говоря, спас положение. Без них... белорусская государственность на многие годы погибла бы и поляки бы сидели в Беларуси по праву и с согласия якобы белорусского народа и Рады БНР»[29].

Уже перед самым заседанием на квартире П. Бодуновой прошло совещание с участием берлинской группы, эсеров, В. Ластовского и В. Игнатовского. В. Ластовский позже вспоминал: «Игнатовский зашел на квартиру к Бодуновой, где и я был в то время, и заявил, что он в эсеровский индивидуализм не верит и что его путь идет в русле коллективного понимания

28. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 7; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 488–489; Gierowska-Kałłaur J. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego 1919 — 9 września 1920). Warszawa, 2003. S. 307–308; Sylwester Wojewódski przed Sądem Marszałkowskim. Warszawa, 1997. S. 101.

29. Вполне возможно, что белорусский премьер имел предварительную договоренность с польской стороной о добровольном роспуске Рады или, по крайней мере, план по нейтрализации своих противников. Но, уже прибыв на место и столкнувшись с организованной оппозицией, он был вынужден отказаться от своих планов: AAN. Akta L. Wasiliewskiego. T. 40. S. 3–5, 19, 22, 23; CAW, II odział NDWP, sygn. I.301.8.317; Archiwum Polskiej Akademii Nauk. M. S. Kossakowskiego Diariusz. Sygn. IV. T. 5. 1920 r. S. 41; Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 206.

социального строительства, поэтому он решил отстать от эсеров, сохраняя доброжелательные отношения, давая этим понять, что в БНР-овские дела вмешиваться не намерен»[30].

Возникла совершенно новая политическая комбинация внутри Рады. Позже А. Луцкевич, правда, объяснял случившееся в первую очередь изменениями в ситуации на фронте. «С разгромом Деникина освободилось много большевистских сил, — писал он. — Эти силы, ни для кого не секрет, начали концентрироваться на польском фронте, и в Минске повеяло знакомой атмосферой, которая была перед уходом немцев. В связи с этим среди наших эсеров возникла “левая” группа, весьма близкая по настроениям к большевикам. В нее вошли Бодунова, Мамонько, Шило... полковник Шелковый и несколько душ молодежи, а возглавил их... член Тарибы, организатор консервативно-клерикальной партии в Вильно... пан Вацлав Ластовский»[31].

В назначенное время, в шесть часов вечера 13 декабря 1919 г., А. Луцкевич и часть членов президиума Рады, всего двадцать три человека во главе с И. Лёсиком и А. Смоличем, на открытие сессии не явились. Вместе с еще четырнадцатью делегатами, которых накануне не зарегистрировала мандатная комиссия, они собрались на квартире у А. Власова. Противоположная сторона насчитывала одиннадцать делегатов и еще тридцать «кандидатов». Вместе они провозгласили себя «Народной радой»[32].

«После моего приезда в Минск... — описывал дальнейшие события А. Луцкевич, — было назначено народное собрание Рады. По той причине, что мы опасались фактического разгона, что угрожало уничтожить главный источник легитимности нашего правительства и аннулировать всю заграничную работу, было решено, что заседание будет закрытым. Хоры были закрыты. Однако группа заговорщиков с помощью заранее

30. Справа Вацлава Ластоўскага // Маладосць. 1993. № 9. С. 222.
31. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 11.
32. AAN. Akta L. Wasiliewskiego. T. 40. S. 19; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 530–531, 623.

подобранного ключа [открыла] двери и запустила туда банду каких-то подозрительных фигур... Они должны были организовать поддержку, если бы заговор не удалось провести... Заметив подобные приготовления, президиум Рады, посоветовавшись с представителями фракций, потребовал вывести из зала всех не членов Рады. Заговорщики отказались. Тогда все депутаты, за исключением вышеназванной группы... перешли в другое помещение и там провели заседание Рады... Была избрана Наивысшая Рада из пяти человек: Середа (председатель), Рак-Михайловский, Лёсик, Власов, Терещенко... Рада не приняла отставку кабинета министров и поручила ему продолжить работу.

Тем временем оставшиеся в Юбилейном доме... “революционным порядком” открыли свое “собрание Рады”. Бодунова прочитала декларацию о том, что “Рада” разрывает связь с буржуазией и скидывает буржуазное правительство, а вместо него выбирает новое “революционное” и переходит в подполье. По заранее подготовленным спискам в “новое правительство” были избраны председателем В. Ластовский, министрами Гриб, Ладнов, Заяц, Шило, Цвикевич, Душевский...»[33]

«Оперирование мотивом о моем “полонофильстве” является лишь пуффом...» — отстаивал позже А. Луцкевич свою правоту в полемике. Главным же организатором «минского переворота» белорусский премьер склонен был видеть своего давнего оппонента: «Согласно показаниям людей, которым Ластовский лично признался, он приехал... со специальной миссией литовского правительства сообщать обо всем, что происходит в Беларуси... Этот враг социализма вступил в состав партии эсеров и вскоре стал одним из ее лидеров, вос-

33. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 598–599. Позже ключевым вопросом стало выяснение, на чьей же стороне было легитимное большинство членов Рады. В. Ластовский писал, что на третье заседание зарегистрировался 71 делегат, из которых мандаты 16 были признаны недействительными. Это давало кворум в 28 (27) человек. В Юбилейном доме, где заседала сессия, находилось 32 члена Рады и еще 9 кандидатов, которые и были позже кооптированы в состав Рады. На стороне А. Луцкевича, таким образом, выступило меньшинство — 23 делегата: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 7; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 622–623.

пользовавшись тем, что ее руководитель Гриб был арестован поляками...»[34] В своем письме к оставшимся в Берлине Л. Зайцу и Л. Баркову А. Луцкевич был еще более категоричен: «Относительно минской авантюры сообщаю вам, что авантюра эта имела двойную подкладку. С одной стороны, шел давно уже подготовленный “переворот”, который управлялся, по-видимому, из Ковно лидерами фракции социал-федералистов. С другой — Кречевский, на руки которому были выданы деньги для Рады. Деньги эти он, по-видимому, потратил на свои собственные нужды и, прибыв в Минск, отказался выдать оставшуюся сумму и отчет президиуму Рады. Одновременно началось беспробудное спаивание Кречевского группой разных левых эсеров, длившееся почти неделю. В результате... и был составлен заговор с целью свергнуть уже существующие правительство и Раду»[35].

Василь Захарко, напротив, старался позже представить все произошедшее как демарш со стороны пропольски настроенных членов Рады: «Здание Рады было переполнено народом, с нетерпением ожидавшим как начала сессии, так и постановлений Рады республики. Полонофильствующая группа во главе с председателем Рады Лёсиком, видя себя в меньшинстве... и опасаясь неудовольствия со стороны народа, на заседание не явилась... Не помогли даже личные приглашения.

Когда саботаж со стороны полонофилов окончательно проявился, большинство депутатов под председательством П. Кречевского... открыли сессию под громкие аплодисменты собравшихся... В результате было принято решение о передаче всей суверенной полноты власти в Беларуси новому президиуму Рады вместе с правительством Белорусской Народной Республики. Кроме того, были вынесены протесты против польской оккупации Беларуси, незаконного объявления плебисцита и насилия оккупантов над белорусским народом...»[36]

34. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 84. L. 25.
35. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 84. L. 19.
36. Захарка В. Галоўныя моманты беларускага руху // Запісы БІНіМ. 1999. Т. 24. С. 50–51.

Еще более решительно высказался В. Ластовский: «С нашей Директорией решено бороться как с проявлением национального и государственного предательства, которое ведет не к независимости, а к национально-культурной автономии в Польше. В крае все живое за нас, за нами и народ... Они же опираются только на польские штыки и самих себя»[37].

Не смог остаться в стороне от полемики и А. Цвикевич, посол БНР в Украине, на момент раскола находившийся далеко от Минска: «К концу года соглашение с Польшей вылилось в форму создания “Наивысшей Рады”, которую Варшава “должна была” рассматривать в качестве неофициального белорусского правительства. Вместо этого единый национальный фронт раскололся: большая часть членов Рады решила сохранить свои мандаты как представители независимого государства и, выдвинув лозунг борьбы с Польшей, создала новое правительство...»[38]

Но наиболее точно суть произошедшего описал К. Терещенко: «Раскол этот был вызван не столько политическими расхождениями, сколько разницей во взглядах на национальный вопрос. Группа Наивысшей Рады главным образом состояла из деятелей на ниве культуры, которые считали, что до того времени, пока не произошло накопление национальных сил, не созрело национальное сознание масс и эти массы не организованы, до тех пор политическое возрождение невозможно. Социалисты-революционеры, или, точнее, другая половина Рады, придерживались точки зрения о необходимости исполнения, по возможности, принятых ранее Радой грамот. Первые стояли на позиции мирного использования поляков, тогда как вторые выступали за открытую борьбу во имя тех же целей...»[39]

Дальше события развивались по принципу снежной лавины, поглощая все и всех на своем пути. Уже через день после раскола премьер БНР и его заместитель встретились вновь.

37. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 622–623.
38. Зубко В. Знешнепалітычная чыннасць Беларускай Народнай Рэспублікі ў 1919–1920 гг. ва ўкраінскай інтэрпрэтацыі // Гістарычны альманах. 2003. Т. 8. С. 107–117.
39. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 456. Арк. 30–35 адв., 41 адв., 45 адв., 49.

Но, как оказалось, только лишь для того, чтобы в очередной раз высказать взаимные обвинения. В. Захарко заявил, что отныне «считает правительство А. Луцкевича нелегитимным и отказывается ему подчиняться».Он отказался выдать имеющуюся на руках часть государственной казны и финансовой отчетности, вместо этого потребовав, чтобы ему самому передали оставшиеся у бывшего главы БНР средства. В ответ В. Захарко услышал, что «законное и правомочное собрание Рады республики... никакого нового правительства не выбирало, а передало полномочия... Наивысшей Раде»[40].

При этом сама Рада нового правительства так и не успела сформировать, в том числе и по той причине, что не совсем ориентировалась, на кого из белорусских деятелей она теперь могла рассчитывать[41].

А. Луцкевич начинает рассылать телеграммы отсутствующим на сессии членам Рады с предупреждением «о берлинской интриге». Одновременно, хитростью обойдя военную цензуру, телеграму отправляет и В. Ластовский. В ответ по приказу начальника Минского округа В. Рачкевича были арестованы наиболее активные организаторы раскола: И. Мамонько, П. Бодунова, Н. Козич и сам В. Ластовский[42].

Таким образом, даже если прежде А. Луцкевич и собирался реализовать план по созданию «белорусской директории», очень скоро ему пришлось от него отказаться. «Вообще, — писал глава правительства БНР, — я так измучен всем, что думаю об отставке. Столько вокруг подлости и грязи, что этого ничьи нервы не выдержат»[43]. В результате Наивысшая Рада так и не создала новый кабинет министров, хотя и оставляла формально за собой такое право, а только призвала А. Луцкевича продолжать и дальше исполнять обязанности главы правительства[44]. Более того, не имея гарантий с польской стороны, они воздержались от каких бы то ни было деклараций в пользу союза с Варшавой.

40. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 540, 541.
41. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 88. L. 2–2 ap.
42. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 537–538.
43. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 84. L. 19.
44. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 535.

На втором заседании Наивысшей Рады, через день после раскола, рассматривались всего два вопроса: где взять деньги на дальнейшую работу и заявление А. Луцкевича об отставке. Отставку премьера отклонили, взамен добавив ему две новые функции — министра иностранных дел и министра финансов. А вот вопрос, где взять средства, судя по всему, так и остался нерешенным[45].

Фактически же первым официальным документом Наивысшей Рады стало обращение к... украинскому народу, отчасти продиктованное необходимостью в получении нового кредита. (На тот момент Рада располагала суммой в 160 тыс. керенок, 7 тыс. немецких марок и 2 тыс. думских рублей, из которых часть пошла на аванс членам самой Рады[46].) Как и год назад, белорусы обратились за поддержкой к украинской Директории, только теперь речь шла о 20 млн крон сроком на пять лет. Одновременно сам А. Луцкевич пытается получить оставшуюся часть средств из сумм, замороженных на немецких счетах, с тем чтобы вернуться во Францию. «Я собираюсь в Париж, как только получу украинский кредит», — писал он. «Дело с “переворотом”, — добавлял А. Луцкевич в другом письме, — почти что ликвидировано. Только с деньгами плохо до получения нового кредита...»[47]

3 января 1920 г. А. Луцкевич вновь встречается с главой Польского государства. Он напрямую задает вопрос Ю. Пилсудскому: что будет, если Наивысшая Рада «пойдет на конкретные политические шаги и вышлет к нему делегацию»? Но и на этот раз тот дал понять, что следует дождаться окончательного разгрома большевиками войск Деникина, а пока главным направлением белорусской деятельности должна стать культурная работа. Причем Ю. Пилсудский особенно подчеркнул, что в этой сфере польская администрация готова оказать самую широкую поддержку, тогда как «политическое решение» с признанием Беларуси следует отложить еще как минимум на год[48].

45. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 4. L. 1; Там же. Ap. 2. B. 88. L. 3.
46. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 88. L. 4–4 ap.
47. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 84. L. 19, 20 ap.; Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. I. Ч. 2. С. 40.
48. Там же. С. 332.

Подобный ответ А. Луцкевича вряд ли мог удовлетворить. Тем более что у Варшавы вскоре появилась альтернативная фигура для ведения дальнейших переговоров. Буквально на следующий день после аудиенции в Бельведере главы БНР в Минск возвращается из заложников Вацлав Ивановский, который наряду с А. Луцкевичем и В. Ластовским считался одним из патриархов белорусского национального движения, но при этом имел тесные связи среди высшего руководства Польши. Это сильно меняло ситуацию: появился человек, обладавший не только доверием польской стороны, но и авторитетом среди значительной части самих белорусов. В. Ивановский фактически сразу же встал во главе Наивысшей Рады и всего «полонофильского» крыла[49].

С этого момента А. Луцкевич как фигура слишком самостоятельная Варшаву уже не интересовал. 12 января 1920 г. он еще раз обратился к МИД Польши с нотой, в которой сообщал о новом составе Рады и правительства БНР, однако через несколько дней она была возвращена без ответа[50]. Более того, не имея на руках разрешения польских властей, А. Луцкевич не мог выехать из Польши[51]. В своем письме из Пари-

49. Уже в начале февраля он встречается с Ю. Пилсудским в Вильно, где среди прочего обсуждает дальнейшую судьбу белорусских военных частей в составе польской армии: Kryniса. 08.02.1920. № 4. S. 4.
50. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 596, 652, 653.
51. Глава белорусской делегации в Париже Е. Ладнов сообщал ему по этому поводу: «Я подал официальное заявление в Министерство иностранных дел [Франции. – *А. Ч.*], и мне ответили, что распоряжение в посольство в Варшаву о выдачи Вам визы послано. Будьте любезны справиться, если нет извещения, телеграфируйте срочно, я немедленно представлю Вашу телеграмму во Франции министру иностранных дел. Происходит что-то загадочное! Письма и телеграммы либо задерживаются, либо вовсе не доставляются. Вам необходимо быть здесь, и чем скорее, тем лучше! Если не получите визы в Париж, просите в Прагу, а оттуда телеграфируйте мне, и Вам виза будет дана. Я предусматриваю в данном случае крайний выход, крайнюю меру. Вас надули, вызвав в Варшаву, удалив таким путем из Парижа. <...> Здесь враги Ваши старались убедить русские круги, что Вы способствуете полякам аннексировать и разделить Беларусь. Все возможное, чтобы рассеять такие подозрения, я сделал, но прошу и Вас принять необходимые меры. Ваше отсутствие здесь почти гибельно для дела. Париж, а не Варшава решает судьбы народов!.. Вашими сообщениями о расколе и “авантюрах” я подавлен. Случилось то, что я предвидел,

жа Е. Ладнов формулирует свое видение происходящего: «Вас умышленно задерживают, в это самое время разгоняют Раду, формируют польское войско под белорусским флагом, арестовывают белорусских общественных деятелей, закрывают белорусские газеты и журналы, ну, словом, чинят насилия, хуже германцев. А "плебисцит", подготавливаемый ими в Беларуси? Все эти факты известны русским. Они спрашивают: "Что же делает Л[уцкевич], почему он сидит в Варшаве в то время, когда над народом чинят неисчисляемые насилия?" Я объясняю Ваше присутствие в Варшаве как вынужденное, невольное...»[52] Вскоре через газеты и дипломатические каналы начинает распространяться информация о том, что А. Луцкевич оказался интернированным польским правительством и не получил разрешения на выезд в Париж[53].

14 января, впервые после раскола Наивысшая Рада собралась вновь (правда, снова без И. Лёсика). Вернувшиеся из Варшавы И. Середа и К. Терещенко рассказали о своей встрече с С. Петлюрой. Кроме того, Рада потребовала от правительства БНР отчет о финансовой деятельности, а также поручила подготовить два доклада: по поводу отношения польского Сейма к Беларуси и по вопросу эксплуатации Генеральным комиссариатом лесных запасов края. После чего, приняв решение потратить очередные две тысячи немецких марок на выплату зарплат, члены Рады разошлись[54].

В середине февраля Е. Ладнов пишет А. Луцкевичу очередное письмо, в котором обещает поддержку со стороны российских эмигрантских кругов и советует «ни в коем случае не создавать

предчувствовал, принимал все меры, чтобы предупредить, сознавал всю гибельность партийных и личных счетов в столь ответственный момент... Нужно протестовать против действий поляков, но до Вашего приезда откладываю со дня на день...»: LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 4. L. 8–8 ap.

52. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 4. L. 9–9 ap.
53. Следует добавить, что премьер БНР был «интернирован» в отеле «Saski» в самом центре Варшавы, а сама переписка с парижской миссией велась при помощи чешских дипломатов: LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 4. L. 31, 41.
54. Уже на следующий день они собрались снова, чтобы от имени Наивысшей Рады выдать А. Луцкевичу полномочия на заключение торговых соглашений и получение займов: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 88. L. 6–6 ap., 7, 15 ap.

нового кабинета и не передавать полномочия Ивановскому»: «...Ведите дело до конца... Спокойствие и молчание. Сила всегда спокойна...»[55] При случае Е. Ладнов не упускает возможности раскритиковать своих непосредственных подчиненных. «Наша делегация — живой труп, — сообщал он из Парижа. — Ни строки в печать. Ни слова в обществе, никаких абсолютно связей ни с кем... Делегация должна быть реорганизована. Во главе ее председатель и его заместитель. Остальные — служащие. За 2500–3000 франков в месяц будут служить первоклассные работники, из числа французских юристов, литераторов, журналистов и пр. А у нас паразиты, и паразиты для паразитизма!»[56]

В конце февраля А. Луцкевич в очередной раз заявляет о своем уходе с поста главы белорусского правительства. Он даже выслал официальное заявление на имя А. Смолича, в котором слагал свои полномочия. При этом функции министра финансов временно переходили к Л. Дубейковскому, а министром иностранных дел назначался Е. Ладнов[57]. В марте А. Луцкевич вновь повторяет свою просьбу об отставке, но уже обращаясь с письмом к И. Середе[58].

Было очевидно, что Наивысшая Рада зашла в тупик. 6 марта ее члены собрались только для того, чтобы получить очередной

55. Е. Ладнов писал: «Сегодня в телефоне князь Львов сообщил Кондратовичу, что русская делегация приняла постановление заявить мирной конференции, что она предпочитает Независимость Беларуси разделу ее между Польшей и Советской Россией... Как видите, обстоятельства складываются для нас чрезвычайно благоприятно, и, если бы не этот злополучный раскол-провокация, мы стали бы в положение наиболее выгодное из всех прочих государств новообразованных. Можно было бы сказать: мы были скромны, много терпели, и Бог нас наградил... Хорошо бы было, если бы Директория непосредственно от своего имени из Варшавы... уведомила мирную конференцию о ее избрании и о передаче ею исполнительной власти Кабинету Луцкевича с перечислением фамилий всех министров...» «Нам нужно продержаться два месяца, и наше дело будет на твердом фундаменте», — добавлял он в другом послании, после чего просил постараться получить от С. Петлюры очередной кредит для правительства: «По истечении двух-трех месяцев мы сумеем возвратить ему все с благодарностью...» : LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 4. L. 28–29 ap., 32 ap.
56. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 4. L. 30 ap.
57. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 4. L. 15, 44.
58. Ibidem.

аванс в размере 3 тыс. польских марок (еще 6 тыс. было выдано для работы А. Смоличу как представителю правительства БНР)[59]. В этой связи активизируются различные политические группы, готовые взять на себя роль белорусских представителей. Не случайно весной в Праге появляется А. Бахановичч — несостоявшийся глава белорусской Директории, который поспешил объявить в местной прессе о готовящемся вскоре съезде «белорусских общественных деятелей»[60].

Как ни удивительно, такая ситуация меньше всего устраивала Польшу. Поэтому польская правительственная делегация во главе с Леоном Василевским должна была отправиться в Минск и убедить местных белорусов поддержать польские требования на переговорах с Советской Россией[61].

Но прежде, однако, в Варшаву на «предварительные переговоры» в качестве «доверенного лица белорусских политических кругов» был приглашен В. Ивановский. 16 марта он представил мемориал с требованиями белорусской стороны. «Сразу после вступления в Беларусь польской армии, — говорилось в нем, — не было среди сознательных белорусов различий в политических симпатиях. Все считали польскую армию освободителями, каждая политическая мысль устремлялась на Запад к Польше. Однако ряд ошибок и просчетов, сделанных как определенной политической группой, так и в значительной степени самой польской администрацией, отвернули и дальше продолжают разочаровывать в стремлении к Польше все новые массы людей. Общим и самым большим злом является то, что вся администрация находится в руках местных поляков — лю-

59. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 88. L. 8.
60. Чарнякевіч А. Аляксандр Бахановіч... С. 201–202.
61. Кроме него в состав польской делегации вошли руководитель минского округа В. Рачкевич, политический референт II отдела командования Литовско-Белорусского фронта поручик С. Воевудский и руководитель II отдела ротмистр Стамировский. Белорусское представительство было почти в два раза больше. В его состав вошли В. Ивановский, И. Лёсик, А. Смолич, А. Власов, С. Рак-Михайловский, И. Середа, К. Терещенко и о. Абрантович: Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Ч. 2. С. 323; Archiwum PAN. Diariusz M. S. Kossakowskiego. Sygn. IV. T. 5. 1920. S. 135; Gomółka K. Rozmowy polsko-białoruskie... S. 8–9.

дей с кастовыми, вчерашними убеждениями, для которых форма управления российских времен *mutatis mutandis* является сама по себе делом естественным...» Постулаты включали сохранение неделимости Беларуси, отказ от попытки инкорпорации части белорусских территорий в состав Польши, создание литовско-белорусского правительства. Кроме того, В. Ивановский имел на руках обращение Центральной белорусской рады Виленщины и Гродненщины с требованием провозглашения независимого белорусского государства[62].

Начавшись 20 марта в Минске, переговоры продолжались четыре дня. Польские представители категорически отвергли все политические требования, а из тридцати миллионов марок, которые просили белорусы, им была обещана сумма в три раза меньшая[63]. Но и сама Польша взамен получила весьма странный документ, который носил название «Предложения общей конференции представителей Беларуси и представителей польского правительства»: «Представители Беларуси, стоя на позиции неделимости и независимости своей страны, связывают будущее своей Родины с поддержкой ее Польшей, гарантирующей белорусскому народу полное развитие. Представители Беларуси, согласно воле своего народа, высказанной в акте 25 марта 1918 г., поддерживают Польшу в ее требованиях к России не вмешиваться в дела земель, находящихся к западу от границ 1772 г.». Под документом с белорусской стороны подписались только два человека — В. Ивановский и А. Смолич[64].

Через день после возвращения из Минска Л. Василевский, который как раз собирался на переговоры с делегацией Советской России в Борисов, лично представил Ю. Пилсудскому отчет о минских переговорах. Настроение главы Польского государства было более чем оптимистичным. Выслушав замечание

62. Biblioteka Publiczna m. st. Warszawy. Dział Starych Druków i Rękopisów. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich. Akc. 1553/2. K. 27.
63. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. II (ноябрь 1918 — апрель 1920 г.). М., 1964. С. 610–612; Gomółka K. Rozmowy polsko-białoruskie... S. 8–9; Гамулка К. Паміж Польшчай і Расіяй... С. 100–106.
64. Документы и материалы... Т. II. С. 611.

Л. Василевского о том «безусловном доверии», которое питают к нему белорусы, Пилсудский пошутил: «Видишь, здесь меня могли бы избрать даже королем». Главный же вывод заключался в том, что с этого момента большевиков не должно было волновать, каким образом польская сторона планирует «решить белорусский вопрос»[65].

1 апреля состоялось очередное, девятое по счету, заседание Рады, на котором в качестве представителя белорусского правительства присутствует В. Ивановский. Среди прочего рассматривались два принципиальных вопроса: переговоры между Польшей и «Российским государством» (так в тексте протокола. — *А. Ч.*) и доклад президиума Белорусской военной комиссии. Доклад был «принят к сведению», а относительно переговоров Рада решила: «Добиваться от обеих сторон признания независимости и неделимости Белорусской Народной Республики в этнографических границах»[66].

Тем временем местные польские власти разошлись в своем отношении к радикальным белорусским деятелям. Пока руководство Минского округа их арестовывало, офицер II отдела польской дефензивы в Минске Сильвестр Воевудский отправлял их в качестве инструкторов Временного белорусского национального комитета для работы в провинции. Фигура последнего в чем-то схожа с ролью Эдварда Зуземиля периода немецкой оккупации. Ротмистр К. Стамировский позже так характеризовал своего подчиненного: «Воевудский был заядлым белорусом, принимал всю их концепцию серьезно на все сто процентов, неслыханно широко, и в итоге я с него имел выгоду, и они [белорусы] относились к нему как к человеку, преданному им на сто процентов...»[67]

65. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 4. Ч. II. С. 32.
66. LCVA F. 582. Ap. 2. B. 88. L. 9.
67. Впервые с белорусским движением С. Воевудский столкнулся еще в годы учебы в гродненской гимназии. Примерно с осени 1919 г. как представитель II отдела польского Генштаба в Вильно он начинает заниматься белорусскими делами. В своем письме к А. Луцкевичу в середине декабря 1919 г. Б. Тарашкевич представлял С. Воевудского как своего «старого приятеля... политического референта по белорусским делам»: Archiwum PAN. Diariusz M. S. Kossakowskiego. Sygn. IV. T. 5. 1920 r. S. 135; Sylwest-

«В связи с частичной реализацией белорусских соглашений... — говорилось в политическом рапорте II отдела, — намечается рост влияния Наивысшей Рады, которая в глазах белорусского общества добилась от Польши уступок и денег. Серьезно усилилась работа кооперативов, а также культурно-просветительская и хозяйственная деятельность; рассеянные до сих пор в поиске куска хлеба белорусские работники-интеллигенты теперь приезжают в Минск уже не ради политических совещаний, а ради реальной работы с обеспеченным бытом. Уменьшилось количество безработных и голодных до сих пор инструкторов и деятелей на провинции. Опираясь на платный организационный аппарат, с каждым днем расширяются сферы интересов и деятельности.

Понятное дело, что эти влияния еще не достигают широких масс в форме, которая бы смягчала польско-белорусские отношения. Там и дальше углубляется антагонизм, продолжают расти революционные настроения и существует понятие: “поляк — это пан”. Однако... общая ситуация меняется в нашу пользу: сами собой устраняются “голодные и революционные” настроения, а финансовая зависимость — косвенно от Польши, а непосредственно от Наивысшей Рады — психологически создает “белорусский активизм”»[68].

2 мая 1920 г. на своем заседании Наивысшая Рада наконец рассмотрела заявление А. Луцкевича об отставке. Учитывая «образовавшуюся политическую ситуацию», было решено отставку не принимать, а вместо этого поручить И. Лёсику, С. Рак-Михайловскому и А. Смоличу лично переговорить с премьером[69]. В итоге месяц спустя, 1 июня, согласно решению

er Wojewódski przed Sądem Marszałkowskim, Warszawa, 1997. S. 5–7, 14; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 542; Станкевіч А. З Богам да Беларусі. Зб. тв. Вільня, 2008. С. 1002–1003; Мядзёлка П. Сцежкамі жыцця. Мінск, 1974. С. 176. О дальнейшей роли С. Воевудского в белорусском движении см.: Чарнякевіч А. Сільвестр Ваявудскі і беларускі нацыянальны рух 1919–1933 гг. // Stosunki polsko-białoruskie: historia i współczesność. Kraków, 2013. S. 167–190.

68. CAW. Oddział II Sztabu Generalnego, NDWP. Sygn. I.301.8.675. S. 433.
69. Вторым пунктом значилось поручить представителям правительства А. Смоличу и В. Ивановскому выразить протест против выступления

Наивысшей Рады А. Луцкевич возвращается к исполнению обязанностей главы правительства БНР[70]. Само это решение, впрочем, как и все, что с ним связано, так и остается загадкой. Наверняка можно утверждать одно: оно стало реакцией на очередную смену политической ситуации вокруг Беларуси[71].

Позицию Польши в «белорусском вопросе» ясно выразил Э. Войнилович, который на заседании Белорусско-польского общества в Варшаве в середине мая 1920 г. заявил, что «...так как Беларусь для возвращения своего суверенитета ни дала ни одного гроша, ни одного солдата, абсурдно ожидать, что это за нее сделает Польша... Поэтому следует сразу отказаться от независимого существования, стремиться к союзу с Польшей на основе широкой автономии, которую в зависимости от условий существования можно будет сужать или расширять в зависимости от обстоятельств. Отсюда следует передать полную компетенцию в решении судьбы Беларуси правительству Польши, чтобы тем самым избежать превращения в разменную монету на польско-российских переговорах»[72]. «По мере военных успехов, — вспоминал позже А. Смолич, — они [поляки] начали даже поговаривать о том, что и Минск — еще польский город, и что наиболее подходящим местом для столицы БНР был бы Могилев»[73].

Последний раз в полном составе Наивысшая Рада собралась 22 июня для того, чтобы распределить очередную сумму полученных от Польши субсидий[74]. Однако уже вскоре наступление Красной Армии полностью парализовало ее деятельность, и Рада вместе с Белоруской военной комиссией должна была эвакуироваться вглубь Польши[75]. Но вместо этого на советской

польского министра иностранных дел Скульского, который накануне заявил о том, что белорусы якобы согласились на культурно-национальную автономию и отказались от своей независимости: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 88. L. 11.

70. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 87. L. 16.
71. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 88. L. 16.
72. Woyniłłowicz E. Wspomnienia 1847–1928. S. 279.
73. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. I. Ч. 2. С. 323.
74. LCVA F. 582. Ap. 2. B. 88. L. 17–17 ap.
75. Латышонак А. Жаўнеры БНР... С. 125. Также на тему Белорусской воен-

стороне осталось сразу четыре из пяти ее членов! «Состоялось особое совещание, — вспоминал Б. Тарашкевич, — на котором было решено более выдающихся бэнээровских деятелей отправить за границу для представительства идей независимости и т. п. Относилось это к Ивановскому, Терещенко, Смоличу и, кажется, к Раку. Трое последних не хотели выезжать, в особенности Терещенко и Смолич. Рак, возможно, имел опасения по причине своего участия в Белорусской войсковой комиссии. Однако ни Рак, ни Смолич вышеуказанного решения не исполнили...»[76] В итоге только К. Терещенко и В. Ивановский, который официально в Раду не входил, добрались до Варшавы.

Сохранилось любопытное свидетельство А. Червякова по этому поводу: «Это было в 1920 году, через несколько дней после того, как мы захватили Минск. Не помню, каким путем мне передали, что Янка Купала болен и он хотел бы со мною свидеться... Вечером в назначенный день я пришел туда и застал Янку Купалу в халате, но он не лежал в постели. Был накрыт стол, и собралось довольно многолюдное общество, в том числе Лёсик, Власов (один из основателей Белорусской громады) и др. Я не рассчитывал увидеть это общество, тем не менее мы уселись за ужин. Они направляли все свои силы, чтобы влить в меня побольше напитков, но я человек непьющий, а они между собой чокались до тех пор, пока не пришли к заключению, что градус достаточный, и повели со мной совершенно открыто такой разговор: как же старшыня ревкома

ной комиссии см.: Гамулка К. Паміж Польшчай і Расіяй... С. 85–87, 129–132; Gierowska-Kałłaur J. W kwestii rzekomo spóźnionej decyzji Józefa Piłsudskiego o powołaniu Białoruskiej Komisji Wojskowej // Nowy Prometeusz. 2016. № 10. S. 97–112; Karpus Z. Białoruskie formacje wojskowe w Polsce... S. 223–231; Karpus Z. Formowanie oddziałów wojskowych przez Białoruską Komisję Wojskową w Polsce w latach 1919–1920 // Białoruś w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki. Toruń, 2007. S. 309–324.

76. Б. Тарашкевич вспоминал о том, как во время Варшавской битвы в августе 1920 г. В. Ивановский ощутил себя внезапно польским патриотом и собирался с оружием в руках защищать Родину, тогда как К. Терещенко «...весело насмехался, глядя на растянувшиеся по варшавским улицам беженские “кулацко-помещичьи” обозы, и с радостным волнением бродил варшавскими вечерами, слушая отзвуки близкой канонады». См.: Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча... С. 37.

отнесется к этим белорусам теперь, когда пришла советская власть. Я еще не был искушен в дипломатии и сказал ясно: если будете идти вместе с рабочим классом и крестьянством, будем “шанаваць” и привлекать к работе; если будете заниматься контрреволюцией — расстреляем. Уже через много лет мне передали, что этот разговор навел на некоторых из них такую панику, что они той же ночью удрали через границу в Польшу. Удрал Власов и другие...»[77]

Позднее А. Луцкевич так оценивал сложившуюся ситуацию: «Ивановский, взяв фактически бразды правления в... Раде в свои руки, всю свою энергию обратил именно на практические задачи дня...»[78] Даже П. Алексюк писал о том, что Наивысшая Рада «монополизировала всю работу по белорусско-польскому сближению и не дала никакой возможности умеренным силам проводить свою политику в направлении реального строительства Беларуси в союзе с Польшей»[79]. На самом деле во многом именно минские переговоры заставили Советскую Россию вновь вернуться к «белорусскому вопросу». Кроме того, они лишь усилили общие антипольские настроения среди местной национальной интеллигенции[80].

Возможно, А. Луцкевичу, В. Ивановскому и членам Наивысшей Рады так и не удалось создать свой «белорусский Пьемонт». Но их усилия не прошли даром. Как отмечал позже А. Смолич, «пришедшие во второй раз в Минск большевики нашли здесь уже такое национальное сознание, что были вынуждены считаться с белорусским движением и опеку над ним сделать своим боевым заданием...»[81]

77. Купала і Колас, вы нас гадавалі: дакументы і матэрыялы. У 2 кн. Кн. 1. 1909–1939. Мінск, 2010. С. 24.
78. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 243.
79. LCVA. F. 22. Ap. 1. B. 54. L. 28–29.
80. Купала Я. Поўны збор твораў. У 9 т. Т. 4: Вершы, пераклады 1915–1929. Мінск, 1997. С. 79–80.
81. Будзіловіч Л. [А. Смоліч] Памяці Кузьмы Тарэшчанкі // Беларускі звон. 03.05.1922. № 13. С. 2.

ГЛАВА 7

Исход: Народная рада

Петр Антонович Кречевский был одним из тех, кого внезапно захватила волна национального возрождения. Родился он 7 августа 1879 г. в семье сельского псаломщика Кобринского уезда Гродненской губернии. В возрасте двадцати трех лет закончил Виленскую духовную семинарию. Работал учителем, инспектором мелкого кредита в Виленском отделении государственного банка. В 1914 г. был мобилизован на фронт, где служил делопроизводителем одного из военно-ветеринарных лазаретов. Уже после Февральской революции был избран председателем Борисовского совета солдатских и рабочих депутатов. В декабре 1917 г. с мандатом от союза кооперативов он прибыл в Минск на Всебелорусский съезд[1].

Карьера П. Кречевского в белорусском движении была стремительной: будучи членом Рады съезда, спустя два месяца он занял пост государственного контролера в первом правительстве БНР, который в мае 1918 г. сменил на должность председателя торговой палаты, а уже в октябре стал секретарем Рады БНР. После короткого периода службы в Министерстве белорусских дел в Гродно П. Кречевский отправляется в Ковно, где получает назначение на роль официального представителя БНР в Литве[2].

Позже Макар Кравцов (М. Костевич) вспоминал: «В моей памяти встает образ Петра Кречевского как тихого, скромно-

1. Захарка В. П. А. Кречевский // Вестиик Социальной Лиги Нового Востока. Май 1928. № 1. С. 8–10.
2. Там же.

го человека с ворохом бумаг в руках: членскими мандатами на Первый Всебелорусский съезд в Минске... Позже, познакомившись ближе с ним лично, я услышал от него самого, что он — народник, был в российской партии социалистов-революционеров, до великой войны служил в банке, был старше меня всего на двенадцать лет. Однако его пышная, рыжеватая борода, чуть сутулая, чуть выше среднего фигура в старой шинели российского военного урядника, с зимней шапкой-папахой на голове, нехватка передних зубов во рту и по этой причине глухой теноровый тембр голоса при разговоре — все это делало его каким-то более старшим с виду. Во всей его тихой, скупой на слова личности таилась выразительная твердая воля идти до конца тернистым путем белорусского деятеля-мученика...»[3]

Избранному 13 декабря 1919 г. председателем Народной рады БНР П. Кречевскому удалось вместе со своим заместителем В. Захарко избежать ареста, и они целый месяц оставались на нелегальном положении. Сменив несколько конспиративных квартир, они скрывались в подполье почти до середины января 1920 г. Причиной задержки стала жена П. Кречевского, которая полгода просидела в тюрьме в Смоленске и теперь должна была прибыть в Минск вместе с другими освобожденными большевиками заложниками. Как только это произошло, местные железнодорожники помогли главе Рады БНР вместе со спутниками покинуть город в опломбированном грузовом вагоне, в котором до этого перевозили лошадей. Через Несвиж, Барановичи и Волковыск, где им пришлось провести ночь прямо на полу железнодорожной станции, 21 января они добрались до Белостока. Спустя еще пять дней, с поддельными документами, руководители Народной Рады выехали в сторону Граево, где их на границе уже ждали знакомые украинцы, которые и помогли попасть на немецкую сторону.

«Немцы, — вспоминал П. Кречевский, — встретили нас весьма благосклонно, отвели на станцию в Граево и переправили под небольшой охраной в Лык, откуда мы уже как свобод-

3. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мінска. Кн. 2. С. 510.

ные представители белорусского народа выехали в Кёнигсберг и Берлин...»[4]

Добравшись наконец 2 февраля до Берлина, они фактически берут на себя обязанности белорусского правительства[5]. А уже 16 февраля В. Захарко шлет А. Луцкевичу телеграмму, в котрой требует немедленно публично отказаться выступать от имени председателя Рады министров БНР. В противном случае он пригрозил приравнять его в прессе к Бахановичу[6].

Тюремное заключение самого В. Ластовского оказалось недолгим, и уже в конце января он вышел на свободу. Правда, ему пришлось прождать еще два месяца, прежде чем удалось выехать за пределы Беларуси. В апреле Ластовский на короткое время появился в Ковно, после чего выехал в Ригу, где, опираясь на поддержку эсеров в лице только что созданной Центральной заграничной рады партии, приступил к организации «революционного» правительства БНР[7].

Пятый по счету кабинет министров Белорусской Народной Республики изначально задумывался как коалиционное правительство. В его состав вошли: В. Ластовский — премьер, Е. Белевич — министр финансов, Т. Гриб — министр внутренних дел, К. Дуж-Душевский — госсекретарь, Е. Ладнов — министр иностранных дел, Л. Заяц — госконтролер и А. Цвикевич — министр юстиции. Причем некоторые из министров заняли свой пост заочно.

Проблема, однако, была в том, что радикальная перестройка Рады министров БНР грозила полностью парализовать ее деятельность. Кроме того, у партии эсеров просто не оказалось необходимых кандидатов на все посты. В связи с этим 25 апреля 1920 г. Центральная заграничная рада партии приняла резолю-

4. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 8. Л. 39–43.
5. О политической ситуации, сложившейся в Беларуси в начале 1920 г., см.: Грыцкевіч А. Выбранае. С. 188–221.
6. Любопытно, что телеграмма была отправлена не из Берлина, а из Праги: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 671.
7. Правда, еще в Минске перед отъездом у него случился острый конфликт с Т. Грибом, который обрушился с критикой на главу правительства БНР: Там же. Кн. 1. Т. 2. С. 1452. См. также: Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 146.

цию, в которой соглашалась продолжить свою работу в правительстве БНР, даже если там будут представители и других политических течений: «В случае необходимости в состав совета министров приглашаются отдельные лица по персональному принципу, что не влияет на установленную политическую платформу кабинета». При этом особенно подчеркивалось, что «...любая конструкция правительства за границей или под чьей-либо оккупацией, вместо уже существующей, будет считаться вредной и недопустимой для нормального хода борьбы за белорусскую государственность...»[8]

В результате пост военного министра получил К. Езовитов, однако последнее назначение было почти сразу отменено. Сам Езовитов все еще не оставлял попыток организовать национальную работу в Латвии. Правда, правительство этой страны, ссылаясь на военное положение, дважды отказало в просьбе открыть в Двинске отдел миссии БНР. Более того, посланные в Люцин для создания местных белорусских организаций сотрудники были арестованы и высланы. При этом один из членов миссии — Павчер, опасаясь возможных репрессий, даже сжег порученную ему белорусскую литературу, с трудом доставленную из Вильно[9]. К. Езовитов обратился с открытым письмом к Наивысшей Раде, в котором призвал последнюю отказаться от взаимных публичных обвинений и «обливания помоями», а борьбу между двумя правительствами клеймил как «предательство белорусского дела», причем с обеих сторон[10].

8. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 103–103a ap., 173, 264; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 868, 879, 895–896, 929.
9. Еще раньше специальной грамотой В. Ластовский признал... независимость Латвии (5 апреля) и Эстонии (7 апреля). Уже позже, летом, В. Ластовский поручил И. Черепуку вести переговоры с Эстонией по вопросу признания независимости БНР. В ответ министр иностранных дел Латвии прислал официальное письмо, в котором высказал удовлетворение тем фактом, что новое белорусское правительство сохраняет прежние дружеские отношения. Но уже осенью 1920 г. в связи с критическим финансовым положением возник вопрос о закрытии миссии: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 85, 118; Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 48.
10. LMAVB. F. 21. Vnt. 2077. L. 1.

Раскол Рады, с одной стороны, привел к дезориентации национального движения, а с другой, позволил белорусам вести игру сразу в нескольких направлениях. Пока Наивысшая Рада выстраивала политику лояльного сотрудничества с Польшей и добивалась максимальных уступок в культурной сфере, белорусские эсеры вступили в переговоры с большевиками (что не мешало членам партии принимать польские субсидии из рук Рады как представителям белорусских культурных организаций).

Как раз в это время на занятой польской армией территории Беларуси нарастает партизанское движение, причем эсеры подчеркивали, что именно созданный их партией «Союз белорусского рабочего крестьянства» является ядром партизанских формирований. Особенно активно боевые отряды действовали в Минском, Бобруйском, Игуменском, Слуцком, Пинском, Мозырском поветах[11]. Так, например, при ликвидации поляками подпольной организации в Слуцке арестованные изначально утверждали, что с большевиками вообще ничего общего не имеют и являются белорусскими эсерами. У польской дефензивы, правда, сложилась иная точка зрения. «Новым явлением в тактике большевиков, — сообщалось в политическом рапорте польского II отдела, — является то, что они... в случае раскрытия вооруженных выступлений при-

11. Массовый подъем партизанского движения, связанный в первую очередь с активизацией военных действий на польско-советском фронте, пришелся на весну-лето 1920 г. и носил целенаправленный характер, так как еще в январе 1920 г. ЦК КП(б)ЛиБ взял курс на подготовку всеобщего вооруженного восстания и создание вместе с белорусскими эсерами единого антипольского фронта. Значительную роль в организации повстанческих отрядов сыграла созданная в январе 1920 г. Белорусская коммунистическая организация. К декабрю 1919 г. в Беларуси действовало около 43 партизанских отрядов. Весной 1920 г., по неполным данным, в Минском повете было 11 партизанских отрядов, в Бобруйском — 28, в Мозырском — 12, в Игуменском — 10, в Пинском — 8, в Слуцком — 10, а всего в партизанском движении участвовало около 12—16 тыс. партизан. Количество в 20 тыс. партизан под руководством белорусских эсеров, которой оперируют некоторые исследователи, кажется завышенной: Ломако П. Из истории партизанской борьбы в Белоруссии против польских интервентов (январь — июль 1920 г.) // Вести АН БССР. Сер. общественных наук. 1977. № 2. С. 88, 91.

казывают теперь своим инструкторам работать не под большевистской "фирмой", а под белорусской (левых белорусских эсеров)»[12].

От имени Центрального Белорусского повстанческого комитета эсеры просят у берлинских белорусов 10 млн рублей, честно предупреждая, что «на то, чтобы поднять восстание, понадобится гораздо больше средств». В качестве представителя ЦК партии И. Мамонько обратился к министру финансов БНР В. Захарко с просьбой выплатить хотя бы часть средств, предусмотренных на деятельность эсеров, но получил отказ. «Как только состояние казны улучшится, на что правительство питает надежду, несмотря на неблагоприятную политическую ситуацию, — заверял В. Захарко, — обещанные средства будут выплачены». Одновременно с подобной просьбой эсеры обращаются к послу БНР в Украине А. Цвикевичу[13].

Сложно однозначно утверждать, существовали ли до этого какие-либо договоренности между белорусскими эсерами и большевиками[14]. Во всяком случае, еще в январе 1920 г. для налаживания контактов с советским правительством через украинских эсеров был делегирован А. Головинский, но его арестовали на румынской границе. Месяц спустя уже советский представитель в Латвии выдвинул следующие условия возможного союза: признание культурно-национальной автономии в обмен на декларацию поддержки советского строя. При этом решение аграрного вопроса и формирование советов отдавались бы в руки самих белорусов. Большевики якобы даже соглашались на формирование национальных частей, но — под своим командованием. Одним из условий советской стороны было, чтобы одновременно с ведением переговоров

12. CAW. II oddział NDWP. Sygn. I.301.8.675. S. 434–435.
13. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 61–62, 69.
14. Вслед за авторами «Краткого очерка белорусского движения», составленного в недрах дефензивы, о подписанном якобы еще в октябре 1919 г. в Смоленске соглашении упоминают большинство исследователей данной темы. Проблема, однако, в том, что кроме самой работы, других источников, указывающих на подобный договор, пока не выявлено: Кароткі нарыс беларускага пытаньня / Рэд. А. Вашкевіч, А. Пашкевіч, А. Чарнякевіч. Мінск, 2009. С. 86–90.

белорусское «революционное» правительство «организовало массы»[15].

6 марта 1920 г., почти одновременно с подготовкой соглашения Наивысшей Рады с поляками, на переговоры в Москву (по другим данным — в начале мая в Смоленск) выехала П. Бодунова, которая вручила советскому правительству мемориал о политической ситуации в Беларуси. Ей, по-видимому, удалось добиться лишь незначительной помощи на подпольную деятельность партии[16]. В это же время А. Цвикевич в Вене вел переговоры с представителями РСФСР Варшавским и Дятловым. Он вновь повторил предложение о том, что если Москва пойдет на признание независимости Белорусской Советской Республики на всей этнографической территории, то правительство БНР готово передать ей свои полномочия[17]. В середине апреля Президиум Рады БНР в лице П. Кречевского и И. Мамонько выдал делегации полномочия на переговоры с представителями РСФСР. Первоначально в ее состав вошли исключительно члены партии эсеров — сам И. Мамонько, глава белорусской военно-дипломатической миссии в Ревеле Н. Маркевич и член Рады А. Валькович. Позже полномочия на переговоры с советским представителем получил еще один эсер — И. Черепук[18]. В ответ при посредничестве советского торгового представителя в Эстонии Н. Маркевич получил телеграмму от Г. Чичерина с просьбой пояснить, от имени какого из правительств БНР он выступает[19].

15. Одновременно А. Валькович от имени БПСР связывается с украинскими эсерами с предложением о совместном выступлении: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1192; LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 5, 6.
16. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1192; Глушакова Н. Была такая партыя... С. 249.
17. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1192.
18. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 96.
19. «Так как в силу господствующих обстоятельств Советское Правительство недостаточно осведомлено о положении дел в Белоруссии и принимая во внимание, что Белорусское Правительство действует на территории, занятой вооруженными силами страны, находящейся в состоянии войны с Советской Россией, Советское Правительство ввиду дошедших до него сведений о перевороте, совершившемся внутри Белорусской Рады в декабре месяце прошлого года, а также сведений о репрессиях по отношению к Раде в целом и к отдельным белорусским государственным

В это же время начинаются советско-литовские переговоры, на которых, правда, присутствовал лишь вновь назначенный министр белорусских дел Литвы Д. Семашко, но зато было отказано в участии представителю БНР А. Вальковичу. А вскоре стало известно о готовности Москвы уступить Литве Гродненщину и Виленщину[20].

Было очевидно, что без координации своей позиции Народная рада, Рада министров и эсеры не в состоянии добиться ни признания со стороны большевиков, ни лидерства в национальном движении вообще. С этой целью было решено провести в ближайшее время «Великий белорусский конгресс» с участием представителей правительства В. Ластовского, президиума Рады, Сеньор-конвента, отдельных фракций Рады, партий, Рады Виленщины и Гродненщины, белорусской колонии в Латвии и делегатов от Союза кооперативов. В конце концов из-за политических и финансовых проблем от конгресса пришлось отказаться, а вместо него началась подготовка к Государственной конференции («Дзяржаўная канферэнцыя») в Риге, которую планировалось разбить на две части — партийную и правительственную[21].

На прошедшей в конце мае 1920 г. Конференции белорусских государственных и общественных организаций в Риге белорусские эсеры в очередной раз подтвердили свою поддержку новой Раде министров БНР: «Находя политику правительства Ластовского соответствующей целям и требованиям белорусского народа, с целью достижения независимости Беларуси

деятелям польскими оккупационными властями, получившими таким образом возможность влиять на состав и на направленность белорусских властей, Советское Правительство видит себя принужденным прежде всего запросить у Белорусской Военно-дипломатической миссии сведения о том, представителями какого именно Правительства они являются...»: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 100–100 ap.

20. О «белорусском вопросе» в контексте советско-литовских переговоров см.: Лазько Р. Беларуска-савецкія перагаворы 1920 г. // Białoruś w XX stuleciu: w kręgu kultury i polityki. Toruń, 2007. S. 325–337; Гімжаўскас Э. Беларускі фактар пры фармаванні Літоўскай дзяржавы... С. 113–144.

21. В инициативную группу по созыву конференции вошли В. Ластовский, К. Езовитов, И. Воронко, И. Черепук, А. Коробач, Ю. Гладкий и Г. Козячий: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 62, 113–113 ap., 115, 116.

и очищения ее территории от оккупантов партия выражает доверие политике правительства»[22]. Такое же постановление вынесла конференция социалистов-федералистов.

Принятая на конференции общая резолюция гласила: «В связи с тем, что без признания государственной независимости Беларуси мир на востоке Европы невозможен и что белорусский народ не согласится ни на какие аннексии и разделы своей земли, требовать от стран Антанты признания независимости Белорусской Народной Республики, как можно скорейшего освобождения Беларуси от оккупационных войск, признания Россией и Польшей независимости Беларуси и передачи всей власти законному и правомочному правительству Ластовского, избранному Радой Белорусской Республики 13 декабря 1919 г.»[23]

6 июня президиум Рады постановил передать В. Ластовскому чрезвычайные полномочия для реорганизации кабинета и включения в его состав новых членов[24]. Вскоре новый министр торговли и промышленности С. Житловский отправляется в Германию с поручением еще раз попытаться «разморозить» украинский кредит в «Berliner Reichs-Bank», а также организовать немецко-белорусский товарообмен[25]. Чуть поз-

22. Всего в конференции приняло участие десять человек: представители ЦК партии эсэров П. Бодунова и И. Мамонько, Центральной Заграничной рады — И. Черепук, Г. Козячий, Станевич, Н. Сорока, Мышко, представители Минщины А. Валькович и Касатая, Гродненщины — Г. Злоцкий: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 109.
23. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 257–257 ap.
24. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 8. Л. 83.
25. С. Житловский родился в Витебске в 1870 г. в семье влиятельного и состоятельного купца. После окончания Смоленского реального училища поступает в Московскую консерваторию и одновременно в качестве слушателя посещает юридический факультет. Преподавал музыку в витебских училищах: Герасимова И. Белорусская проблема и еврейство в деятельности Исаака Лурье — руководителя Белорусского пресс-бюро в правительстве БНР в 1920–22 гг. // Беларусь у XX ст. Вып. 1. Минск, 2002. С. 41–54; Герасимова И. Деятельность правительства Белорусской Народной Республики в отношении еврейских погромов в Белоруссии (1920–1921) // Евреи в меняющемся мире. Рига, 2000. С. 379–391; Герасимова И. Идея еврейской национальной автономии в правительстве БНР (1918–1921 гг.) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2003. № 19. S. 169–182.

же пост министра финансов вместо Е. Белевича, оставшегося в Минске, получает Александр Валькович[26].

Отдельной резолюцией на майской конференции руководство партии эсеров выразило доверие министру иностранных дел и главе белорусской делегации в Париже Е. Ладнову[27]. Дело в том, что, в отличие от остальных, он остался в стороне от раскола и сумел сохранить тесные отношения как с А. Луцкевичем, так и с его политическими противниками. Более того, прибыв из Парижа в Ригу, Е. Ладнов, ссылаясь на изменения в настроениях европейских держав, настоятельно советовал искать сближения с правящими кругами Франции, обещая скорые кредиты со стороны местных финансистов в счет будущих экономических договоров и концессий. Его доводы неожиданно оказались убедительными, и 30–31 мая 1920 г. на заседании президиума Народной рады и правительства В. Ластовского принимается решение поддержать план, предложенный министром иностранных дел. Спустя несколько месяцев В. Захарко писал, обращаясь к Е. Ладнову: «После майского Вашего доклада некоторые наши планы были изменены, а некоторые и вовсе отменены. Одобрив Ваши предположения, благородство заставляло нас идти по одному — условленному пути, ход которого, к сожалению, остается закрытым до сих пор»[28].

Такой неожиданный поворот внешнеполитического курса нового правительства прошел, на первый взгляд, безболезненно. Параллельно возникают и другие «заманчивые» предложения — как, например, поставка запасов льна во Францию или создание белорусской торговой палаты в Копенгагене[29]. Одно-

26. А. Валькович был консулом и особым уполномоченным БНР по беженским делам на Кавказе, руководителем канцелярии Рады министров и исполняющим обязанности министра финансов: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1087.
27. В заседании участвовали П. Кречевский, П. Бодунова, В. Захарко, В. Ластовский, Е. Ладнов, А. Валькович, И. Мамонько: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 110–114, 222.
28. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 914–915.
29. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 224; Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржа. Т. 2. С. 224; Герасимова И. «Белорусская проблема и еврейство» в деятельности Исаака Лурье... С. 41–54.

временно из состава делегации БНР в Париже были исключены генерал К. Кондратович и А. Ознобишин. Сам же Е. Ладнов не упускал случая, чтобы лишний раз продемонстрировать свои связи и поддержку со стороны французских дипломатов[30].

Тогда же на майском заседании правительства было принято решение о ликвидации дипломатической миссии БНР в Берлине, тем более что уже с апреля 1920 г. она не имела никаких средств и вынуждена была уволить большую часть служащих. Подобный шаг все же был вызван не столько финансовым кризисом, сколько той закулисной борьбой, которая продолжалась между различными белорусскими деятелями. Не случайно Е. Ладнов в письмах называл членов берлинской миссии не иначе, как «провокаторами». Кроме того, дал о себе знать скандал, разгоревшийся вокруг связи белорусских деятелей в Берлине с русскими монархистами[31]. В результате, правда, миссия продолжила свою работу. Более того, благодаря увеличению сборов от выдачи паспортов она сохранила за собой съемную квартиру, наняла канцеляриста и даже возобновила деятельность белорусского пресс-бюро в Берлине, которое временно возглавил Л. Заяц[32].

Правительство БНР вовсе не отказалось от мысли завязать отношения с Советской Россией. Летом 1920 г., когда польско-советский конфликт, казалось, достиг своего апогея, В. Захарко отправляется на переговоры с большевиками. Чрезвычайная делегация БНР, кроме прочего, должна была просить Москву о кредите в 50 млн рублей. В начале июня она из Риги выехала в Ревель, откуда непосредственно связалась с Г. Чи-

30. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 230–231.
31. См. подробнее: Gierowska-Kałłaur J. Monarchiści i ich symulacje polityczne w maju-lipcu 1920 roku. Memoriały płk. Maxa Bauera i gen. Wasilija Biskupskiego // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2015. Vol. 50. № 2. S. 31–54.
32. Кроме него при миссии состояли бывший представитель Центросоюза А. Боровский и Давид Лурье, финансист и банковский деятель с Черниговщины, занимавший должность торгово-финансового агента белорусского правительства в Германии. Кроме всего прочего, он должен был помочь в реализации украинского кредита: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 926; Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. I. Ч. 2. С. 223–224.

чериным и получила уже официальное приглашение. 3 июля В. Захарко как представитель правительства БНР прибыл в Москву. В итоге, однако, переговоры были сорваны, а Советская Россия подписала 12 июня 1920 г. соглашение с Литвой, по которому к последней отходили Вильно, Гродно и Лида[33].

В сложившейся ситуации В. Ластовскому не оставалось ничего иного, как обратиться напрямую к ковенскому правительству с предложением урегулировать белорусско-литовские отношения. Была даже назначена делегация для ведения переговоров в составе К. Езовитова, А. Трофимова и А. Головинского, которая, кроме прочего, собиралась просить у литовского правительства кредит. Закончилось все тем, что нота БНР было литовской стороной проигнорирована, а из всех членов делегации до Ковно доехал лишь один Головинский.

В. Захарко, который все еще оставался в Москве, прождав безрезультатно до конца августа, возвращается обратно в Ревель. Тем временем К. Езовитов пытается заручиться поддержкой дипломатических представительств Эстонии и Латвии для участия Беларуси в предстоящей конференции стран Балтии[34]. Одновременно еще одна специальная делегация в составе И. Черепука, В. Пигулевского и того же А. Головинского безуспешно пытается попасть в Ригу, невзирая на протесты со стороны Литвы[35].

33. Еще один член делегации, Н. Маркевич, выступал в качестве частного лица и с В. Захарко фактически не контактировал. Третий же участник делегации, И. Черепук, и вовсе остался в Ревеле: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 861–862.
34. Правда, первоначально в состав белорусской делегации на переговоры с эстонским правительством были включены военный советник дипмиссии БНР в Эстонии и Дании генерал-майор Павел Вент, военно-дипломатический представитель БНР при правительстве Финляндской республики генерал-лейтенант Олег Корчак-Крыница-Васильковский, советник при военно-дипломатическом представителе БНР при правительстве Финляндской республики полковник Георгий Эльвенгрен и делегат министерства иностранных дел БНР И. Черепук. Тогда же В. Ластовский назначает генерал-лейтенанта О. Корчак-Крыница-Васильковского представителем БНР при правительстве Финляндской республики: LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 235, 270–272, 280; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 154.
35. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 857.

Вновь на короткое время реанимировали, казалось бы, уже угасшую федералистскую идею события польско-советской войны лета-осени 1920 г., когда стратегические изменения на фронте и давление со стороны западных держав заставили Ю. Пилсудского и его окружение вернуться к планам создания белорусского государства. «Большая или маленькая, но ваша родина будет!» — заявил польский посол во Франции граф М. Замойский в ответ на обращение министра иностранных дел БНР Е. Ладнова от 3 августа 1920 г. с предложением об установлении дипломатических отношений.

По мере того как Красная Армия приближалась к Варшаве, Е. Ладнов из Парижа требовал у В. Ластовского подписать скорейшее соглашение с Наивысшей Радой: «Где наше правительство, кто поименно входит в состав правительства, где мы? Этот вопрос лежит в основе подготовки акта о нашем признании»[36]. Более того, Е. Ладнов пошел на сознательный подлог, пытаясь выдать, например, польскую Литовско-белорусскую дивизию за... белорусскую армию. «Заявите, — советовал он Ластовскому, — что это наши воинские части, сформированные согласно постановления Рады Виленщины и Гродненщины при участии комиссии из членов Рады республики. Эти войска дрались храбро в составе польской армии... и мы желаем теперь в борьбе за освобождение наших земель от большевиков опереться на наши вооруженные силы...»[37]

В конце концов в этот самый критический для Польши момент К. Терещенко от имени Наивысшей Рады заключает в Риге с главой правительства БНР акт о «координации государственной работы». «Я придерживаюсь взгляда о передаче мандатов Наивысшей Рады Вашему кабинету... — писал он В. Ластовскому. — Не время сейчас делить сознательных белорусов на правых и левых. Всех нас объединяет общая цель — независимость нашей Родины»[38]. В то же время, уже обраща-

36. LCVA. F. 582. Ap. 2. B. 54. L. 281.
37. В ответ Вацлав Ластовский писал о... «30 тысячах организованных национальных сил», подготовленных для восстания в Беларуси: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 853–854, 859–860, 873.
38. Там же. Кн. 1. Т. 1. С. 814, 845–846.

ясь к В. Ивановскому, он объяснял свою позицию следующим образом: «Мы расходились во взглядах на работу под польской оккупацией, но теперь это расхождение уничтожено самой жизнью, что дает повод для переговоров...»[39]

Точно так же, как годом ранее А. Луцкевич, В. Ластовский не видит иного выхода, кроме сближения с Польшей. В начале сентября в Риге при посредничестве К. Терещенко состоялась неофициальная встреча В. Ластовского и члена польской мирной делегации Л. Василевского. Белорусский политик позднее так описывал ход беседы: «Василевский предлагал БНР сдать свои мандаты Наивысшей Раде и в конце спросил, известно ли мне, что между Наивысшей Радой, собственно А. Луцкевичем, и Польшей имеется договоренность. Я сказал, что это мне не известно. Василевский, прощаясь, еще раз посоветовал передать БНР мандат Наивысшей Раде. Когда мы вышли от Василевского, я был обижен на Терещенко, который навязал мне этот неприятный визит»[40].

3 сентября 1920 г. в столице Латвии собрались вместе П. Бодунова, И. Черепук, Н. Маркевич, И. Мамонько, К. Езовитов, А. Валькович и сам В. Ластовский. Главным вопросом, который обсуждался на встрече, стала неудача московской миссии В. Захарко и повторное провозглашение Советской Беларуси[41]. Спустя еще несколько дней, 7 сентября, В. Ластовский высылает на имя министра иностранных дел и правительства Польши ноту с предложением признать независимость БНР, для того чтобы организовать «решительную борьбу с российской оккупацией». Одновременно он обращается к мирной конференции в Париже, советскому правительству, правительству США и вообще «культурным нациям мира» с протестом против того, что «Россия присвоила себе роль хозяина белорусских терри-

39. Там же. Т. 2. С. 851–852.
40. Цит. по: Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў Т. 2. С. 303; Там же. Т. 1. Ч. 2. С. 161.
41. Само заседание в документе называлось «Совместным собранием Совета народных министров, президиума Рады БНР с участием Чрезвычайной белорусской миссии в Москве и Шефа Военно-дипломатической миссии в Латвии и Эстонии».

торий, нарушила суверенные права белорусского народа и передала населенные им территории под бесконтрольное управление... соседей Беларуси»[42].

По сути, вся эта политическая активность главы Рады министров БНР была результатом рекомендаций из Парижа от Е. Ладнова, который гарантировал, что взамен Беларусь сможет получить официальное признание мировых держав. «Друзьям нашим весьма приходится считаться с международным положением... — разъяснял министр иностранных дел БНР реакцию французских дипломатов. — Здесь принимаются все меры, чтобы найти для нас выход и благоприятно разрешить вопрос. Примите во внимание, что со всех сторон пишут так: никакой организации у них нет. Есть группа, даже, вернее, группы лиц, находящихся в Риге, Ревеле, Гельсингфорсе. Каждая из них действует самостоятельно, являясь как бы правящим центром... При таких условиях, когда нет армии, нет территории, нет административного аппарата, возникает невольно вопрос: куда же посылать представителей в случае признания власти?..»[43]

Судя по всему, В. Ластовский в тот момент действительно разделял взгляды своего министра. «Большевизм держится, как и везде, так и у нас в Беларуси, террором и насилием, — отвечал он Е. Ладнову. — "В силе — правда", — говорят большевики. Восстания в Беларуси против большевиков никогда не прекращались, белорусы бороться с ними не переставали. Во всех антибольшевистских армиях и на всех фронтах лилась белорусская кровь за гуманизм, правду, справедливость и мир. За свою независимость и неделимость Родины. Но нашу кровь, однако, никто не ценил и не ценит, а это ведь людская кровь... Бороться нам никто не помог. Спокойно все смотрели и смотрят до сих пор, как шестой год подряд горят наши деревни и города, как уже шестой год морят голодом двенадцатимиллионный народ! За шесть лет мы сменили шесть оккупаций, шесть жестоких ярем. Что теперь? Вновь восстание? Для чего, чтобы надеть в седьмой раз недавно сброшенное ярмо? Все это

42. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 864–865, 866–867, 870–871.
43. Там же. С. 888–889.

уже опротивело. Народ отупел от боли. Народ потерял веру, что есть где-то на свете правда. Приходят большевики и нас грабят. Рвут наше Отечество и делят. Добрые соседи рвут наше живое тело и сулят нам свое ярмо. Приходят поляки и так же рвут. Делят и грабят. Большевизм для нашего народа давно уже стал символом неправды. А кто приходит к нему с правдой?..»[44]

Представитель БНР в Праге Н. Вершинин, в свою очередь, был уверен, что в нынешней ситуации не повредит, если «...Польша будет помогать организовывать белорусскую армию на своей территории...»[45] Еще более пессимистично высказывался В. Захарко, совсем недавно вернувшийся из Москвы: «На мой взгляд, большевики сознательно будут нас делить, как делили, для того чтобы ссорить между собой соседние народы. Сами мы защититься не можем, а соседи наши только этого и хотят, я бы сказал, на свою погибель...»[46]

На этот раз, однако, новый курс в политике правительства БНР был воспринят далеко не так однозначно. Одним из тех, кто сохранил свою симпатию к Советской России, оказался Н. Маркевич. Из Риги он направляется в Москву, где встречается с Г. Чичериным, которого заверил, что хотя «левые элементы устранены из белорусского правительства», но «они собираются в Минске и будут поддерживать Белорусскую советскую власть...»[47]

А вскоре в Ригу прибывает делегация Берлинской миссии БНР в составе П. Кречевского, А. Цвикевича и А. Овсяника. Можно предположить, что визит к Л. Василевскому не прошел бесследно и теперь, как когда-то с П. Алексюком и позднее — в случае с А. Луцкевичем, берлинская группа постаралась сорвать наметившийся союз с Польшей[48].

В. Ластовский позже вспоминал: «Где-то за неделю до советско-польских мирных переговоров... прибыла в Ригу бер-

44. Там же. С. 873.
45. Там же. С. 883–884.
46. Там же. С. 880.
47. Бароўская В. Беларускае пытанне... С. 203–204.
48. Правда, к этому моменту и среди членов самой миссии наметились серьезные разногласия: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 870.

линская миссия БНР, мне помнится Кречевский, А. Цвикевич, Овсяник, которые задержались в гостинице. Материальное положение БНР-овцев эсеровского крыла к этому времени было весьма стесненное. Я, чтобы не платить за квартиру в городе, продолжал жить на взморье. Хотя дачников уже не было там и осенние долгие вечера приходилось проводить в одной из комнат пустой дачи. Наши берлинские гости жили сравнительно прилично в своей гостинице. Эта материальная разница, а также некоторая заносчивость берлинцев подчеркивала как бы две группировки, пока ничем не выраженные, но как будто преднамеренные. А. Цвикевич делал визиты. Но впечатлениями от своих визитов делился со мной скупо, составляя дружескую и как будто замкнутую группу с Кречевским.

Начали прибывать делегации на мирную конференцию. Надо было перебираться мне в город. Я приехал с женой в Ригу, и, не имея квартиры... мы заночевали в одной из комнат миссии, на диване. На другой день Езовитов куда-то исчез (он занимал квартиру). А квартирная хозяйка сделала нам скандал и категорически воспретила жить в миссии. Мы побрели искать квартиру, предварительно заложив в ломбард кое-какие вещи. Но квартиры до вечера мы не нашли. Вечером нас пристроили в одной из комнат консульства, которую раньше занимал, кажется, посыльный...»[49]

28 сентября в Риге проходит общее собрание президиума Рады и правительства БНР с участием П. Кречевского, В. Захарко, И. Мамонько, В. Ластовского, А. Вальковича, А. Цвикевича и К. Езовитова, на котором вновь было подтверждено доверие правительству. Ластовского. Было заявлено, что со стороны Украины, Чехословакии и Германии отношение к белорусскому движению — хорошее, со стороны балтийских государств — «лояльное», за исключением Литвы, которая заняла «враждебную позицию». Главной же проблемой оствавалось отсутствие финансов. «Денег нет совсем, — заявил А. Валькович. — Наивысшая Рада через Терещенко обещала денежную

49. Справа Вацлава Ластоўскага. С. 229–230.

помощь... но до сегодняшнего дня ничего не передала». Приняв к сведению, что в госсударственной кассе денег вовсе не осталось, собравшиеся поручили А. Цвикевичу «переговорить о денежном вопросе с украинцами»[50].

Уже на следующий день П. Кречевский от имени Рады БНР обращается к украинской Директории с предложением заключить «активное соглашение по вопросу координации сил»[51]. Одновременно проходит заседание делегации БНР на мирную конференцию в составе полномочных членов В. Ластовского, А. Цвикевича и двух советников — А. Головинского и А. Овсяника, которая, по примеру украинской делегации из Галиции, постановила выступить с протестом по поводу самих переговоров. Кроме того, белорусы обратились с нотой к правительству Латвии, предлагая немедленно признать независимость БНР. И хотя признание так и не состоялось, латвийская сторона поддержала белорусское правительство материально, выдав на руки А. Цвикевичу небольшую сумму (причем как минимум дважды)[52].

В начале октября 1920 г. В. Ластовский при участии министра иностранных дел Латвии Зигфрида Мейеровица проводит неофициальные переговоры с представителями польской делегации. Одним из условий польской стороны стала координация действий всех белорусских групп. В результате из Риги в Варшаву при посредничестве украинской делегации была выслана срочная депеша с требованием немедленного приезда сюда представителей Наивысшей Рады[53].

Правда, сама Наивысшая Рада не только не прекратила работы, но успела снова развернуть активную политическую де-

50. Примерно тогда же против советско-литовского соглашения выступили белорусские организации Вильно: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 885–887.
51. Там же. С. 891–892.
52. Будучи в Риге, правительство БНР пыталось получить признание по всем направлениям. В то время как В. Ластовский вел переговоры с Л. Василевским, А. Головинский и А. Овсяник несколько раз встречались с А. Червяковым: Там же. С. 894–895, 907.
53. Всего прошло два совещания — 2 и 4 октября 1920 г. Со стороны правительства БНР в неофициальной встрече с членами польской делегации в Риге участвовали В. Ластовский, А. Цвикевич и А. Овсяник: Там же. С. 899–900.

ятельность. В. Ивановский и Б. Тарашкевич были на приеме у Ю. Пилсудского, где, скорее всего, речь шла о создании польско-белорусского коалиционного правительства[54]. Это во многом был переломный момент. Тот же председатель Минского ревкома А. Червяков, будучи посланным в конце сентября 1920 г. на польско-советские переговоры в Ригу, докладывал: «Получил сообщение от варшавских белорусов. Там между ними и польским правительством заключено соглашение, в силу которого в правительство Белоруссии входит ряд поляков из Белоруссии. Это новое правительство признает федерацию с Польшей. Правительство готовится на случай, если полякам удастся занять Минск... »[55]

Не случайно после того, как польские части снова занимают Гродно, сюда переезжает целый ряд белорусских деятелей, и кратковременно в городе наступает своеобразный «ренессанс» белорусского движения: восстанавливают работу белорусские учреждения и школы, начинает выходить газета «Беларускае слова» и даже формироваться белорусская рота. «Наша цель ясна, — провозглашало в своем первом номере “Беларускае слова”. — Наш путь — прямой. Мы будем бороться, как уже с давних времен борется лучшая часть белорусской интеллигенции, за независимость Беларуси... Мы знаем, что уже скоро Беларусь станет истинно независимой... Демократическая Польша, написав на своем знамени имя и идею Пилсудского, делом поможет Беларуси обрести независимость»[56].

Однако политические противники Ю. Пилсудского из числа членов польской делегации в Риге, опасаясь продолжения войны с большевиками, предпочли ускорить заключение мирного договора. Подписание 12 октября прелиминарного польско-советского соглашения перечеркнуло все планы. Белорусам оставалось только протестовать. Почти одновременно принимаются резолюции на белорусской национально-политической

54. Там же. С. 872, 950; Woyniłłowicz E. Wspomnienia... S. 300.
55. Jurkowski R. Nieznany fragment rokowań ryskich. Trzy listy Aleksandra Czerwiakowa z Rygi, z września i października 1902 r. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2011. T. 36. S. 240.
56. Беларускае слова. 1920. № 1.

конференции и конференции белорусских социалистических партий в Риге, осуждающие подписанное соглашение. В них условия мира между РСФСР и Польшей для Беларуси признавались «необязательными» и объявлялось, что Белорусская Народная Республика будет «всеми способами и средствами вести борьбу за независимость и неделимость...» Одновременно с протестом выступила и Наивысшая Рада[57].

Одним из последствий кратковременного сближения правительства БНР с Варшавой стала депеша главы советской делегации в Риге А. Иоффе в Москву, в которой он обвинил В. Ластовского в связях с поляками[58]. В свою очередь, глава советской дипломатии Г. Чичерин старался корректировать курс советской делегации в Риге в белорусском вопросе. После декларации Ластовского, желая опередить поляков, он попытался ускорить приезд в Ригу В. Игнатовского в качестве представителя Советской Беларуси. Одновременно нарком внимательно следил за реакцией мировых держав. Например, его заинтересовала информация, якобы Франция решила признать независимость Беларуси[59].

В это же время Ю. Пилсудский инспирировал так называемый «бунт Желиговского» — захват Вильно вопреки подписанному ранее польско-литовскому договору. Так на карте Восточной Европы появилось новое государство под названием «Срединная Литва»[60].

57. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 918–923.
58. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 1. Ч. 2. С. 162, 250, 258; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 870; Бароўская В. Беларускае пытанне... С. 75.
59. Скарыніч. Вып. 6. М., 2006. С. 71; Бароўская В. Беларускае пытанне... С. 203–204.
60. Между тем в историографии прочно закрепилось мнение, что первоначально название этого образования должно было звучать как «Западная Беларусь» или, в другом варианте, «Литовско-белорусское государство». Кроме самого Вильно оно включало в себя Ошмянский, Виленский, Троцкий и Свенцянский уезды: Беларускі гістарычны агляд. 2005. Т. 12. Сш. 1–2 (22–23). С. 111–132 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.belhistory.eu/ales-pashkevich-vybary-ў-vilenski-sojm-u-1922-g-i-adnosiny-da-ix-belaruskaj-gramadskasci. Дата доступа: 19.01.2016. На тему «белорусского вопроса» в Срединной Литве см.: Галэндак М. Беларуская палітыка ў Сярэдняй Літве // Arche. 2009. № 3. С. 479–506; Багалейша С. Беларускае пытанне ў Сярэдняй Літве // Актуальные проблемы международных

В результате в Вильно направились два представителя Наивысшей Рады — Вацлав Ивановский и Бронислав Тарашкевич, которые и вошли в состав Временной правящей комиссии Срединной Литвы[61]. Б. Тарашкевич вспоминал: «В начале осени 1920 г. я принимал деятельное участие в тайных совещаниях, обсуждавших политические вопросы, связанные с предполагаемой Пилсудским акцией на Вильно ("бунт" Желиговского)... "Хорошо сейчас осведомленные" относительно взглядов Пилсудского лица сообщали, что Пилсудский имеет возможность взять Вильно и прокламировать краевое правительство с собственным демократическим сеймом и т. п. Искалось название для этого края. Многие наиболее соответствующим считали Западная Беларусь. Было решено, что виленское правительство будет состоять из представителей всех национальностей, приглашен был даже какой-то литовский деятель из Мемельской области. Кроме того, в состав правительства не должны были входить группы правее виленских "демократов" (Абрамович, Ян Пилсудский, Кржижановский и др.). Уже по пути на Вильно название было дано по указанию Пилсудского "Срединная Литва", а в состав правительства привлечены хадеки (Энгель) и "рады людовые" (Шопа). Одновременно был изменен и проект воззвания к населению. Литовец ретировался. Мы тоже были возмущены такой перетасовкой, и даже Ивановский предлагал мне предупредить об этом литовцев. Но я считал это бесцельным, да и не было времени...»[62]

10 октября 1920 г. в Вильно на квартире А. Луцкевича проходит чрезвычайное заседание местных белорусских деятелей с участием прибывших из Варшавы В. Ивановского и Б. Тарашкевича. Речь шла о новой политической комбинации польских властей и позиции белорусов. Первыми слово взяли гости, по-

отношений и дипломатии (1918 г. — начало XXI в.): материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Витебск, 23–24 апреля 2015 г.). Витебск, 2015. С. 80–85.

61. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 115. Арк. 70; Галэндак М. Беларуская палітыка ў Сярэдняй Літве. С. 490.
62. Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча... С. 39–40.

пытавшись обрисовать общую ситуацию[63]. Собравшиеся приняли полученную информацию к сведению.

Но был один момент, который фактически выпал из обсуждения. Всего две строчки в протоколе: «...Таким же самым путем решено было захватить и Минск, каковая задача была поручена Балаховичу...»[64]

63. В совещании приняли участие А. Луцкевич, И. Станкевич, Ф. Еремич, кс. А. Станкевич, А. Коробач, М. Коханович, В. Ивановский и Б. Тарашкевич: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 909–910.
64. Там же. С. 910.

ГЛАВА 8

Испытание оружием: мозырское правительство генерала Станислава Балаховича и Государственный комитет

Любой, без исключения, военный конфликт несет в себе жертвы и разрушения. Эта эмоциональная и психологическая травма позже усугубляется еще и идеологическим каноном, в буквальном смысле возведенным на костях. Поэтому так сложно, порой невозможно оценить не только понесенные потери, но и собственно фактические плоды, которые этими жертвами были оплачены. Между тем война — это еще и серьезный сдвиг тех тектонических плит, на которых выстраивалась прежняя, казалось бы, незыблемая политическая система. И чем масштабнее трагедия, чем глубже и разрушительнее катастрофа, тем больше вероятность возникновения чего-то нового, совершенно невозможного при других обстоятельствах. В истории Беларуси одной из наиболее недооцененных в этом смысле остается советско-польская война 1919–1920 гг.

Почему именно Западный фронт был выбран советским руководством в качестве приоритетного, еще в 1920-е гг. писал советский военный историк Н. Какурин: «Белорусский театр военных действий был самым чувствительным у поляков. Именно оттуда от советской границы было ближе всего до Варшавы... Варшава являлась как бы узлом, воедино связывающим долго бывшие в разделе различные части Польши. При сильном ударе по Варшаве эти части опять могли бы разъединиться. Бывшая русская Польша опять потянулась бы к РСФСР, бывшая "австрийская" Польша начала бы тяготеть к своему политиче-

скому центру — Кракову; наконец, то же самое случилось бы с долго пребывающей в составе Германии польской областью Познанью»[1]. Именно таким образом на политической карте летом 1920 г. появилась второй раз подряд Советская Беларусь. Не случайно Лев Троцкий позже охарактеризовал большевистский режим как одну сплошную импровизацию[2].

Декларация о создании независимой Советской Социалистической Республики Белоруссии была обнародована 31 июля, но военные власти — РВС западного фронта — отреагировали на это лишь две недели спустя. Позднее один из советских авторов писал по этому поводу: «Ни одной сколько-нибудь заслуживающей внимания политической директивы по вопросам советизации Белоруссии издано не было. Наши части работали в Белоруссии, не имея ориентировки в белорусской политической ситуации, в частности, в разрешении национально-государственного вопроса, в отношении к белорусским националистическим группировкам. Белорусские коммунистические кадры почти отсутствовали, и советизация проводилась в значительной мере руками русских и еврейских работников и по образцам русского опыта...»[3]

Фактически в каждом из крупных центров национального движения события складывались по собственному сценарию. Так, еще до прихода Красной Армии в Гродно появился представитель Белорусской организации коммунистов Богданович, который предложил наиболее влиятельной на Гродненщине партии белорусских эсеров места в будущих советских учреждениях при условии, что эта партия «станет на платформу Советской власти». При этом он старался убедить, что в ином случае «поляки и евреи захватят власть, а белорусы не будут иметь никакого влияния на руководство краем». В итоге группа левых эсеров во главе с С. Богданом подписала декларацию о признании большевистской власти[4].

1. Полторак С. Победоносное поражение. СПб., 1994. С. 109.
2. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. М., 1990. С. 55–56, 79.
3. Суслов П. Политическое обеспечение советско-польской кампании 1920 г. М., 1930. С. 126.
4. Крынскі У. Адраджэнскі рух у Горадзеншчыне // Новая дарога. 13.11.1942.

Среди сотрудников советской власти в Гродно оказались даже члены Наивысшей Рады – А. Смолич и С. Рак-Михайловский. Трудно сказать, остались ли они здесь случайно или это был запланированный шаг. А. Смолич устроился в Гродненский ревком руководителем агрономического подотдела и активно включился в работу на местах: назначал инструкторов по сельскохозяйственным машинам, организовывал учет и мобилизацию лошадей и волов, выступал в качестве лектора (тема одного из его докладов звучала «Коммуны и артели») и вел экономическую географию на рабочих курсах. С. Рак-Михайловский работал школьным инструктором отдела народного образования и занимался организацией школ по уезду[5].

Даже Вячеслав Адамович-младший — более известный как атаман «Зеленого дуба» Дергач — подал заявление в земельный отдел при местном ревкоме, желая работать в качестве «управляющего советского имения»[6]. Однако за два месяца советской власти взаимоотношения между большевиками и белорусскими деятелями успели измениться в худшую сторону[7].

С другой стороны, хотя отправной точкой для многочисленных территориальных планов Польского государства выступала «историческая традиция» в самом широком понимании этого слова, их конкретная реализация на практике являлась результатом текущей политической и военной конъюнктуры[8]. Иными словами — все той же «импровизацией». Так появились идеи «белорусского Пьемонта» и «Срединной Литвы». Общий итог оказался не в пользу Польши: «Между поляками и белорусами, — писал В. Станкевич в своей книге “Судьбы народов

№ 34. С. 4–5.

5. Государственный архив Гродненской области (далее — ГАГО). Ф. 689. Оп. 1. Д. 50. Л. 3, 5, 21; Мікула Я. Аркадзь Смоліч на Гродзеншчыне // Гродзенскія запісы. Вып. 1. Гродна, 1993. С. 99–100.
6. ГАГО. Ф. 689. Оп. 1. Д. 67. Л. 12–13.
7. По некоторым данным, тот же Дергач якобы начинает готовить вооруженное выступление в городе против большевиков: Крынскі У. Адраджэнскі рух у Горадзеншчыне...
8. На тему различных подходов и концепций в решении «белорусского вопроса» польскими политиками см.: Гамулка К. Паміж Польшчай і Расіяй... С. 18–73.

России...”, изданной в 1921 г. в Берлине, — лежат слишком глубокие социальные противоречия для того, чтобы можно было надеяться на длительный мир. Если польский элемент... представлен исключительно помещиками и интеллигентами, то белорусское население составляет в подавляющей массе крестьянство»[9].

«Бросали достаточно безрассудно из разных источников и разным лицам немного денег, исходя из того принципа, что левая рука не ведает, что творит правая, — отмечал в своем реферате польский дипломат Мирослав Артишевский. — Результат такой, что деньги исчезли, а белорусы с некоторой долей хитрости утверждают, что ничего не получили, так как фактически средства передавались непосредственно отдельным лицам...»[10] Тем не менее, пока мир не был окончательно установлен, Польша (или, точнее, Ю. Пилсудский) нуждалась в белорусском союзнике. В конце концов на эту роль был «выбран» генерал Станислав Балахович и его армия...

Еще в конце 1919 г. эстонцы, которые начали переговоры с большевиками, потребовали, чтобы С. Балахович покинул их территорию. Миссия БНР попыталась исполнить роль посредника и обратилась к правительству Латвии, но и латыши, особенно после недавних событий с корпусом П. Бермондта-Авалова, который едва не захватил Ригу, панически боялись присутствия бывших белогвардейских отрядов[11]. Само же правительство БНР, точнее, та его часть, которая признала после раскола Наивысшую Раду, не могло фактически повлиять на положение вещей.

К. Езовитов позднее вспоминал: «...Балахович нервничал и присылал записки с вопросом “что нового?” Я отвечал, что

9. Автор считал «польское решение вопроса... чисто временным». Более того, В. Станкевич предсказывал, что «...белорусские группы, которые не догадаются своевременно разорвать с поляками, потеряют опору и связи в своем населении»: Станкевич В. Судьбы народов России: Беларусь, Украина, Литва, Латвия, Эстония, Армения, Грузия, Азербайджан, Финляндия, Польша. Берлин, 1921. С. 44–46.
10. AAN. MSZ. T. 5326. K. 20–21.
11. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 1. С. 674.

“новостей пока нет”. Он бесновался и пил. Об этом позаботился польский военный атташе, который “случайно” познакомился с Балаховичем и очень обрадовался, что нашелся белорусский генерал, который при его согласии мог бы возглавить и объединить те белорусские отряды, которые создаются в Минске...»[12]

В результате К. Езовитов обратился к полякам с просьбой предоставить С. Балаховичу участок фронта в районе Полоцка, чтобы тот мог продолжить борьбу с большевиками, но уже как белорусский генерал. Для самого же генерала «белорусизация» была всего лишь попыткой найти выход из критической ситуации, в которой оказался его отряд, и избежать интернирования властями Эстонии и Латвии. Так, уже в начале 1920 г. С. Балахович был готов провозгласить независимую... Псковскую республику! Однако в Варшаве решили иначе. В итоге в конце февраля 1920 г. тот самый польский военный представитель в Риге подписал соглашение с генералом о транспортировке его отряда в Польшу. После этого оставшиеся восемьсот солдат и офицеров были переведены на переформирование на юг, в Брестскую крепость[13].

Вряд ли на тот момент польская сторона до конца представляла план будущих действий. Скорее всего, в первую очередь она была заинтересована в нейтрализации самого Балаховича. «Вероятно, Пилсудский, — замечает по этому поводу польский историк Анджей Новак, — как обычно, не хотел связывать себе руки формальными условиями или обещаниями. Он только готовил одновременно несколько возможных решений и подбирал наиболее подходящие для этого инструменты». «...Его можно использовать, — писал о генерале сам Ю. Пилсудский весной 1920 г., — но не теперь, не сейчас. Это произойдет в последнем акте, поэтому пока выпускать этот план из рук я не хочу»[14].

Фактически на этом история Особого отряда БНР завершилась. Среди белорусских деятелей в Минске реакция на появле-

12. Езовитов К. Воспоминания // Нёман. 1993. № 3. С. 160.
13. Примечательно, что одновременно II отдел потребовал у А. Луцкевича... отозвать самого К. Езовитова с должности руководителя балтийской миссии БНР: LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 4. L. 2.
14. Nowak A. Polska i trzy Rosję. S. 494.

ние генерала С. Балаховича в Беларуси была более чем настороженной, про что позже писал К. Терещенко: «В начале марта в Минский национальный комитет пришел какой-то военный и отрекомендовался офицером армии Балаховича. На вопрос — откуда он, что и как? — он сообщил, что Балахович, не сторговавшись с Езовитовым, перешел на польскую службу и что его отряд перебрасывается в Брест. И действительно, через некоторое время в Бресте появился Балахович, где он открыл вербовочное бюро. Этот случай очень взбудоражил белорусов, так как вскоре стало известно, что он под видом белорусских отрядов начал набор разного рода шляющихся российских офицеров, для которых белорусское дело было дорого точно так же, как прошлогодний снег. Были даже предприняты шаги в Варшаве, с тем чтобы помешать работе Балаховича, однако эти потуги ни к чему не привели...»[15] Через три месяца, когда С. Балахович выступил на польско-советском фронте, он уже никак не был связан ни с одним из белорусских правительств.

Лето 1920 г. генерал и его отряд провели в боях с большевиками на Полесье, прикрывая отступление основных частей польской армии. Кроме того, в конце августа он заключил соглашение с Российским политическим комитетом Б. Савинкова в Варшаве. А уже 28 сентября польское военное министерство признало за отделом С. Балаховича статус особой союзнической армии, получившей наименование «Русская народная добровольческая армия». И все же, как пишет О. Латышенок, к осени 1920 г. само слово «балаховец» уже стало нарицательным и обозначало «белоруса, воюющего с оружием в руках против коммунистов»[16]. Одной из самых успешных операций С. Балаховича стал захват Пинска осенью того же года, который принес ему высокую оценку со стороны польского командования, значительные военные трофеи и устойчивую славу... погромщика.

15. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 456. Арк. 30–35 адв., 41 адв., 45 адв., 49.
16. Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. S. 208. На тему подготовки и реализации полесского похода генерала С. Балаховича среди прочего см.: Грыцкевіч А. Выбранае. С. 408–444.

Позже в открытом письме к польскому Сейму генерал С. Булак-Балахович так писал о самом себе: «Я демократ, сын народа, христианин-католик, моя святой памяти мать была полькой, отец белорус. Я нахожусь вне партий. Я прибыл в Польшу как белорусский генерал, добровольно с военными частями, мною вооруженными и экипированными. Кадры моей армии состояли из белорусов, кресовых поляков и русских, которых преследовали за их убеждения коммунисты и германофилы. Ко мне охотно тянулись все те, кого преследовали за их убеждения коммунисты и германофилы. В армии я был солдатом и вообще аполитичным человеком. Я горячо верил и верю в Бога и справедливость... Я воевал за свободу Эстонии, той России, которая хотела остаться христианской и демократической, после — Латвии, Польши и Белой Руси»[17].

Польско-советское прелиминарное соглашение предопределило дальнейшие события. Повторилась ситуация конца 1919 г., когда С. Балахович под угрозой интернирования вынужден был искать нового союзника, которым на этот раз стал Русский политический комитет. Глава комитета Б. Савинков рассчитывал, что Русская народная добровольческая армия, действуя как таран в направлении Гомеля, Брянска, Калуги и далее, вызовет цепную реакцию из антисоветских выступлений по всей стране[18]. При этом собственно Беларусь могла расчитывать на ограниченную самостоятельность: еще в конце 1919 г. Б. Савинков направил письмо к А. Деникину, в котором призывал искать союза с «инородцами». «Путь соглашения тернист вначале, но в случае успеха обещает разрешение всех труднейших наших вопросов», — писал он. Б. Савинков предлагал обратиться к идее автономии как принципа в достаточной степени эластичного, чтобы гарантировать России спокойное развитие и сохранение единства[19].

17. LCVA. F. 281. Ap. 1. B. 12. L. 10-10 ap.
18. Всего в армии С. Балаховича к началу ноября было около 20 тыс. человек: Боевые действия Русской народной добровольческой армии в ноябре 1920 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demidovtsev.ru/11612.
19. Иначе Б. Савинков смотрел на Польшу: «С ней у нас следующие общие

Проблема, однако, заключалась в том, что, не имея поддержки ни со стороны Наивысшей Рады, ни со стороны правительства БНР, С. Балахович нуждался в надстройке, которая бы, с одной стороны, делала его равнозначным партнером с Б. Савинковым, а с другой — давала право на насилие. В итоге уже в сентябре 1920 г. генерал создал свой собственный Белорусский политический комитет во главе с бывшим председателем Великой белорусской рады Вячеславом Адамовичем-старшим. Фактически организатором и руководителем комитета являлся П. Алексюк. Кроме него в комитет вошли Ю. Сенкевич, Р. Островский, В. Адамович-сын, Е. Миткевич, А. Левицкий, Р. Земкевич и некий полковник Беляев[20].

В. Адамович относился к старшему поколению белорусских деятелей и принимал активное участие в белорусском движении еще со времен «Нашай нівы». Родился он в семье священника. Военную карьеру начал прапорщиком Петрозаводского пехотного полка и к началу Первой мировой войны дослужился до полковника. Был помощником варшавского интенданта, позже отвечал за продовольственное обеспечение Минска[21].

цели: борьба с большевизмом, защита от захвата Германией. И следующие предметы разногласий: Восточная Галиция, Литва и Белоруссия, отношения с Румынией (с последней мы еще долго будем спорить из-за Бессарабии), для Польши же соглашение с Румынией желательно, чтобы иметь выход к южному морю. Вопросы первой группы жизненны и для нас, и для поляков, компромиссу не поддаются и много легче могут быть разрешены общими силами, чем каждому порознь. Вопросы второй группы не имеют такого значения и могут быть разрешены взаимными уступками; сложнее других вопрос о Литве и Белоруссии, здесь нам лучше уступить за счет первой (плебисцит), так как в Белоруссии сепаратизма почти нет и сохранение ее необходимо в силу принципа единства России. К весне будущего года нам придется воевать либо против Польши, либо в союзе с ней...»: Россия антибольшевистская: из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 350–352.

20. Латышонак А. Жаўнеры БНР... С. 146; Коўкель І. Акцыя Б. Савінкава, С. Булак-Балаховіча і ўдзел у ёй беларускіх палітычных партый і арганізацый // Наш радавод. Кн. 8. Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур. X–XX стст. Гродна; Беласток, 1990. С. 440; Ядвігін Ш. На абарону Бацькаўшчыны // Arche [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.arche.by/by/page/works/17491. Дата доступа: 11.05.2015.
21. CAW. Kolekcja Akt Personalnych. Sygn. I.481.A.512 (Wiaczesław Adamowicz). K. 3; Archiwum PAN. Diariusz M. S. Kossakowskiego. T. II. Teczka III. 1917 r. S. 103; Латышонак А. Жаўнеры БНР... С. 111; Стужынская Н.

После короткого периода политической активности в 1917 г., когда он являлся одним из руководителей белорусского движения в Минске, В. Адамович получил разрешение от немецких властей и переехал в Брест. Известно, что позднее он возглавлял здесь отдел интендантуры, но уже при большевиках (по другой версии, В. Адамович-старший служил в Красной Армии командиром Полоцкого полка и перешел на сторону поляков осенью 1919 г.)[22]

Биография отца странным образом переплетается с жизнеописанием его сына — Вячеслава Адамовича-младшего, известного еще как «атаман Дергач». При этом часть событий, связанных с Дергачом, приписывается его отцу, и наоборот. Драматург и литератор, корреспондент ряда белорусских газет, автор гармонизации нескольких народных песен, Вячеслав Адамович был человеком деятельным по натуре, энергичным и при этом не лишенным творческих талантов. Родился в 1890 г. в Ковно или Ошмянах. Закончил ковенскую гимназию, позже продолжил учебу в местном коммерческом училище, а также на гидротехнических и агрономических курсах в Санкт-Петербурге. Сотрудничал с редакцией «Нашай нівы». В конце войны подпоручик В. Адамович активно агитирует среди ополченцев первой Минской дружины и слушателей Минской духовной семинарии и одновременно сам учится на первых белорусских педагогических курсах в Минске, является членом Общества работников белорусского искусства, поет в Белорусском национальном хоре. Будущий атаман возглавлял курсы вербовочных агентов при Белорусской военной комиссии и сам в качестве инструктора выезжал в Слуцкий и Бобруйский поветы. Позже Михаил Крук в своих показаниях в ГПУ вспоминал о нем как о человеке «...искреннем, идейном, утописте и оптимисте одновременно»[23].

Осень 1920 г. Дергач, вероятно, встретил в Гродно. По воспоминаниям одного из местных деятелей, отец и сын Адамо-

Беларусь мяцежная. З гісторыі ўзброенага антысавецкага супраціву: 20-я гг. XX ст. Вільня, 2000. С. 91.

22. Там же.
23. Там же. С. 78, 85, 91–105; Ляхоўскі У., Міхнюк У., Гесь А. Слуцкі збройны чын 1920 г. у дакументах і ўспамінах. Мінск, 2001. С. 328.

вичи еще во время большевистской власти готовили в городе восстание, но «события происходили слишком быстро» и от попытки вооруженного выступления пришлось отказаться[24]. 2 октября 1920 г., уже после того как Гродно в очередной раз был занят польскими войсками, В. Адамович-младший выступает в качестве издателя-редактора гродненской газеты «Беларускае слова». Отсюда уже через месяц он выехал, скорее всего, в Лунинец, который превращается в координационный центр по созданию повстанческих отрядов «Зеленого дуба»[25]. В это же время в Бресте В. Адамович-старший был арестован польскими властями по обвинению в сотрудничестве с большевиками[26]. Можно только догадываться, каким образом из лагеря в Бресте он попал в отель «Saski» в Варшаве, где возглавил Белорусский политический комитет.

Вполне вероятно, что на момент подписания прелиминарного мира между Польшей и Советской Россией самой организации еще не было, как, собственно, не существовало и четкого плана будущей военной акции. Например, П. Алексюк объяснял сотрудничество с генералом С. Балаховичем и учреждение комитета необходимостью противостоять политическим устремлениям Б. Савинкова[27]. Подобным образом позднее описывал события и А. Левицкий (Ядвигин Ш.): «...Надо было идти и делать свою работу»[28]. Иной была версия Л. Дубейковского. «Ко мне обратился Савинков, — вспоминал председатель Варшавского Белорусского национального комитета. — Я Савинкову сказал: вы признайте Беларусь де-факто и де-юре, о чем мы обменяемся актами, копию которых пошлем Антанте. Он не согласился на это... Савинков уехал в Пинск, где вскоре и появился Политический комитет...»[29]

24. Новая дарога. 13.12.1942. № 34.
25. Беларускае слова. 1920. № 2; Новая дарога. 13.12.1942. № 34.
26. CAW. Kolekcja Akt Personalnych. Sygn. I.481.A.512 (Wiaczesław Adamowicz). K. 3.
27. Пратакол паседжаньняў Беларускай нацыянальна-палітычнай нарады ў Празе... С. 26–27.
28. Ядвігін Ш. На абарону Бацькаўшчыны...
29. Пратакол паседжаньняў Беларускай нацыянальна-палітычнай нарады ў Празе... С. 28.

В любом случае союз белорусских «полонофилов» с главой Русского политического комитета выглядел искусственным и недолговечным. Любопытно, что когда члены комитета, определяя будущие границы БНР, показали Б. Савинкову карту Е. Карского, которая должна была стать обоснованием их политических претензий, тот только заметил: «Ну у вас и аппетиты, ничего себе»[30]. Сам Б. Савинков позднее писал: «В Белоруссии политические течения многочисленны и запутанны. Не белорусу разобраться в них трудно. Не белорусу трудно понять, почему яростно враждуют между собой представители белорусской интеллигенции. И эта политическая борьба, несомненно, не способствует отчетливой постановке белорусского вопроса... »[31]

Белорусский политический комитет впервые объявил о своем существовании в письме к генералу С. Балаховичу 12 октября 1920 г., в тот самый день, когда было подписано прелиминарное соглашение в Риге. Спустя еще две недели появилось очередное заявление, которое было частью своеобразной политической комбинации: Комитет обратился к Б. Савинкову и С. Балаховичу с просьбой оказать ему помощь в освобождении Беларуси от «узурпаторов-большевиков». С. Балахович в ответ на это выступил с декларацией уже на имя Ю. Пилсудского, объявив, что принимает просьбу и начинает борьбу за «самостоятельную демократическую Беларусь». Третье заявление они сделали вместе с Б. Савинковым и адресовали его Ю. Пилсудскому и генералу П. Врангелю. В нем говорилось о том, что «Русская народная добровольческая армия, которая борется за свободу всех народов и за мир во всем мире, получила призыв о помощи от представителей свободного белорусского народа»[32].

30. Arche [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.arche.by/by/page/works/uspaminy-tvory/13947.
31. Савинков Б. О Белоруссии // Скарыніч. Вып. 7. М., 2008. С. 26.
32. LCVA. F. 281. Ap. 1. B. 12. L. 44; Свобода. 03.11.1920. № 92; Коўкель І. Польска-літоўскі канфлікт і роля ў ім беларускіх палітычных партыяў і арганізацыяў (1920–1923 гг.) // Беларусіка=Albaruthenica: Кн. 3: Нац. і рэгіянальныя культуры, іх узаемадзеянне. Мінск, 1994. С. 259–269.

6 ноября 1920 г. армия С. Балаховича перешла в наступление. «Генерал! Вождь Беларуси!.. — этими словами встречал своего политического союзника во время символической передачи власти в Турове П. Алексюк. — Сегодня светлый день в истории белорусского народа — день, в который ты, великий сын нашей земли, кровь от крови, кость от кости нашего народа, исполнил мечту наших дедов... Вождь Беларуси! Иди смело вперед, водрузи белорусские знамена над гористым Смоленском, низинами Витебска и бурным Днепром Могилевским... Иди: за Тобой и с Тобой весь белорусский крестьянский народ, так как ты — его сын, ты на самом деле дашь ему землю и волю...»[33]

Мог ли генерал рассчитывать на победу? Лучше всего на этот вопрос ответил С. Лис-Блонский — один из польских офицеров, служивший при армии Балаховича: «Эта проблема не особенно сложная... Чтобы выиграть войну, нужна подходящая армия, подготовленная и экипированная... но этого вовсе недостаточно, чтобы сражаться за самостоятельную национальную и государственную жизнь...» Именно по этой причине командующий Русской народной добровольческой армией и решился на собственную «импровизацию»[34].

Армия достаточно легко захватила Мозырь. Следом были заняты Калинковичи. Кульминационный момент настал 16 ноября 1920 г., когда в Мозыре Белорусский политический комитет объявил генерала С. Балаховича Начальником Белорусского государства! В свою очередь, генерал выступил с заявлением о непризнании существующих органов БНР и прокламировал создание нового правительства во главе с В. Адамовичем-старшим. П. Алексюк занял пост вице-премьера и министра иностранных дел[35]. С. Балахович принял звание главнокомандующего всеми вооруженными силами на территории Беларуси

33. Звястун. 25.11.1920. № 4.
34. См.: Лошкарев И. Белорусский политический компонент в походе С. Н. Булак-Балаховича // Молодой ученый. 2011. № 9. С. 160–163.
35. По другим сведениям, главой временного правительства должен был стать А. Власов, тогда как П. Алексюку предназначалась должность министра внутренних дел: LCVA. F. 22. Ap. 1. B. 56. L. 41 ap.

и издал приказ о формировании белорусской армии[36]. Все это фактически делало его свободным от Русского политического комитета.

Новое правительство издало заранее подготовленный манифест, главные постулаты которого сводились к борьбе за независимость Беларуси в тесном союзе с Польшей и при поддержке стран Антанты. Одновременно П. Алексюк от имени правительства выслал депешу на имя Ю. Пилсудского[37].

Попытку фактически узурпировать роль белорусского правительства сам П. Алексюк был склонен рассматривать исключительно как следствие внутренних противоречий. «С расширением дела и потребности борьбы с Савинковым, — объяснял он позднее, — пришлось объявить Балаховича начальником государства, которому поручалось созвать временное белорусское правительство. Савинков обманом повел дальше дело, а потому после конфиденциальных переговоров пришлось объявить так называемое мозырское правительство... Это правительство заключило союз с Польшей...»[38]

Необходимо отметить, что Белорусский политический комитет попытался создать основу местной администрации. Начальником Мозырского уезда стал Алексей Хлебович, Туровской волости — Яков Швед, старостой в Турове — Владимир Вечерко. Кроме того, был утвержден состав мозырского магистрата

36. Латышонак А. Жаўнеры БНР... С. 158–159.
37. «В этот самый праздничный в истории день, — говорилось в ней, — когда сбылись мечты ее лучших сыновей — ведь славная “Погоня” вьется над первым свободным городом Независимого Белорусского Государства Мозырем, в день, когда Политический комитет, будучи верным голосу Белорусского Народа, призвал к жизни Первое Правительство Независимой Беларуси, Комитет шлет Тебе, Глава братской нам Речи Посполитой, тебе, Маршал победоносной польской армии, Тебе, воин за свободу народов, Тебе, сыну нашей земли... свои горячие слова признания и благодарности, будучи глубоко убежден, что твой великий лозунг — Свободный со свободными — равный с равными, будет объединять два братских народа, возрождая славные события прошлого...»: Instytut Józefa Piłsudskiego w Ameryce (IJP). Zespół: Adiutantura Generalna Naczelnego Wódza. Teczka 701/2/32. K. 240). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pilsudski.org/archiwa/teczka.php?nonav=0&nrar=701&nrzesp=2&sygn=39. Дата доступа: 22.02.2016.
38. LCVA. F. 22. Ap. 1. B. 56. L. 26 ap.

во главе с бургомистром А. Скворцовым (при этом как минимум половину членов магистрата составляли местные евреи). Официальными языками в делопроизводстве объявлялись белорусский, польский и еврейский. В самом Мозыре Политический комитет успел издать оповещение о регистрации всех специалистов. Было объявлено о восстановлении почтового движения между Туровом и местными деревнями, а также предприняты шаги по обеспечению минимального общественного порядка (следственный судья получил полномочия на рассмотрение вопроса о насилии над гражданским населением со стороны армии, вышло распоряжение о взаимодействии между отрядами местной милиции и военными патрулями). На страницах газеты «Звястун» печатается воззвание «К жителям края» и обращение к еврейскому населению, в котором Комитет призывал к общей работе во имя Беларуси и обещал привлечь к ответственности всех виновных в «эксцессах». Кроме того, Комитет пытался распространить свое влияние на Слуцкий уезд[39].

Бросается в глаза общее сходство между так называемым «бунтом» генерала Л. Желиговского, который накануне провозгласил создание самостоятельного государства «Срединная Литва», и полесским походом генерала С. Балаховича. Любопытно, что сами большевики вполне предвидели нечто подобное. Еще за месяц до начала боевых действий Карл Радек предостерегал от возможного признания независимости Белорусской республики. С его точки зрения, это могло привести к тому, что «рубака Булак-Балахович в качестве белорусского партизана», поддержанный Л. Желиговским, сместит большевистское правительство в Минске и установит там «балаховичско-демократическую» Беларусь[40].

Неудивительно, что остальные белорусские организации встретили новое правительство БНР достаточно настороженно и даже враждебно. Так, Наивысшая Рада заявила, что вы-

39. AAN. TSK. T. 99. K. 8–14; Латышонак А. Жаўнеры БНР... С. 153.
40. Правда, сам же К. Радек находил этот план в данных обстоятельствах «невыполнимым»: Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. I. Ч. 2. С. 201–202.

ступление генерала С. Балаховича под белорусским флагом «...ведется им на личный страх и ответственность», отношение же к нему самому будет зависеть от связи генерала с «польскими и великороссийскими черносотенцами». Еще более острым оказалось заявление белорусского пресс-бюро, в котором отмечалось, что деятельность самозванных «представителей независимой Беларуси», приглашающих от имени народа «доблестную российскую армию», не имеет ничего общего собственно с белорусским обществом[41].

Тем временем Русская народная добровольческая армия попыталась продолжить наступление на восток, в направлении Гомеля. При этом часть ее сил была направлена на северо-восток для захвата белорусских территорий, тогда как так называемая Крестьянская бригада, рассчитывая поднять крестьянское восстание на Украине, продвигалась на юго-восток, в направлении Киева[42]. Благодаря разделу сил большевикам удалось организовать контрнаступление и полностью разбить противника. Остатки армии генерала С. Балаховича, неся тяжелые потери, перешли демаркационную линию и были разоружены польскими войсками. 30 ноября границу перешел сам генерал — он был ранен, но, несмотря на это, вместе с Белорусским политическим комитетом немедленно отбыл в Варшаву[43].

Одним из итогов полесского похода стало то, что большевики «заморозили» собственный белорусский проект, чтобы

41. Przymierze. 14.11.1920. № 14. S. 16.
42. Боевые действия Русской народной добровольческой армии в ноябре 1920 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demidovtsev.ru/11612.
43. Последними демаркационную линию перешли партизанский полк Вознесенского и остатки смоленского полка, всего около 2 тыс. человек. Часть отделов, однако, оставалась еще некоторое время на нейтральной территории. Всего в лагере в Лунинце было интернировано 884 офицера и 6936 солдат из армии генерала Булак-Балаховича, большую часть которых позже отправляли по железной дороге в Калиш. При этом, согласно донесениям польских офицеров, «при сдаче оружия часто случались оскорбления по отношению к солдатам и офицерам Балаховича». Пользуясь случаем, польские военные старались поживиться, отбирая у бывших товарищей по оружию... награбленное: Cabanowski M. Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz, ostatni kmicic II RP I wyklęci żołnierzy wojny polsko-sowieckiej 1920 r. Mireki b.m.w., 2013. S. 116–120.

не создавать «приманки для Балаховича». На самом деле ситуация была драматической. 11 ноября 1920 г. на заседании ЦБ КП(б)Б рассматривался вопрос о границах Советской Беларуси: увеличить ее, присоединив к ней восточные уезды, или... ликвидировать вообще, чтобы тем самым лишить влияния противников советской власти, прежде всего генерала С. Балаховича. Мнения разделились. А. Червяков, выступая, отметил, что, согласно его наблюдениям, «...Польша вовсе не интересуется Беларусью. О Беларуси она начинает говорить только тогда, когда о ней начинает высказываться Советская Россия». В результате дискуссии было решено оставить все без изменений: республику не ликвидировать, однако и не увеличивать ее территорию[44].

Еще одним символом борьбы за независимость Беларуси, которого до сих пор так не хватало в истории БНР, становится вооруженное выступление в Слуцке — Слуцкое восстание[45]. Как писала в этой связи газета «Наша ніва»: «...Случчина уже не первый раз берется за оружие... Сейчас же здесь широкой волной разлилось народное восстание, которое имеет своих вождей, находится в единстве с белорусскими политическими центрами и сознательно поднимает знамя независимости Белорусской Народной Республики»[46].

Слуцкое восстание давно стало частью белорусского национального канона[47]. Это не отменяет факта, что само восстание представляет собой череду спонтанных, полных внутреннего драматизма событий. По условиям прелиминарного договора Слуцкий уезд должен был достаться Советской России, тогда как сам город временно оказался занят поляками. Картина чем-то напоминала обстоятельства, которые сложились почти двумя годами ранее в Гродно: грядущая смена власти и присут-

44. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 1. Ч. 2. С. 229–230, 235; Там же. Т. 2. С. 54–55.
45. Стужынская Н. Беларусь мяцежная... С. 85, 91–105; Стужынская Н. Зялёны дуб // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 3. С. 458.
46. Сама газета выходила всего несколько недель и была попыткой возобновить прерванную традицию: Наша ніва. 22.11.1920. № 5. С. 2.
47. Подробнее на эту тему см.: Грыцкевіч А. Выбранае. С. 445–466.

ствие вооруженных формирований (в окрестностях Слуцка насчитывалось до 5 тыс. дезертиров) породили политическую активность местных белорусских организаций. Это привело к парадоксальной ситуации: белорусские эсеры, которые еще весной 1920 г. готовили вооруженное восстание в тылу польской армии, теперь неожиданно оказались в эпицентре антисоветской борьбы.

Чтобы противостоять давлению со стороны сторонников генерала С. Балаховича, которые собирались превратить Слуцк в свою базу, глава местного Белорусского национального комитета Павел Жаврид отправляется на переговоры к Наивысшей Раде. В результате Рада выдвинула собственный проект восстания (он, кроме прочего, предусматривал сотрудничество с некоторыми из польских крупных землевладельцев, чьи имения после подписания мира оказались по ту сторону новой границы). В ответ «полонофилы» проводят перевыборы комитета и выдвигают требование заключить договор с С. Балаховичем и начать формирование вооруженных отделов.

Тем временем польское командование, прежде чем оставить Слуцк, передает в руки комитета местное управление. 14–15 ноября 1920 г. проходит так называемый съезд Случчины, на который собралось более сотни делегатов. Внезапное появление на съезде представителей генерала С. Балаховича привело к тому, что эсеры с целью помешать своим противникам и вопреки предыдущим планам были вынуждены выступить от имени Наивысшей Рады. Кроме того, эсеры сорвали провозглашение независимой Слуцкой республики, что позволило бы польской стороне потребовать пересмотра условий перемирия (не случайно как раз в это время на польско-советских переговорах поднимался вопрос о возможности обмена Слуцка на так называемый «польский коридор»[48]).

В. Прокулевич, выступая от имени Слуцкого Белорусского национального комитета, заявил, что Случчина является неразделной частью БНР, а потому вмешательство в ее жизнь

48. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 1. Ч. 2. С. 239.

посторонних сил — С. Балаховича, Б. Савинкова, Политического комитета — недопустимо. Съезд избрал Раду Случчины, которой передал власть на территории уезда и поручил начать организацию вооруженных частей. На короткое время роль антисоветского центра переходит к группе, связанной с Наивысшей Радой. При этом «полонофилы» по-прежнему настаивали на формировании отделов для армии Балаховича, тогда как эсеры старались всячески этому противодействовать, желая избежать столкновения с большевиками.

Главным ядром созданной Слуцкой бригады стала местная народная милиция, насчитывавшая до пятисот человек. 21 ноября Рада Случчины выступила с декларацией, в которой призвала к «борьбе за независимость Беларуси в ее этнографических границах». Однако уже спустя три дня, когда польская армия согласно договору оставила Слуцк, Рада вынуждена была эвакуироваться в нейтральную зону.

Штаб бригады временно разместился в местечке Семежево. Сюда же прибыл в качестве представителя Наивысшей Рады К. Терещенко. А. Смолич вспоминал, как тот «с несказанным счастьем и гордостью» писал с фронта своим друзьям о «первой народной белорусской армии», которую ему довелось увидеть. Не имея реальных возможностей помочь, К. Терещенко даже расплакался при виде марширующих солдат[49]. На протяжении месяца бригада оставалась в нейтральной полосе, периодически вступая в столкновения с передовыми отрядами большевиков. Наиболее значительные бои состоялись в районе Визно (2–3 и 17–19 ноября) и Семежево (7, 12 и 20 ноября).

Несмотря на критическую ситуацию, руководители Слуцкой Рады в очередной раз отвергли предложение о сотрудничестве со стороны балаховцев. Более того, воспользовавшись случаем, эсеры арестовали командующего 1-го Слуцкого полка П. Чайку и сменили руководство бригадой. Тогда же Наивысшая Рада издала приказ о назначении майора Андрея Яку-

49. Будзіловіч Л. Памяці Кузьмы Тарэшчанкі... С. 2.

бецкого «главнокомандующим армией БНР». Правда, к этому моменту Рада Случчины была вынуждена оставить Семежево и отступить на юг. Вскоре остатки бригады перешли границу и были интернированы поляками[50].

Новый 1921 год генерал Балахович начал с того, что официально «сверг» правительство БНР. «Из всех правительств, именующих себя белорусскими... — говорилось в опубликованной от его имени декларации, — будет признано то, которое опирается на белорусское крестьянство, вместе с ним работает на независимость и вместе с народом делит его тяжелую долю. Те, кто считает себя белорусским правительством, однако... являются только правительством на бумаге, разъезжают за границей, не имеют ничего общего с белорусским народом, тормозят дело освобождения родины из-под большевистского ига, объявляются врагами белорусского народа...» В ответ Слуцкая Рада в лице В. Прокулевича, Б. Русака, С. Бусела и др. принимает резолюцию, в которой объявляет генерала С. Балаховича «авантюристом»[51].

1 февраля в Варшаве на тайном собрании представителями Белорусского политического комитета и организации «Зеленого дуба» было решено продолжить партизанскую войну против большевиков под руководством Балаховича. Спустя еще два дня П. Алексюк и В. Адамович встречаются с представителями Наивысшей Рады — А. Власовым и Б. Тарашкевичем. Последний среди прочего высказал идею о «необходимости объединения всех направлений белорусской политической мысли», с целью создания нового правительства[52].

50. Слуцкі збройны чын у дакумэнтах і ўспамінах. С. 180; Коўкель І. «Слуцкае паўстанне» і адносіны да яго польскіх вайсковых уладаў і беларускіх палітычных партый і арганізацый // Шлях да ўзаемнасці: матэрыялы XII Міжнар. навук. канф. (Гродна, 11–12 лістапада 2004 г.). Гродна, 2006. С. 157–173.

51. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1015–1016; 1025–1026; Instytut Józefa Piłsudskiego w Ameryce (IJP). Zespół: Adiutantura Generalna Naczelnego Wódza. Teczka 701/2/33, k. 564–566 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pilsudski.org/archiwa/dokument.php?nonav=1&nrar=701&nrzesp=2&sygn=33&handle=701.180/7640. Дата доступа: 02.11.2016.

52. Одним из шагов в этом направлении стало создание так называемых

А вскоре в Варшаву прибывает министр иностранных дел и руководитель парижской миссии БНР Е. Ладнов. Именно ему предстояло стать главным действующим лицом в новой политической комбинации. Еще в конце 1920 г. Е. Ладнов вступает в переговоры с представителями Российского политического комитета — Д. Философовым и полковником Нехлюдовым и вместе с еще одним членом делегации — генералом П. Вентом начинает искать сближения с Польшей[53].

Приехав в марте из Варшавы в Вильно, Е. Ладнов легко сумел убедить местных деятелей в необходимости создания единого координационного центра белорусского движения, который бы оттянул часть белорусов из-под влияния Германии и Советской России[54]. А. Луцкевич позже так описал эти события: «В это-то время... вдруг явился в Вильно полковник Ладнов... Он навестил меня и целый ряд местных виленских деятелей и объявил, что хочет поделиться с нами чрезвычайно важными впечатлениями. По его просьбе собралась группа более активных белорусов (Яремич, кс. Станкевич, Тарашкевич, Каханович, Горецкий...), где Ладнов и выложил свои сенсации. Необходимо ответить, что он обладает какой-то особенной способностью завораживать и убеждать людей: в первый момент ему трудно даже что-либо возразить, так действует он на слушателей. И вот он рассказал нам, что, работая с "прави-

«белорусских рабочих дружин». Кроме прочего они использовались с целью организации диверсионных групп для переброски на территорию Советской России. Согласно польским данным, на начало февраля 1921 г. их численность достигала около 1,5 тыс. чел. Правда, почти сразу с подписанием Рижского мира их личный состав сократился до 600 человек, а уже в конце апреля дружины и вовсе были ликвидированы: CAW. II oddzial Szt. Gen. Syg. I.303.4.5169; Латышонак А. Жаўнеры БНР... С. 207.

53. «Вент... — сообщал в своем рапорте в Ковно один из сотрудников белорусской делегации в Париже капитан Каховский, — прямо стал говорить при мне и Ладнове, что нужно... начать дела с Польшей, где у него есть связи через друга его генерала Желиговского, и что он берется это дело устроить... На это полковник Ладнов стал при мне расспрашивать Вента, действительно ли поляки дадут деньги и как бы было хорошо это осуществить... Вскоре от разговоров о сближении с Польшей стали переходить к делу»: LCVA. F. 382. Ap. 7. B. 119. L. 51 ap.–52.
54. LMAVB. F. 21. Vnt. 305. L. 3 ap.

тельством" Ластовского, разоблачил, что последнее является попросту польской агентурой...»[55]

В результате 17 апреля 1921 г. был создан Белорусский государственный комитет («Беларускі дзяржаўны камітэт») во главе с А. Луцкевичем. Главными целями его деятельности должны были стать создание «белорусской вооруженной силы» и «подготовка государственно-административного аппарата». Наивысшая Рада делегировала комитету свои полномочия главного представительного органа, после чего Государственный Комитет фактически принимал функции... Рады Республики. Вслед за этим комитет уполномочил непосредственно Е. Ладнова подписать договор о взаимодействии с генералом С. Балаховичем. Фактически это был возврат к идее «белорусского Пьемонта»[56].

Скорее всего, виленские белорусы догадывались, что за Е. Ладновым в реальности стоит польская разведка. Вот как описывал создание Комитета К. Терещенко: «Поручик Блонский, офицер II отдела... заявил, что хочет по очень важному делу переговорить с белорусами. Говорил я и Смолич. Он передал, что Главное командование с удовольствием будет поддерживать белорусов в их борьбе с большевиками, но для большей пользы нужно объединить белорусские антибольшевистские группы. Главное командование советует пересмотреть наше отношение к Балаховичу и идти вместе с ним как с человеком очень способным. Предложил организовать отдельный комитет, который смог бы получить от французов поддержку как деньгами, так и оружием. При этом добавлял, что французы без ума от Балаховича и что если они и будут с кем-то говорить из белорусов, то только с ним»[57].

«К лету 1921 г. относится создание по почину приехавшего из Парижа Ладнова законспирированного центра под названием Белорусский государственный комитет (т. е. имеющий целью создание белорусского государства), — отмечал позже

55. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 244.
56. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1081–1082.
57. Цярэшчанка К. Мой удзел у беларускім руху... С. 89.

в своих показаниях Б. Тарашкевич, один из активных создателей новой организации. — В состав этого комитета вошли Луцкевич, Ладнов, Дубейковский, ксендз Адам Станкевич, Янка Станкевич, Смолич, Горецкий, Рак и я. Комитет просуществовал всего три или четыре месяца, а Рак-Михайловский и М. Горецкий вышли из него всего после нескольких его заседаний по причинам принципиального политического характера. Вслед за ними вышел и Смолич... Первой целью Ладнова было заручиться согласием белорусских деятелей на "федералистические" планы Пилсудского в деле разрешения виленского вопроса. Пилсудчики, вступившие с Белорусским державным комитетом в переговоры — Ян Пилсудский, полковник Мацеша, Каден-Бондаровский, Косцялковский, — заверяли, что Пилсудский имеет твердое намерение разрешить виленский вопрос в смысле автономно-федеративном с краевым сеймом в Вильно, правительством и армией; что в эту автономную единицу будут включены все белорусские земли, находящиеся в Польше в границах рижского трактата. Говорилось и о военных перспективах в связи с возможностью "распада" советской власти и анархии в России, причем повторялось мнение, якобы самого Пилсудского, что Польша может успешно повести войну с Россией только в случае внутренней анархии, в результате падения советской власти или в результате возможности войны с Японией или Англией. Говорилось, что Пилсудский сочувственно относится к созданию белорусских военных кадров, но в мирное время, не будучи главнокомандующим, он ограничен сеймом и может это допустить только на территории Срединной Литвы (где и существовал белорусский отряд во главе с полковником Гапановичем). При этом (очевидно, по поручению самого Пилсудского) настоятельно советовалось войти в соглашение с Балаховичем и заручиться его участием в белорусском командовании на случай войны...»[58]

Из Вильно Е. Ладнов вновь возвращается в Варшаву, а оттуда едет в Прагу, где встречается с А. Цвикевичем, Н. Вершини-

58. Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча... С. 51–53.

ным и П. Вентом, и — снова в Париж. При этом он постоянно поддерживает связь с Государственным комитетом[59]. Однако, прежде чем Е. Ладнов успел добраться до Франции, виленские белорусы в очередной раз кардинально изменили свои взгляды. Государственный комитет был полностью ликвидирован, его протокол сожжен, а сам Е. Ладнов объявлен предателем и польским агентом.

А. Луцкевич, описывая роспуск Государственного комитета в своих показаниях, вспоминал: «Имея за собой поддержку только что созданного конспиративного комитета, Е. Ладнов уехал в Варшаву, откуда обещал информировать нас о дальнейших своих шагах. Вскоре после его отъезда до нас дошли новые, не менее сенсационные сообщения, на этот раз уже касающиеся самого Ладнова. Выходило, что действовал он как агент французской разведки, как таковой приехал в Варшаву и сразу же связался тут со вторым отделом, что в его планы входило использовать известного бандита Балаховича как "белоруса" и начать вооруженную акцию против Советской власти. По выяснении этого протокол "государственного комитета" был торжественно предан сожжению, а самый комитет совершенно ликвидирован...» Б. Тарашкевич видел произошедшее немного иначе: «К тому времени от заграничных белорусских групп были получены сведения об агентурно-провокационном характере деятельности Ладнова, и хотя Луцкевич все еще этому не верил, все-таки Белорусский государственный комитет был сразу ликвидирован»[60].

8 мая 1921 г. Е. Ладнов был исключен из состава правительства БНР и белорусской делегации во Франции. Когда он наконец вернулся в Париж, там его уже ожидало распоряжение В. Ластовского сдать все дела делегации на руки генералу Киприану Кондратовичу[61].

59. AAN. TSK. T. 99. K. 31–35.
60. LMAVB. F. 21. Vnt. 305. L. 3 ap.; Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху... С. 244–245; Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча... С. 51–53.
61. Еще не до конца сориентировавшись в ситуации, Е. Ладнов пишет письма членам Государственного комитета в Вильно с призывом прислать представителей во Францию, с тем чтобы создать свою собственную де-

Одновременно президиум Рады БНР выступил с требованием: Белорусский политический комитет, который «был результатом раздора и вредной работы полонофильской группы», вместе с Наивысшей Радой «тотчас должны сложить свои полномочия и пойти на совместную работу с правительством». «Пора наконец понять, — говорилось в открытом письме Рады к “группе Пяти”, — что те нищенские копейки на культурно-просветительную работу, которые давала белорусам Польша с этих же крестьянских денег — без признания Правительства и территорий, не должны быть помехой в борьбе против нее за государственную независимость и неделимость Беларуси»[62]. «Ни Балаховичем, ни Савинковым мы себя не подопрем, а дело свое погубить можем, — заканчивалось обращение. — Уже несколько раз телеграммами в Ригу отдельные члены “Пяти” приветствовали работу Правительства Ластовского на благо белорусской государственности. Если это искреннее убеждение, а не политиканство, то надо найти в себе смелость, чтобы сказать это открыто всему миру и порвать всякую связь с поляками...»[63]

В апреле 1921 г. М. Коханович писал из Вильно: «Наи[высшая] Рада — ноль. Нужно вести свою собственную линию на-

легацию. «Таким образом сохранится наша старая фирма, — писал он, — которая пользуется симпатиями и доверием в правительственных и парламентских кругах, сохранится преемственность и значение делегации». Еще какое-то время казалось, что возникший конфликт между Е. Ладновым и кабинетом В. Ластовского можно разрешить. «Получил сегодня Ваше письмо о Ладнове, — писал осенью 1921 г. К. Езовитов, обращаясь к В. Ластовскому. — Успокоим его. А может он и выступать не станет, если сперва с ним как следует поговорить...» На политической конференции в Праге в октябре 1921 г. была создана специальная комиссия, которая рассмотрела обвинения Е. Ладнова о сотрудничестве правительства В. Ластовского с Германией и полностью их отвергла. Позже Е. Ладнов присоединяется к так называемому «полонофильскому» крылу белорусского движения, фактически возглавив Белорусский комитет в Варшаве: LCVA. F. 22. Ap. 1. B. 42. L. 6; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1215, 1228; Ляхоўскі У. Беларускі камітэт у Варшаве // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6. Кн. 2. С. 337.

62. От имени президиума Рады Республики письмо подписали П. Кречевский, В. Захарко и К. Дуж-Душевский: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1046.
63. LMAVB. F. 21. V. 2058. L. 1–3.

пролом — вместе с литовцами, как бы мало они нам ни сулили. Все равно мы свое возьмем — но только вместе с литовцами и против п[оляко]в»[64]. Наконец, 10 июля С. Рак-Михайловский и К. Терещенко выступили с открытым письмом на имя Б. Тарашкевича, в котором объявили о фактической ликвидации Наивысшей Рады[65]. Позднее два наиболее активных члена Рады — А. Смолич и тот же К. Терещенко — и вовсе перебираются в Минск.

Рижский мирный договор 1921 г. фактически предрешил дальнейшую судьбу не только Белорусской Народной Республики, но и тех, кто выступал от ее имени. И все же он задал новое направление как в истории БНР, так и в развитии всего белорусского национального движения[66]. Польский историк Станислав Цат-Мицкевич так оценивал главный итог подписанного в Риге мира: «Украинский и белорусский национализм больше нельзя было использовать для расчленения России, зато теперь они служили для ослабления Польши»[67].

В этой ситуации инициатива постепенно переходит в руки правительства Вацлава Ластовского, которое теперь единолично начинает выступать от имени БНР.

64. «Сначала, — читаем в показаниях В. Ластовского, — связь с Виленской группой осуществлялась через Красковского, позднее через Биржишко и впоследствии, после вхождения белорусских послов в польский сейм, непосредственно с послами периодическими съездами в Данциге». Цит. по: Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 303.
65. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1148.
66. Тихомиров А. В. Фактор Беларуси в процессе советско-польского мирного урегулирования 1920–1921 гг. // Российские и славянские исследования. Вып. 3. Минск, 2008. С. 99.
67. Там же. С. 100.

ГЛАВА 9

Свершить невозможное: правительство Вацлава Ластовского

В самом конце 1920 г., накануне конференции Лиги Наций, произошел малозначительный на первый взгляд, но очень показательный инцидент. Нанятый прибывшим в Женеву премьер-министром Белорусской Народной Республики Вацлавом Ластовским переводчик Жак Дикер — еврей с Витебщины, более тридцати лет проживший в Швейцарии, — внезапно запротестовал, когда речь зашла о переводе названия страны, которую представляла делегация. «Многоуважаемый г-н Ластовский, — писал он с плохо скрываемым раздражением в своей записке. — Меня очень удивляет Ваше замечание; хотя я хорошо знаю русский язык, я не могу уловить разницы между “Белая Россия” и “Беларусь”; при переводе создавать несуществующих слов я не могу, но полагаю, что Вы можете это легко поправить, сделав этим самым текст малопонятным для французов»[1]. В итоге название страны перевели как «La Rèpublique Dèmocratique de Bèlarus (Russie(-Ruthènie)-Blanche». Фактически за «несуществующим» словом скрывалось куда более важное — новая реальность, которая с трудом прорывалась на политическую карту послевоенной Европы.

Пройдет еще несколько лет, и в начале февраля 1924 г. К. Езовитов, обращаясь к уже бывшему премьеру БНР В. Ластовскому, напишет: «Высокоуважаемый Вацлав Юстинович! У меня к Вам просьба! Характер ее Вам может показаться немного несерьезным, но я высказываю ее на полном серьезе. Вы помните

1. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 971–972.

мое кольцо, которое я ношу на указательном пальце левой руки. Кольцо — золотое с выгравированным на нем рисунком Погони, под которой изображен сноп жита, а на нем перекрещенные коса и грабли. Вокруг обоих рисунков буквы: “1 Н.С.Б.Н.Р.” (Первый Народный секретариат Белорускoй Народной Республики). Часто меня спрашивают про это кольцо. Так я хочу, чтобы мне оно было “пожаловано” как Первому Военному Белорусскому Министру на память о работе, и пожаловано Правительством Беларуси. Когда я думал, “какое Правительство” и “кто” должен подписать мне эту грамоту, то, перебрав всех, с кем я работал, остановился на Вашей особе. От Вас хочу его получить. От Вас и буду носить его дальше с уважением и добрыми воспоминаниями о прошлом сотрудничестве...»[2]

В. Ластовский родился в католической семье. На момент провозглашения независимости Беларуси ему было тридцать пять. Свое социальное происхождение будущий глава БНР описал в нескольких словах: «Мой отец — земледелец, дед — кузнец, а прадед — бортник». На самом деле его семья имела шляхетские корни. После приходской школы ему пришлось работать в виленской винной лавке, библиотекарем в частной студенческой библиотеке в Петербурге, конторщиком товарной железной дороги в Риге. Одновременно он активно занимается самообразованием. Польский социалист, позже перешел на позиции христианских демократов. Первый брак со старшей почти на десять лет Марией Иванаускайте свел его с литовским национальным возрождением, белорусским же движением он начинает активно заниматься после переезда из Риги в Вильно[3].

В. Ластовский был автором «Кароткай гісторыі Беларусі» — первой работы, написанной с позиций белорусского национализма[4]. Редактор белорусских изданий, во время Первой ми-

2. Там же. С. 1502.
3. Янушкевіч Я. Неадменны сакратар Адраджэння: Вацлаў Ластоўскі. Мінск, 1995. С. 7, 10–14.
4. Как отмечает В. Акудович, Вацлав Ластовский первым попытался представить белорусское прошлое в возвышенно-героической форме и тем самым уйти от образа «народа-жертвы», вечно угнетаемого своими соседя-

ровой войны он являлся фактическим владельцем виленской «Беларускай кнігарні» и Белорусского издательского товарищества. С его именем также связывают создание еще весной 1916 г. «Сувязі незалежнасці і непадзельнасці Беларусі» — организации, которая первой провозгласила борьбу за суверенитет Беларуси в ее этнографических границах[5]. Член Виленской белорусской рады, в конце 1918 г. был кооптирован в состав Рады БНР. Тогда же возглавил белорусское представительство при литовской Тарибе. Исполнял функции белорусского атташе при литовском посольстве в Берлине. После временного охлаждения белорусско-литовских отношений осенью 1919 г. В. Ластовский возвращается в Вильно, где становится секретарем Центральной белорусской рады Виленщины и Гродненщины и вступает в партию белорусских эсеров[6]. Во многом к расколу Рады привел его личный конфликт с А. Луцкевичем, берущий свое начало еще со времени издания «Гомана»[7].

Подписание прелиминарного советско-польского договора в октябре 1920 г. стало настоящей катастрофой для правительства В. Ластовского. Кроме того, неудачей закончилась поездка в Берлин И. Воронко, который накануне был назначен послом БНР в Германии, — немецкая сторона просто не приняла его доверительные грамоты[8]. Рада министров БНР и вовсе вы-

ми: Акудовіч В. Код адсутнасці... С. 80; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 30.

5. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка... С. 123.
6. Зубко В. «Curriculum vitae» В. Ластоўскага і Т. Грыба // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 3. С. 62–71.
7. Позднее Ю. Менке писала о болезненных амбициях В. Ластовского и его ревности по отношению к братьям Луцкевичам и той роли, которую они играли в белорусском национальном движении: Вітан-Дубейкаўская Ю. Мае ўспаміны... С. 55.
8. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 156. На невозможность полноценного признания Белорусской Народной Республики в инструкции дипломатическим представителям своей страны указывал министр иностранных дел Германии доктор Симонс. Он писал: «...Что касается белорусов, хотелось бы отметить следующее: они с весны 1919 г. содержат в Берлине делегацию и неоднократно требовали от Министерства иностранных дел признания де-юре и финансовой поддержки. На это им был дан ответ, что мы придерживаемся принципа права народов на самоопределение и с симпатией относимся к самостоятельной Беларуси. Это и мог-

нуждена была срочно покинуть Ригу, где до этого находилась, в связи с условиями советско-латвийского мирного договора. Правительство оказалось не только без места, но и полностью лишенным средств, в связи с чем в очередной раз встал вопрос о его дальнейшем существовании. «Ни у кого нет денег, — писал В. Ластовский. — Я уже распродал все, что только можно продать. Дальше тянуть лямку нет ни сил, ни возможности. Когда последнюю вещь продам и потрачу последние деньги — взяв в руки палку, пойду на родину...» Ему вторил В. Захарко: «Мы дошли, можно сказать, до точки. Дальше абсолютно жить не на что. Уже только одна эта причина должна растрясти наши силы. Каждый пойдет сам по себе. Думаю, что большинство отправится домой, на восток...»[9]

И вдруг месяц спустя вместо окончательной ликвидации правительство БНР подписывает секретное соглашение с Литвой о взаимной поддержке в борьбе за оккупированные Польшей территории. Сам В. Ластовский так описывал обстоятельства, которые предшествовали этому: «Когда конференция устранила БНР от переговоров, заговорили о ликвидации БНР. Я просил Мамонько узнать, можно ли будет мне возвратиться в БССР. Он принес ответ удовлетворительный. К этому времени у меня с женой, тогда еще не зарегистрированной женой, начались недоразумения: она изнервничалась квартирными условиями, отношениями и безнадежной перспективой в будущем, пошли легкие ссоры, и она решила ехать в БССР. Но предварительно зашли к Червякову узнать, можно ли ехать и получит ли она в Минске свою профессиональную учитель-

ло бы стать подтверждением наших симпатий, но постановления Парижского мирного договора предписывают нам определенные ограничения; мы не можем признать Беларусь де-юре, прежде чем это сделают страны Антанты. Разумеется, мы признаем Беларусь де-факто, пока данное белорусское правительство находится за пределами края и лишено всего того, что необходимо для функционирования органов государственного управления». Резюмируя, министр требовал, чтобы сотрудники дипломатических представительств обращали внимание белорусов на то, что контакты с ними могут иметь только неофициальный характер: Тихомиров А. Проблемы белорусско-германских отношений...

9. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 873.

скую работу. Червяков ответил удовлетворительно. Я продал свои часы и еще кое-что из ценных мелочей, и за эти деньги она уехала. Я же после ликвидации БНР должен был последовать за ней. В это время появился в Риге Корчинский, зашел он случайно, будто бы посмотреть миссию, но завел разговор о том, что белорусам, БНР не следует чуждаться Литвы, что нужно соединить силы для общей борьбы с поляками и т. п. Говорил я с Корчинским и свое отношение к полякам высказывал определенно. Корчинский уехал с какими-то литвинами, с которыми приехал. Но через несколько дней поступило предложение литовцев повести переговоры. К этому времени Цвикевич получил средства на ликвидацию БНР от латышей...»[10]

Судя по всему, белорусская делегация получила предложение начать переговоры о сотрудничестве со стороны Литвы сразу после занятия поляками Вильно. Возможно, что инициатором сближения стал И. Воронко, а роль посредника первоначально досталась отцу Иоанну Корчинскому, который в середине октября 1920 г. приехал из Ковно в Ригу[11]. Как только

10. Справа Вацлава Ластоўскага. С. 231.
11. Активный российский религиозно-общественный деятель в Гродно И. Корчинский еще накануне Первой мировой войны выступал последовательным противником расширения польского влияния на территории Гродненщины. Будучи протоиереем Борисоглебского монастыря (позже — настоятелем Софийского собора) и членом правления Гродненского Софийского православного братства, он являлся одним из инициаторов создания церковно-археологического музея, принимал участие в выборах в Думу и в депутации к императору. Уже позже, во время своей эвакуации в Москве, он служил при местных церквах, принимал участие в Поместном соборе. Настоящий перелом произошел с его возвращением летом 1918 г. обратно в Гродно, который все еще оставался под немецкой оккупацией. Польские источники сохранили эпизод, когда православный священник, бывший долгие годы членом археологического общества, теперь сам уничтожил мраморную доску с латинской надписью в храме, чтобы только оспорить права на него со стороны католиков. Не удивительно, что вскоре после вступления в город польской армии И. Корчинский был арестован. Он даже был вынужден обратиться с просьбой об освобождении к Начальнику Польского государства Ю. Пилсудскому, заверив его в своей лояльности новой власти. Но уже в конце 1920 г. И. Корчинский — православный капеллан при белорусском батальоне в Литве: Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 169; Горны А. Святар, гісторык, патрыёт: старонкі жыцця і творчасці протаіерэя Івана Карчынскага // Гродненские епархиальные ведомости. 2012. № 3. С. 17–19.

литовское правительство отправило официальное сообщение о своей готовности приступить к переговорам, В. Ластовский, А. Цвикевич и А. Овсяник срочно отправились из Риги в Ковно. Уже на месте к белорусской делегации присоединился И. Воронко[12].

По условиям договора, подписанного 11 ноября 1920 г., белорусская сторона обещала «приложить все усилия, чтобы жители-белорусы тех мест, где должен пройти плебисцит между Литвой и Польшей, отдали свой голос в пользу Литвы», а также давала согласие на то, чтобы «все его (правительства БНР. — *А. Ч.*) военные формирования, созданные на литовской территории, были использованы Литовской демократической республикой для ее защиты. Взамен правительство В. Ластовского имело право находиться на территории Литвы. Кроме того, литовская сторона обязалась помочь белорусам в получении заграничного займа на свою деятельность»[13].

12. С литовской стороны в переговорах приняли участие Б. Балцис, В. Чарнецкас, П. Климас, С. Розенбаум, Ю. Шаулис и Д. Семашко. Сами переговоры проходили в зале Совета Министров Литвы. Однако, как отмечает Т. Блашчак, делегации не имели равного статуса. Если со стороны БНР в переговорах участвовали премьер-министр, министр юстиции и члены Рады, то с литовской — вице-министр иностранных дел, директора департаментов и послы Сейма: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 944–946, 953–954; Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 303; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 169–171; Гімжаўскас Э. Беларускі фактар пры фармаванні Літоўскай дзяржавы... С. 156–164.
13. Планы самих белорусов шли еще дальше. «Правительство БНР соглашается, — говорилось в проекте дополнений к договору между Литвой и БНР, — чтобы все его военные формирования, произведенные на литовской территории, были использованы правительством Литовской демократической республики для обороны последней. О порядке исполнения сего параграфа договора между сторонами имеется особое соглашение. Проект особого соглашения: правительство Белоруссии обязывается немедленно приступить к формированию белорусской национальной армии как путем добровольного набора, так и путем мобилизации своих граждан на территории Литвы и освобождаемых частях собственной территории. Правительство Белоруссии обязывается подчинить свои войска в оперативном отношении Главному штабу литовской армии, в состав которого должны войти представители министерства обороны Белоруссии. Снабжение белорусской армии, экипировка и полное содержание относятся на счет казны Литовской республики до момента вступления белорусской армии на собственную территорию. Белорусская армия постепенно, по мере занятия ею собственной территории переходит на содержание каз-

Учитывая, однако, финансовое состояние Рады министров БНР, уже 13 ноября 1920 г. появилось дополнительное соглашение, которым предусматривалась выдача правительству БНР кредита для деятельности на территории Виленщины и Гродненщины в размере 1 млн немецких марок[14].

Само соглашение было настолько же неожиданным, насколько и многообещающим. «Граждане!.. — говорилось в составленной по горячим следам записке В. Ластовского. — Делегация БНР и делегация Литовской демократической республики торжественно подписали в Ковно союзнический договор на почве взаимного признания и поддержки с целью борьбы с польским насилием. Акт скреплен подписями делегаций и государственными печатями обеих сторон. С этого дня в Ковно будет работать наше правомочное представительство, а правительство будет иметь официальную базу в Литве.

Из этого следует: 1) мы с Литвой с данного момента вступили в союз для борьбы с польскими захватническими устремлениями; 2) они нам, а мы им должны всюду и всеми способами помогать; 3) вопрос границ между Литвой и Беларусью условились не поднимать до того времени, пока наши территории не будут очищены от оккупантов; 4) после освобождения от оккупантов и созыва правомочного Представительного Собрания вопрос о границах должен быть решен мирным путем обоими правительствами; 6) так как здесь сейчас открывается перспектива работы, присылайте активные и сознательные белорусские силы. В завершение хотелось бы отметить, что в вопросе нашего государственного строительства появились

ны Белорусской Народной Республики. До этого времени правительство Белоруссии обязывается употребить все средства на то, чтобы получить со стороны все необходимое для его войск. Существующие белорусские воинские части в литовской армии вступают в состав войск белорусского правительства». Судя, однако, по количеству вопросительных знаков, оставленных на документе сотрудниками литовского Министерства иностранных дел, отклика этот документ среди них не нашел...: LCVA. F. 383. Ap. 7. B. 78. L. 46–46 ap.; Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 1. Ч. 2. С. 227–228.

14. Кредит выдавался сроком на пять лет: Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 171.

реальные возможности, которые мы надеемся постепенно воплотить в жизнь. Верю, что близок час Вольной и Независимой Беларуси...»[15]

В итоге центр белорусской работы внезапно переместился из Латвии в Литву. Уже 11 ноября 1920 г. в Ковно было создано дипломатическое представительство БНР во главе с А. Овсяником[16] и Белорусское пресс-бюро, издававшее специальный «Бюллетень»[17].

15. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 955–956. 24 ноября 1920 г. В. Ластовский отправляет письмо к председателю президиума Рады БНР П. Кречевскому. «Для характеристики договора посылаю вам копию, при этом настоятельно прошу пока что сохранить в самом строгом секрете. Лиц, которых можно в нее посвятить, Вы выберете сами. Подписано дополнительное соглашение пока что только о кредите. Литва дает нам в долг 1 млн марок, которые выплачиваются в следующие периоды: 13.11.20 — 100 тыс., 25.11.20 — 200 тыс., 05.01.21 — 250 тыс., 05.04.21 — 250 тыс. и 05.07.21 — 200 тыс. Полученные 100 тыс. решено назначить так: 20 тыс. в Ригу, 27 тыс. дать в Ковно на организацию представительства и пенсии, 5 тыс. Воронко за работу в делегации, 10 тыс. Цвикевичу авансом в счет пенсии, 7 тыс. аванс Головинскому в счет пенсии, 15 тыс. аванс в счет пенсии мне, 3 тыс. в Прагу, 3 тыс. в Копенгаген, 3 тыс. на переезд. Как только Валькович получит деньги, пускай сразу же выезжает в Ковно. С марочным вопросом теперь нет страха, и нам лучше всего дождаться времени истечения контракта и после самим приступить к реализации. Если же есть надежда взять под наш контроль марки, которые находятся в Берлине, то пускай едет только для этого одного дела, не ожидая их реализации. Кроме этого мы получили от Литвы обещание помочь нам в поиске кредита за границей. Более-менее в размере 10 млн. И получили от них рекомендательное письмо. Цвик телеграфировал, что этот вопрос налаживается. Говорит: “Есть надежда”. Чисто политическую часть, которая вытекает из международной конъюнктуры и для нас весьма заманчива... отражать на бумаге было бы преждевременно. Согласно нашему договору, правительство имеет право организовать постоянную базу в Литве. По многим причинам, однако, я бы придерживался того, чтобы все правительство не переезжало. Кроме прочих важных причин, это связано и с отсутствием квартир. Располагаться в какой-нибудь гаргарине суверенному органу и неприлично...»: ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 7. Л. 12–13.
16. Уже весной 1921 г. А. Овсяника на этом посту заменил А. Валькович. Заместителем консула до своего отъезда в США в апреле 1922 г. был И. Черепук. К основным (и единственным) функциям консульства можно отнести выдачу паспортов БНР и свидетельств о праве нахождения на территории Литовской Республики: Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 199.
17. Первоначально бюро размещалось в ковенском отеле «Метрополь» и только позднее переехало в четырехкомнатное помещение по проспекту Витовта, 30. Редакторами «Бюллетеня» в разное время были К. Дуж-Душевский, А. Овсяник, И. Лурье и А. Валькович. Правда, «Бюллетень» вы-

Ковенское соглашение по времени совпадает с полесским походом С. Балаховича и созданием Рады Случчины, фактически было направлено на подрыв планов Ю. Пилсудского. Зато открытым остается вопрос о роли Советской России в заключении договора. Не случайно Г. Чичерин сообщил В. Кнорину, что как только «сконцентрируется Белорусское советское правительство», Литва «перенесет» на него заключенный с В. Ластовским договор. Одновременно он высказался за переезд главы БНР в Россию и ликвидацию эсеровского центра[18].

Тем временем реанимированное белорусско-литовское сотрудничество набирает обороты. 26 ноября делегация БНР в составе В. Ластовского, А. Цвикевича, Л. Баркова, Д. Анекштейна отправляется в Женеву. Там она принимает участие в совещании представителей республик, признанных и непризнанных, бывших народов Российской империи, встречается с секретарем Лиги Наций. В результате на имя этой организации были направлены мемориал против захвата поляками Вильно и требование передать его во временное управление Литвы[19].

Однако с литовским кредитом старые проблемы никуда не делись. Наоборот, неожиданным образом поездка в Женеву спровоцировала очередной кризис внутри самого правительства БНР. В середине ноября В. Захарко писал белорусскому премьеру с плохо скрываемым раздражением: «...Сидим и удив-

ходил нерегулярно, иногда с перерывами в несколько месяцев. «Первоначально, — отмечает Т. Блащак, — экземпляры бюллетеня высылались нескольким подписчикам, на пике деятельности бюро их число выросло до семидесяти. Сообщения, которые передавали редактора газет, обычно подавались в Пресс-бюро без указания источника информации. Исключение было сделано только для официальных сообщений БНР». Кроме того, в Ковно начинает выходить газета «Беларускі сьцяг»: Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 193–195.

18. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 1. Ч. 2. С. 250–251.
19. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 971–972; 984; Багалейша С. Беларускае пытанне ў Сярэдняй Літве // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. — начало XXI в.): материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23–24 апреля 2015 г. Витебск, 2015. С. 80–85 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.vsu.by/xmlui/bitstream/handle/123456789/6437/С.В.%20Багалейша.pdf?sequence=1&isAllowed=y. Дата доступа: 02.05.2016.

ляемся Вашему отношению к Риге... Информации нет. Деньги выслали на Марс, тогда как они очень нужны на земле...»[20] Еще более резко высказался К. Дуж-Душевский. «Брат! — обращался он в своем письме к В. Ластовскому. — Что ты наделал? Не закончил тут дела и неожиданно выехал, внезапно, не оставив ничего. Приехали чуть не все, и я в том числе. И сидим тут как настоящие дураки. Публика заводится и злится. Страшно неприятная ситуация. Деньги также играют роль. С твоей стороны это большая ошибка...»[21]

Позднее В. Ластовский в своих показаниях подробно описывал конфликт внутри правительства БНР, который едва не привел к новому расколу: «Следом, после заключения договора с Литвой и получения первых 250 тыс. литов, я должен был с Цвикевичем уехать в Женеву до приезда Кречевского из Риги. Из полученных денег я часть, кажется, 50 тыс. литов, оставил в Ковно, а остальные взял с собой в Берлин, где положил часть в банк на текущий счет, а нужную сумму взял с собой в Женеву. Возвращаясь из Женевы, я застал часть БНР-овцев в Берлине и телеграмму от Кречевского немедленно возвращаться в Ковно. Привязались из-за денег. Кречевский распустил в Ковно слух, что Ластовский с деньгами удрал...»[22]

В итоге на заседании президиума Рады БНР 3 января 1921 г. было принято постановление о том, что все решения государственно-политического характера должны приниматься совместно, ни одно постановление Рады министров не может войти в силу без утверждения президиума Рады БНР. С этого момента глава правительства должен был периодически, не менее двух раз в неделю, делать отчет перед председателем Рады либо его заместителем по всем вопросам политического характера. Спорные вопросы следовало обсуждать на пленуме президиума Рады и правительства[23].

20. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 961.
21. Другим поводом возникших недоразумений стали изменения в гербе, которые накануне своей поездки внес В. Ластовский: Там же. С. 970–971.
22. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 304–305.
23. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 8. Л. 32. Видимо, тогда же создается «братство» — организация масонского типа, в которую вошли руководители

На этом же заседании П. Кречевский предложил заменить прежнюю доверенность на ведение государственной работы, получение кредитов и др., выданную от имени президиума Рады В. Ластовскому еще в мае 1920 г., по причине того, что она «выглядит совершенно несолидно». Кроме того, после заявления секретаря Рады И. Мамонько было решено потребовать для проверки все сметы министерств и организаций[24]. В числе прочих Рада министров БНР утвердила проект Государственной печати. Еще спустя две недели печать была изготовлена. На нее пошло около 2 тыс. немецких марок — видимо, из литовских средств[25].

Сложившаяся вокруг Белорусской Народной Республики ситуация разительно отличалась от той, что была на момент принятия декларации независимости, и требовала серьезного осмысления. Прежде всего — самими деятелями БНР. В середине января 1921 г. А. Цвикевич из Берлина, где он остановился после поездки на конференцию Лиги Наций, пишет обширное письмо в Ковно к В. Ластовскому с изложением общей стратегии действий. Он еще раз подчеркивает, что, в отличие от тех же украинцев, БНР — это «идея». Зависимость от литовско-советских отношений заставляет белорусское правительство бо-

БНР. Вот как об этом писал В. Ластовский: «Мы решили после переговоров дать взаимно торжественное обещание в том, что подобная история не повторится, что в будущем мы взаимно будем друг другу доверять, что, независимо от наших политических убеждений, мы обещаем верно служить белорусскому народу. Это внесло на некоторое время успокоение в среду президиума БНР. Нашу группу, связанную взаимным обещанием, мы решили назвать братством. Состояли в ней Кречевский, я и Захарко. Впоследствии мы включили в братство еще троих — Езовитова, Цвикевича и Красковского, а также решили считать состоящими в братстве Вальковича и Черепука, которые еще в Риге дали торжественное обещание верности БНР. Дальше этого в Ковно организация братства не пошла, так как А. Цвикевич, Гриб и др. не пожелали войти. Всего собраний братства было три, кроме первого для приема членов. Братство не имело ни своей программы, ни устава. Это предполагалось оформить впоследствии, но благодаря вновь возникшим трениям в среде президиума БНР не было оформлено»: Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 304–305.

24. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 8. Л. 32 об.
25. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1459–1460.

лее осторожно относиться к антибольшевистской пропаганде. «Не угрожает ли нам ликвидация в Литве в связи с требованиями тех же большевиков? — задавался вопросом А. Цвикевич и сам же на него отвечал: — Думаю, что нет. Однако, опять-таки, только при том условии, если мы не будем выпирать со своими восстаниями и вообще антибольшевистской позицией. Следует помнить, что мы можем сидеть в Литве только в том случае, если не будем являться правительством, враждебным Советской России...»

«И вот, — продолжал он далее, — возникает вопрос: как быть? Говоря прямо, что для нас более выгодно: выпуск бюллетеней про повстанцев или реальная работа — работа, направленная на укрепление наших сил пока что в Литве и на той территории, которая, возможно, нам достанется, если Польша будет побита?»

Одну из главных проблем Цвикевич видел в отсутствии подходящих кадров: «...Нет сил... даже на то, что мы можем свободно делать в Литве!» После чего делал вывод: «Тянуться к большой государственной политике, в то время как нам трудно издавать какой-нибудь маленький “Сьцяг”, — не нужно...» «Вообще, — приходил к неутешительному выводу А. Цвикевич, — пока нам следует махнуть рукой на восточную Беларусь; туда мы никак не можем дотянуться — сил мало; хорошо, если удастся просто поддерживать связь информационного характера».

Общая стратегия на данный момент для А. Цвикевича была очевидной: «Любой ценой нужно держаться Литвы и организовывать Виленщину и Гродненщину. Переезд, как некоторые думают, в Прагу — это, на мой взгляд, совершенно невозможная вещь. Это означает вернуться в положение в десять раз худшее, чем было в свое время в Риге. Потому что после Праги нам останется только переехать на... Принцевы острова. Наша политическая смерть... — подводил он итог, —не в том, что Россия подпишет мир с Польшей, а в том, что к этому миру присоединится Литва...»[26]

26. Там же. С. 1003–1009.

Высказался А. Цвикевич, кроме прочего, и на тему возможного получения правительством БНР банковского кредита: «Лурье говорит, что в течении этих двух недель он добьется окончания порученного ему получения кредита. Я не вижу в этом большого успеха, даже если банк пойдет нам навстречу, — настолько условия этого кредита тяжелые... Условия времени, однако, заставляют нас принять этот заем, если его, конечно, дадут»[27].

О том, какие взгляды царили среди самих членов БНР, можно сделать вывод из материалов личных анкет. На вопрос о ближайших целях белорусской государственности они написали следующее: Т. Гриб — «открытая борьба с оккупантами за государственную независимость Беларуси»[28], И. Черепук — «революционная борьба с чужаками с востока и запада...»[29], А. Коробач — «распространение национального самосознания и революционирование масс белоруского общества»[30], И. Лурье — «борьба с польским и русским империализмом к государственной независимости»[31], А. Валькович — «объединение всех национальных политических сил, как белорусских, так и других национальностей, для выступления общим фронтом в защиту независимости и неделимости Беларуси»[32], В. Захарко — «...нужно как можно больше развивать национальное самосознание нашего народа и добиваться и твердо настаивать, при любых обстоятельствах, на независимости и неделимости Беларуси, и только таким образом мы в конце концов достигнем наших идеалов...»[33], К. Дуж-Душевский — «...организационно и революционно... сотрудничество

27. Пункт о том, что Литва выступит гарантом в счет получения займа белорусами, был внесен отдельным пунктом в подписанное накануне в Ковно соглашение: Там же. С. 1007.
28. Там же. С. 1084.
29. Там же.
30. Там же. С. 1085.
31. И. Лурье, бывший атташе при литовской миссии в Дании, перешел на службу БНР еще в конце 1919 г.: Там же. С. 1086; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 196.
32. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1087.
33. Там же. С. 1088.

с нашими союзниками, агитация, мобилизация сил, захват гражданских институтов в крае в белорусские руки, пропаганда за границей»[34], П. Кречевский — «...в настоящий момент она может идти только революционным и культурно-просветительным, включая кооперативное движение. Цель революционной борьбы — освобождение подневольных наций...»[35], С. Житловский — «широкая пропаганда идеи независимости на местах...»[36]

Тем временем С. Житловскому удалось обналичить часть ранее выданного украинцами займа. По некоторым данным, украинский кредит «застрял» в Берлинском колониальном банке. До сих пор не выявлены документальные свидетельства, которые пролили бы свет на обстоятельства данного дела. По косвенным признакам мы можем только предполагать, что этому способствовала смена внешнеполитической конъюнктуры, связанная, в частности, с польско-литовским противостоянием за владение Виленским краем. Германские власти, которые не смирились с потерей своих восточных земель, отошедших согласно версальским мирным соглашениям к Варшаве, были заинтересованы в дестабилизации положения в Польше. Возможно, в рамках этого внешнеполитического пасьянса Веймарская республика содействовала разблокированию украинского кредита для БНР[37].

Небольшим, но важным источником доходов оставались консульские сборы «дипломатических миссий» за получение заграничных паспортов и виз БНР. Их обладатели, в основном еврейские эмигранты из Российской империи, при выезде на постоянное место жительства в США обменивали эти документы на паспорт Нансена, тем самым получая статус вынужденного беженца и право беспрепятственного въезда в желаемую страну. Так, за май – октябрь 1920 г. дипломатическая миссия БНР в Берлине выдала свыше 80 заграничных паспор-

34. Там же. С. 1089.
35. Там же. С. 1090.
36. Там же. С. 1093.
37. Januszewska-Jurkiewicz J. Stosunki narodowościowe na Wileńszczyznie w latach 1920–1939. Katowice, 2010. S. 259.

тов и виз. Только одно консульство БНР в Литве за полгода с ноября 1920 г. получило доход за счет консульских сборов в размере 128 721 немецкой марки и 80 пфеннигов. Что касается самой возможности получать заграничные визы, то здесь белорусские деятели пользовались неофициальной поддержкой немецких и литовских министерств. Правда, и в этом случае официально Берлин категорически отказывался принимать белорусские паспорта[38].

На момент заключения договора с Литвой правительство БНР имело свои миссии на правах консульств в Берлине, Париже, Праге, Риге и Ревеле. Паспорта БНР признавал консул США в Гданьске, правда, рассматривая их владельцев в качестве... российских граждан. Кроме того, консульский сбор являлся наиболее стабильным источником доходов белорусского правительства[39]. Чуть позже в Константинополе И. Ермаченко был основан Белорусский комитет, который фактически выполнял функции генерального консульства и информационного бюро в Турции. «...Выдавать паспорта я уже начал, — сообщал он летом 1921 г., — и до сего дня уже выдал 20 паспортов, но денег за все эти паспорта я получил только 5 лир (200 марок), это получается потому, что здесь все белорусы настолько бедны, что даже мне стыдно бывает называть какую-либо цену...»[40]

Вероятно, тогда же открылись представительство БНР в Болгарии (во главе с генералом Голубинцевым) и военно-дипломатическое представительство БНР в Финляндии (еще летом 1920 г. назначение на эту должность получил генерал-лейтенант Олег Корчак-Крыница-Васильковский)[41]. Правда, уже

38. Тот же С. Житловский писал В. Ластовскому весной 1921 г. из Берлина: «Очень прошу обратить внимание вашего Ковенского пресс-бюро [на то, чтобы] ничего не печатать, что может задеть Германию, с которой у нас будут торговые отношения. Но в то же время никому не должно быть известно официально о наших симпатиях к Германии» (Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1111).
39. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 199; Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 223; НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 153. Арк. 11–21; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1004.
40. Там же. С. 1123.
41. Калубовіч А. Нашы папярэднікі [Электронный ресурс]. Режим доступа:

1 февраля 1921 г. белорусская миссия в Латвии была вынуждена формально прекратить свою работу и объединить белорусское консульство с литовским представительством в Риге. Ее функции фактически перешли к секретарю по белорусским делам при литовской миссии в Риге Владимиру Грунтову, который выполнял эти обязанности, вероятно, до весны 1922 г.[42]

С согласия правительства БНР К. Езовитов, однако, остается в Латвии, чтобы продолжить организацию местных белорусов, но уже как частное лицо. В течение 1921 г. он основал белорусское культурно-просветительное общество «Бацькаўшчына», открыл его отдел в Люцине и белорусские учительские курсы в Двинске, начал подготовку к участию местных белорусов в парламентских выборах и др.

25 марта, в третью годовщину провозглашения независимости Беларуси, правительство БНР выступило с призывом к «белорусской революции»[43]. В это же время было выпущено еще одно обращение — к белорусскому и еврейскому народам, в котором гарантировались суверенность наций и полное их объединение в один государственный белорусский народ. Выбор адресата был вызван, по-видимому, тем особым вниманием, которое уделяла «еврейскому вопросу» международное сообщество[44]. 14 июля на заседании Президиума Рады БНР было принято постановление «всеми возможными способами» остановить акты насилия над еврейским населением в Беларуси[45]. А уже 9 августа перед поездкой в Карлсбаден на всемирный конгресс сионистов С. Житловский просил В. Ластовского прислать ему от имени правительства БНР официальное сообщение о том, что «благодаря протесту Правительства... погромная волна немедленно спала и почти совсем стихла»[46].

http://knihi.com/Auhien_Kalubovic/Nasy_papiaredniki.html. Дата доступа: 03.05.2016.

42. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 49; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 203.
43. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1060.
44. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 27.
45. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1150.
46. Там же. С. 1172.

Пока Е. Ладнов искал сближения с Польшей, представитель БНР в Литве А. Овсяник вместе с А. Цвикевичем и А. Головинским вели неофициальные переговоры с советским послом в Ковно А. Аксельродом[47]. Советский дипломат дал понять, что большевики "признать независимость Беларуси в том значении, в котором хотят и понимают белорусские политические партии, общественные организации и Правительство БНР, не могут». Вместо этого А. Аксельрод предложил, чтобы правительство БНР напрямую договорилось с «Ревкомом» – советским правительством в Минске.

Одновременно большевики потребовали письменных гарантий лояльности со стороны белорусского правительства. В конечном итоге А. Аксельрод через литовское Министерство иностранных дел фактически принудил правительство БНР выступить с заявлением о том, что оно не станет вести борьбу с Советской Беларусью, а, наоборот, пойдет на сближение с Минском. В результате 25 января 1921 г. В. Ластовский через министра иностранных дел Литвы передал заявление о дружественном отношении БНР к Советской Беларуси. «Считая, что объявление и установление Белорусской Советской Республики есть одна из ступеней к полному исполнению независимости и неделимости Беларуси, — говорилось в нем. — Правительство Белорусской Народной Республики не только не ставит перед собой цели вести вооруженную либо какую еще борьбу с ней, но, напротив, будет помогать Советской Белорусской Республике как в деле возрождения белорусского народа, так и в деле полной реализации независимости и неделимости Беларуси»[48].

47. Еще в конце октября 1920 г., вскоре после подписания прелиминарного договора в Риге, А. Головинский и А. Овсяник обратились к А. Червякову с просьбой «объединить усилия по защите интересов белорусских земель и обсудить возможность дальнейшего сотрудничества между разными белорусскими группами»: Бароўская В. Беларускае пытанне: лёсавызначальныя перагаворы. С. 74.
48. Любопытными представляются тезисы к проекту так и не состоявшихся переговоров белорусской делегации с Советской Россией: «Упразднение ревкомов, признание правительства БНР Ластовского... очищение территории БНР». Взамен — «обещаем военный союз против Польши».

Буквально на следующий день Т. Гриб пишет письмо белорусскому премьеру, в котором предостерегает главу БНР от... контактов с Россией. Любой Россией! «Беларусь становится центром политических интриг, — пишет он. — С одной стороны Польша, Савинков, Булак-Балахович, а с другой — Советская Россия... Российские коммунисты, спекулируя идеями коммунизма, спекулируют социалистической совестью. Они дошли до виртуозности в этой спекуляции... Уже в третий раз они объявляют независимость (Беларуси. — *А. Ч.*), а независимости наверняка как не было, так и нет... В их искренность я совсем не верю, так как все они в первую очередь москали, и только после — коммунисты... Разницы в этом вопросе между теперешним русским Парижем и советской Москвой нет, а если и есть, то только в том, что советская Москва уже собирает Россию, а российский Париж — думает собирать»[49].

Разделились мнения также и среди большевистского руководства. Глава советской делегации в Риге А. Иоффе продолжал настаивать на том, чтобы полностью покончить с правительством БНР. «...По-прежнему считаю, что ни с Ластовским, ни с белорусскими эсерами никаких переговоров вести не стоит, – делился он своими взглядами в шифрограмме на имя Г. Чичерина 18 января 1921 г. — Группа Ластовского — авантюристы, готовые на все ради получения портфелей и сохранения званий министров. Белорусские с.-р. — националисты, стремящиеся к созданию независимой Белоруссии в этнографических границах. Поддерживать это мы не можем...»[50] Однако Г. Чичерин считал иначе, о чем сообщил в телеграмме от 12 февраля:

Советская сторона выдвинула требования: главное командование остается за Советской Россией, общая поддержка за границей, экономическая политика не расходится с политикой Советской России, конституция власти близка к Конституции Советской России, с началом переговоров прекращается движение белорусских партизан: LCVA. F. 383. Ap. 7. B. 78. L. 41–41 ap.; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1011, 1021; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 176–177.

49. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1022–1023.

50. Правда, даже он соглашался, что заявление В. Ластовского «не претендовать на Советскую Белоруссию» парализует как раз белорусский национализм, враждебный большевикам: Скарыніч. Вып. 6. С. 71–72.

«Раз Ластовский не посягает на Советскую Белоруссию, считаем его существование полезным, ибо его борьба направлена против поляков...»[51]

Сложно сказать, что повлияло на позицию лидера белорусских эсеров, еще совсем недавно придерживавшегося совершенно противоположных взглядов[52]. Возможно, не последнюю роль здесь сыграл тот факт, что как раз в начале 1921 г. в Минске прошли массовые аресты членов партии[53]. Кроме того, накануне в Минске с критикой «антибелорусской политики» выступили и белорусы-коммунисты, которые направили письмо в ЦК КП(б)Б. «Следует немедленно приступить к залечиванию ран, нанесенных Белоруссии как оккупантами, так равно и нашими ошибками... — говорилось в обращении. — В организуемой образцовой Белорусской Социалистической Республике следует уделить внимание белорусской школе, каковая должна быть признана ударной как по соображению международного характера... так и в связи с настроением трудящихся масс»[54].

Уже в начале февраля 1921 г. белорусские эсеры в Ковно проводят заседание заграничной группы. Парадокс заключался в том, что, признавая советское правительство «оккупационным», эсеры не шли дальше его «всесторонней критики»[55]. Вместе с тем была выработана резолюция политической программы, предусматривавшая вооруженную борьбу с поляка-

51. Там же. С. 71.
52. Еще в ноябре 1920 г. в Минске прошел съезд эсеровской партии, на которой наметились три основные течения: первое — во главе с П. Бодуновой и Е. Трофимовым, которое стояло на позиции тесного сотрудничества с большевиками, второе — в лице С. Некрашевича, выступавшее за подпольную борьбу, и третье — возглавляемое И. Бердником, заявившее о своей лояльности к большевикам. Лоялисты победили. Было даже принято решение об исключении из партии В. Ластовского, И. Черепука и А. Вальковича: НАРБ. Ф. 459. Воп. 1. Спр. 36. Арк. 2–3.
53. Среди арестованных оказались И. Мамонько, Н. Маркевич, Г. Злоцкий и П. Бодунова: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1039.
54. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 1. Ч. 2. С. 293–295; Хомич С. Территория и государственные границы Беларуси в XX в.: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск, 2011. С. 198–200.
55. НАРБ. Ф. 459. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 2; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1030.

ми[56]. В это время появляется еще одна новая организация — Рада Белорусской национальной сувязи (союза), за которой, скорее всего, стояли те же эсеры. 9 мая Сувязь выступила с призывом к западнобелорусским деятелям создать единый антипольский фронт, а 5 июля выпустила обращение о начале партизанской борьбы с Польшей[57].

Уже в середине августа 1921 г. советский полпред в Литве С. Аралов при встрече с А. Головинским заметил, что правительство БНР производит хорошее впечатление. «Договаривайтесь в Минске, — якобы посоветовал он. — Москва ни в чем мешать не будет». И даже пообещал освободить П. Бодунову[58]. Вскоре А. Головинский от имени правительства БНР проводит переговоры в Москве и Минске о возможности совместного выступления против Польши и создании буферной белорусской республики[59]. Одним из результатов этих контактов становится финансовая помощь со стороны Советской России открытому в Берлине белорусскому издательству «Вызваленьне».

В действительности Москва внимательно следила за настроениями белорусских элит. Так, в секретном докладе «О мерах, необходимых для упорядочения дел в Белоруссии» начальник политуправления Западного фронта С. Пестковский характеризовал главу Советской Беларуси А. Червякова как человека слабохарактерного, находящегося всецело под влиянием

56. Там же. С. 1135–1139.
57. Там же. С. 1114, 1122, 1134.
58. Там же. С. 1197; Академик В. М. Игнатовский. Документы и материалы. Минск, 2010. С. 168–169.
59. В Москве он встречается с Л. Каменевым, полпредом РСФСР в Литве С. Араловым и Д. Жилуновичем, а уже на обратном пути в Минске — с А. Червяковым, В. Игнатовским и В. Кнориным. А. Головинский заявил, что партия белорусских эсеров «не делала никаких выступлений против советского правительства и в настоящее время желает установления прочной базы для сотрудничества с Коммунистической партией Белоруссии», а свое главное внимание «сосредотачивает на революционной работе в Западной Белоруссии, оккупированной шляхетской Польшей». В итоге было принято решение координировать работу эсеров и коммунистических партий в Западной Беларуси, с тем, чтобы к моменту «активных выступлений» создать единый руководящий центр: НАРБ. Ф. 459. Воп. 1. Спр. 40. Арк. 1.

А. Бурбиса. Что касается последнего, то в докладе о нем было написано: «...Личность темная, бывший белорусский националист, считает себя коммунистом, но формально до последнего времени не был членом партии. “Борется” за самостоятельность Белоруссии. Стремится вести “иностранную политику” независимо от Москвы. А так как вся иностранная политика сводится к сношениям с поляками, то это вещь довольно опасная»[60].

Тем временем в Брюсселе начинаются польско-литовские переговоры[61]. В своем мемориале на имя конференции Лиги Наций правительство БНР заявило, что «до освобождения всей территории Беларуси из-под власти оккупантов Польши и Советской России... согласно временно на присоединение освобожденных земель от... Желиговского к Литве на условиях тесной федеральной связи...»[62] В конце марта 1921 г. правительство БНР подготовило правительству Литовской республики доклад о политическом состоянии Беларуси. Кроме дипломатической поддержки и необходимости создания белорусских формирований в составе литовской армии авторы особо подчеркивали значение финансовой помощи со стороны Ковно[63]. Чуть позже В. Ластовский и К. Дуж-Душевский об-

60. Жирнов В. «Недалекий, слабохарактерный и неразвитой» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kommersant.ru/Doc/2759905. Дата доступа: 16.06.2016.
61. Пашкевіч А. Выбары ў Віленскі сойм у 1922 г.
62. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў... Т. 2. С. 35.
63. «Исключительно же важной в данный момент является наличие материальных средств, — говорилось в документе. — Литовскому правительству хорошо известно, что этими средствами правительство БНР не обладает. Вести работу при таких условиях представляется совершенно невозможным. То, чего можно было бы при нормальных средствах достигнуть в течение недели, — на это приходится тратить месяцы. Не только развивать свою деятельность, но даже поддерживать то, что было сделано в предыдущие годы, становится все труднее и труднее... Масса сознательных сил и масса драгоценного времени пропадает зря – все из-за отсутствия средств. В особенности скверные последствия имеет это обстоятельство в отношении белорусского дела под польской оккупацией. Никто не может там положиться на помощь белорусского правительства, ибо у него нет денежных средств. Ни один арестованный за белорусскую агитацию также не может рассчитывать на самую скромную поддержку. Известие о заключении дружественного договора между Белоруссией и Литвой и обещание поддержки Белоруссии, выраженное в этом договоре, вызвало

ратились от имени Рады министров БНР с просьбой о займе к Союзу прибалтийских государств[64]. Однако реальной альтернативы Ковно пока не предвиделось, тем более что уже 7 июля В. Ластовский получил очередные 100 тыс. auksинов в счет литовского кредита[65].

В деятельности правительства БНР наступает период относительной стабильности. В августе 1921 г. оно снимает в Ковно квартиру, куда и переезжает из гостиницы «Метрополь», где находилось до этого времени. Вместе с В. Ластовским в Литве остаются вице-министр В. Захарко, министр финансов А. Валькович, министр внутренних дел Т. Гриб и секретарь правительства К. Дуж-Душевский[66]. При этом двое министров — министр иностранных дел А. Цвикевич[67] и министр национальных меньшинств С. Житловский —почти весь год провели в Берлине, а председатель Рады БНР П. Кречевский — в Праге[68].

во всех уголках, где есть сознательные белорусские силы, чувство живой радости, подъем, укрепление веры в благополучный исход борьбы с полонизмом при деятельной поддержке братской Литвы. К сожалению, надежды эти и подъем начинают падать, ибо дело поддержки затягивается. Правительство БНР убедительно просит Литовское Правительство обратить серьезное внимание на эту сторону дела. Если Литовское Правительство искренне желает поддержать Белоруссию в деле ее возрождения, то необходима скорая и достаточная поддержка... Только при этом условии оно может укрепить свое влияние и власть в Белоруссии и не позволить вражеским силам, в первую очередь Польше, расстроить дружественное единение белорусского и литовского народов...» (Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1064, 1069).

64. Там же. С. 1118.
65. Там же. С. 1133.
66. 17 июня 1921 г. К. Дуж-Душевский подал заявление о выходе из состава правительства, но его отставку не приняли. На рубеже 1921–1922 гг. он писал: «Нужно признать, что в то время, когда максимум нашей энергии и денег просаживали за кордоном, край наш был фактически предоставлен сам себе». В другом месте он добавлял: «Все известия, которыя к нам приходят, говорят нам, что как национальное, так и государственное движение ширится и усиливается. Это все происходит самостоятельно, без нашего, как ни горько это признать, фактического участия». Цит. по: Гігін В. «Прызнаць Мінск...» С. 79; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1127, 1200.
67. Этот пост он принял 7 июня 1921 г. к уже имеющейся должности министра юстиции: Там же. С. 1121.
68. Кроме того, он, видимо, сохранял должности министра торговли и промышленности и замминистра финансов.

Хотя Раде министров БНР и не удалось добиться консолидации всех белорусских организаций на территории Виленщины и Гродненщины, постепенно здесь складывается круг лиц, которые выступают от имени белорусского правительства. В него вошли И. Красковский, который, по некоторым данным, оставаясь в Вильно, занимал пост министра просвещения БНР, ксендз Адам Станкевич, Сергей Баран и другие. Само правительство фактически ограничилось назначением «губернских» комиссаров: А. Коробача — в Вильно, С. Барана — в Гродно и В. Прокулевича — на Минщину[69].

Тем временем затянувшийся конфликт между членами кабинета министров В. Ластовского и бывшим главой БНР А. Луцкевичем никуда не исчез. Более того, стороны переходят к открытым угрозам[70]. Стоит отметить, что далеко не все литовские политики были сторонниками сближения с правительством БНР. Например, Антанас Сметона писал на страницах «Летувос Бальсас» (*Lietuvos Balsas*): «Может быть, наше правительство радуется, думая: “Смотрите, как помогает нам белорусская власть. Она тоже против Желиговского”. Но наше правительство, видно, не может понять, что... если в Виленщине население белорусское, то какую цену имеют литовские претензии на этот край? Не может же быть у двух суверенных стран — Литвы и Беларуси — равной претензии на одну и ту же землю... Конечно, есть гостеприимство нашего правительства,

69. «Сначала, — читаем в показаниях В. Ластовского, — связь с виленской группой осуществлялась через Красковского, позднее через Биржишко и впоследствии, после вхождения белорусских послов в польский сейм, непосредственно с послами, периодическими съездами в Данциге». Цит. по: Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 303. Кроме того, сюда, в Вильно, в качестве эмиссаров правительства В. Ластовского прибывают И. Черепук и В. Пигулевский: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1052.

70. В ответ на требования А. Луцкевича вернуть часть из выданной ранее суммы А. Цвикевич с раздражением писал: «...Я ничего не брал — и поэтому никому ничего возвращать не собираюсь, и Ваши угрозы напрасны. Что касается Ваших дурацких причитаний и сентенций, так — простите — не нахожу нужным на них отвечать. Просто скажу, что до этого считал Вас более разумным человеком» (Там же. С. 1044). К. Дуж-Душевский позже вспоминал, что выступил против, когда оппоненты А. Луцкевича — П. Кречевский, А. Цвикевич и В. Захарко — собирались опубликовать компрометировавшие его документы: Там же. С. 1521.

но все-таки трудно верить, чтобы, кроме гос[тиницы] “Метрополь”, оно еще давало суточные и дорожные этим суверенам пока без территории и составляющим конкуренцию Министерству по белорусским делам...»[71]

К началу осени 1921 г. польско-литовские переговоры в Брюсселе окончательно зашли в тупик[72]. В результате обе стороны — Варшава и Ковно — приступают к мобилизации своих белорусских партнеров. У поляков им становится П. Алексюк с созданной незадолго до того организацией «Краёвая сувязь»[73]. Почти одновременно в Ковно был организован Белорусский национальный союз, который взял на себя инициативу по созыву Белорусской национально-политической конференции (съезда) в Праге[74]. На ее проведение белорусы получили от литовского правительства очередные 100 тыс. немецких марок[75]. Конференция открылась 26 сентября и длилась четыре дня. Всего в Прагу прибыло 37 делегатов с мандатами от 42 «белорусских национальных и политических партий». Заседания проходили за закрытыми дверями в небольшом зале отеля «Graff» по четырем секциям: политической, культурно-просветительной, экономической и гума-

71. Цит. по: Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 40–41. Одним из первых расхождений между новыми союзниками стала высылка из Литвы по подозрению в связи с польской разведкой главы миссии БНР А. Овсяника. Оказавшись на территории Срединной Литвы, он был арестован польскими властями, после чего в распоряжение II отдела попала копия белорусско-литовского соглашения. Уже позже А. Овсяник был избран депутатом в польский Сейм от Блока национальных меньшинств.
72. В ответ на принятие Советом Лиги Наций проекта, который предусматривал автономию виленского округа в составе Литовского государства, председатель польской делегации официально заявил, что «...судьбу Виленщины может решить только воля местного населения»: Пашкевіч А. Выбары ў Віленскі сойм у 1922 г.
73. См.: Горны А. Беларуская паланафільская арганізацыя «Краёвая сувязь» у грамадска-палітычным жыцці Сярэдняй Літвы (1921–1922 гг.) // Гуманітарна-эканамічны веснік. 2014. № 2. С. 36–42.
74. Согласно Т. Блащаку, в Союз вошли представители основных партий: БПСФ (В. Захарко, В. Пигулевский, С. Яковюк), ПБСР (Т. Гриб, А. Головинский, И. Черепук), БСДП (А. Овсяник), Г. Конопацкий и Э. Будько: Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 180.
75. Еще пять миллионов крон кредита министр иностранных дел БНР А. Цвикевич безуспешно пытался получить у правительства Чехословакии.

нитарной. В президиуме конференции заседали А. Цвикевич, В. Захарко и Т. Гриб. Почетным председателем был избран П. Кречевский[76]. Основными итогами конференции стали принятие резолюции протеста на условия Рижского мира, подтверждение верности Третьей уставной грамоте, признание Рады БНР в качестве единственного законодательного органа Беларуси и почти единодушная поддержка правительству В. Ластовского[77].

Тем временем власти Срединной Литвы назначают на начало января 1922 г. выборы в Сейм[78]. В ответ Литва дает обещание, правда, неофициальное, предоставить белорусам культурную автономию в обмен на их бойкот. Правительство В. Ластовского в Ковно принимает специальное постановление. «Мы, белорусы, — говорилось в нем, — на выборы не пойдем, так как пойти не можем и не имеем права. При современных условиях свободные выборы невозможны, а значит, невозможно и правильное и справедливое решение судьбы нашей родной Виленщины...» Спустя несколько дней о своем бойкоте предстоящих выборов заявил и Виленский Белорусский национальный комитет[79]. По сути, пропольскую ориентацию сохранила только «Краёвая сувязь» П. Алексюка. Но, хотя белорусские «полонофилы» и не провели ни одного депутата в Сейм Срединной Литвы, это не помешало Польше объявить о присоединении Виленщины[80].

76. LMAVB. F. 12. Vnt. 596. L. 1; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1182; Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 61–63; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 180–181; Буча А. Беларуская дыяспара ў Чэхаславакіі... С. 48; Гігін В. «Прызнаць Мінск...» С. 77.
77. Пратакол паседжаньняў Беларускай нацыянальна-палітычнай нарады ў Празе, 26–30 верасня 1921 г. // Спадчына. 1999. № 5–6. С. 7–54; Сідарэвіч А. Першая Усебеларуская канферэнцыя // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 5. С. 476–477; Буча А. Беларуская дыяспара ў Чэхаславакіі... С. 48.
78. Пашкевіч А. Выбары ў Віленскі сойм 1922 г.
79. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 182; Пашкевіч А. Выбары ў Віленскі сойм у 1922 г.
80. «Впрочем, — пишет А. Пашкевич, — поляки и не скрывали того, что их не очень волнует белорусская позиция, о чем свидетельствует, например, ликвидация с 1 января 1922 г. департамента белорусского просвещения при Временной комиссии Срединной Литвы или отказ Главного избирательного комиссара принять заявление БНК на белорусском языке»:

Одновременно власти выслали из Вильно 33 литовских и белорусских наиболее антипольски настроенных деятеля, что существенным образом повлияло на ситуацию в Виленском Белорусском национальном комитете, где ключевая роль окончательно перешла к А. Луцкевичу и его окружению[81]. В результате концентрация белорусских политиков в Ковно достигла критической отметки, после которой, как показывал предыдущий опыт, должен был последовать ряд внутренних конфликтов и расколов.

Еще в конце ноября 1921 г. наметились расхождения между правительством БНР и группой белорусских эсеров во главе с Т. Грибом. Кроме прочего, раздражение последнего вызвал факт посылки без предварительного обсуждения мемориала на Вашингтонскую конференцию[82]. На одном из заседаний министр внутренних дел и пропаганды Т. Гриб даже ударил тростью по голове государственного контролера Л. Зайца. Сам этот конфликт попал на страницы газет, и о нем в том числе написало украинское издание в Вене[83]. Еще один эсер — И. Черепук — и вовсе публично заявил: «Нужно министерскую лавочку закрывать»[84].

Тем временем отсутствие средств у белорусского правительства вынудило сокращать число его членов. В начале февраля 1922 г. П. Кречевский просил не исключать из состава Рады министров БНР С. Житловского. «...Выкинув его, — писал председатель Рады, — мы произведем плохое впечатление, якобы он получил отставку только по той причине, что не получил денег, а это нам не пойдет на пользу...»[85] Сам же Кречевский, оставшись в Праге, фактически голодал. «...Вообще, — писал он, — наша жизнь тут такая поганая, что едва дышим. Даже

Пашкевіч А. Выбары ў Віленскі сойм у 1922 г.; Горны А. Беларуская панафільская арганізацыя «Краёвая сувязь»...

81. Среди высланных из Вильно оказались И. Красковский — председатель Виленского БНК, В. Прокулевич и А. Якубецкий — члены президиума, М. Горецкий, А. Коробач, П. Неведомский и др.: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1277; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 184–185.
82. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1249.
83. Там же. С. 1329.
84. Там же. С. 1255.
85. Там же. С. 1276.

и теперь каждый день обедать не можем, а уж про что-то другое и говорить не приходится. Духовной пищи и работы много, а материальной не хватает»[86]. А вскоре правительство решило отозвать из Чехословакии и его самого[87].

Даже выделенный 21 февраля 1922 г. литовцами дополнительный миллион марок мало в чем изменил ситуацию[88]. 10 марта члены правительства и президиум Рады БНР проводят совместную встречу, на которой обсуждаются два вопроса: порядок приема и выдачи денег и проведение празднования в честь очередной годовщины провозглашения независимости[89]. А уже 4 июня было принято решение о ликвидации консульства БНР в Константинополе[90].

В мае 1922 г. в Генуе по инициативе английского премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа открывается международная конференция с участием почти трех десятков государств. Кроме прочего на ней планировалось рассмотреть и вопрос об урегулировании границ в Восточной Европе. Для правительства БНР это был последний шанс оспорить территориальные претензии Польши и вновь заявить о себе на международной арене. Кроме того, в случае присоединения Вильно к Литве В. Ластовский рассчитывал на создание белорусской автономии.

Белорусская делегация в составе председателя Рады министров В. Ластовского и министра иностранных дел и юстиции А. Цвикевича прибыла в Генуую еще в апреле 1922 г. С собой они привезли специальный мемориал, в котором главной причиной нестабильности в этой части Европы назывались польско-советские территориальные разногласия, которые возможно было решить исключительно путем признания независимости

86. Там же. С. 1242, 1263–1264.
87. Там же. С. 1311.
88. В Белорусский женский комитет вошли жены белорусских политиков — Зинаида Цвикевич. Алена Дуж-Душевская, Станислава Ластовская, Мария Кречевская, Елизавета Прокулевич, Александра Валькович, Павлина Захарко: Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 224–225, 171.
89. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1295.
90. Там же. С. 1292.

Беларуси. Хотя сам мемориал был рассмотрен на заседании Политической комиссии конференции, но решительный протест советской делегации помешал внести его в повестку дня. Таким образом, для В. Ластовского конференция ограничилась общением с представителями других таких же непризнанных государств и неофициальными встречами с европейскими политиками: премьер-министром Италии и членами английской делегации[91].

Итоговое обращение делегации БНР к председателю Генуэзской конференции от 3 мая 1922 г. гласило: «Белорусское население надеется, что международная конференция в Генуе не поддержит агрессивную политику Польши. Что касается Литвы, то белорусское население соглашается с тем, чтобы Вильно стало тем, чем всегда являлось, — стольным городом Литовского государства. Признание принадлежности Вильно к Литве отвечало бы экономическим и национальным интересам этого края»[92].

Ничего удивительного, что по возвращении премьера в Ковно местные белорусские деятели обвинили его в предательстве. Правда, сам В. Ластовский позднее главную причину конфликта объяснял прежде всего личными обидами: «...В Геную хотелось поехать и Грибу, но выбраны были я и Цвикевич. На Генуэзской конференции мы вручили свой меморандум и дальнейшую защиту интересов БНР передали литовской делегации перед выездом из Генуи. Возвратившись в Ковно, мы застали крайнее возбуждение в среде эсеров. Нам бросали укор в предательстве белорусских интересов Литве. Эсеры, т. е. Гриб и его крыло, хотели выйти с треском из БНР и придрались к этому случаю. Действительная причина была, что материальная база под БНР сильно пошатнулась и очевидно было, что существование БНР должно в скором времени прекратить-

91. Жылінскі П. Дэлегацыя БНР на Генуэзскай міжнароднай канферэнцыі 1922 г. // Сб. науч. ст. студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 2. Т. 2. Минск, 2012. С. 22–25; Ковалева Л. Забытые страницы истории (Борьба представителей БНР за независимость Белоруссии на Генуэзской конференции). Могилев, 1992; Калубовіч А. Нашы папярэднікі...
92. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1318.

ся»[93]. Как бы там ни было, из Генуи В. Ластовский возвращался, имея на руках документы... литовского курьера[94].

Прошло, однако, совсем немного времени, и разгорелся очередной скандал. На этот раз он имел уже сугубо финансовую подоплеку. Дело в том, что еще 8 марта 1921 г. берлинская миссия БНР и уполномоченный от Центрбелсоюза А. Боровский подписали торговое соглашение с немецкой фирмой из Нюрнберга «Международное общество по экспорту и импорту товаров (IWEG)» под финансовую гарантию нереализованной части украинского кредита. IWEG обязалась выделить Раде министров БНР промышленные и потребительские товары на сумму 3 млн марок для реализации их в Каунасской Литве, а также в Западной Беларуси, где они предназначались для белорусских кооперативов Срединной Литвы. В состав торговой комиссии вошли А. Валькович, Л. Заяц и В. Захарко[95].

В своем рапорте руководитель миссии писал: «Рискованное на первый взгляд согласие со стороны фирмы "Ивег" предоставить товары правительству БНР и белорусским кооперативам... объясняется тем, что рынок страшно перегружен немецкими товарами, и поэтому фирма согласилась выдать товары не только под наш чек, но и сверх того предлагает нам на два миллиона папирос, сигарет и свечей в кредит... Литовское посольство... должно было обратиться со срочным докладом в Министерство иностранных дел относительно того, чтобы Литва не только не брала с нас пошлины на ввозимые товары, но и на транзит, и чтобы нам предоставили возможность складировать его на таможенных складах, так как мы обещали, что эти товары мы только перевозим через территорию Литвы транзитом и только временно собираемся держать их в Ковно...»[96]

В итоге в опломбированных вагонах в Ковно из Нюрнберга должно было прибыть: 2300 комплектов мужских костюмов,

93. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 305.
94. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 186.
95. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 1. Ч. 2. С. 302; Ліцкевіч А. Беларуская віртуальная рэспубліка // Беларуская думка. 2008. № 3. С. 71–72; Тихомиров А. Проблемы белорусско-германских отношений...
96. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 1. Ч. 2. С. 305–306.

1200 рабочих костюмов, 5 тыс. пар дамских туфель, 300 — различной другой обуви, 12 тыс. метров фланелевой ткани, мужские пальто, носки, а также плуги, молотки, ведра и другие хозяйственные принадлежности. Но, наверное, самым ценным товаром были 6 млн папирос разных фирм и более чем 700 тыс. сигар![97] Однако из-за плохого качества товаров белорусская сторона понесла огромные финансовые потери.

«Положение наше весьма, по моему мнению, щекотливое, — докладывал министру торговли и промышленности БНР юрисконсульт берлинской миссии Б. Миллер. — "Ивег" обвиняет нас в том, что мы не выполнили нашего обещания развивать торговлю с Германией путем скупки и отправки в Германию сырья, каковое обещание наше только и побудило "Ивег" оказать нам кредит до 1 октября 1922 г. Пришлось приложить много стараний, чтобы убедить "Ивег" в том, что с нашей стороны нет злой воли и существует честное стремление оградить "Ивег" от потери его денег. Необходимо, по моему мнению, эти уверения оправдать елико возможно полнее и не допустить, чтобы "Ивег" снова разочаровался в нашей порядочности и солидности. Последнее повлекло бы за собой несомненную катастрофу для белорусского дела в Германии, вплоть до высылки из Германии членов правительства и миссии, и, возможно, создало бы даже осложнения для нашего правительства в Ковно, не говоря уже о возможности устройства в будущем каких бы то ни было торговых и финансовых сделок в Германии»[98].

Мало того, среди белорусов начались взаимные обвинения в злоупотреблениях и присвоении средств[99]. Еще в феврале 1922 г. В. Ластовский с плохо скрываемым раздражением писал министру финансов БНР А. Вальковичу: «Расходование средств мимо государственной казны и не прошедших государственного контролера и государственного казначея будет

97. Ліцкевіч А. Беларуская віртуальная рэспубліка. С. 71.
98. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 75–76.
99. Уже в январе 1923 г. торговое соглашение было расторгнуто: Ліцкевіч А. Беларуская віртуальная рэспубліка. С. 72; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 201; Тихомиров А. Проблемы белорусско-германских отношений...

рассматриваться мною как злоупотребление по службе. Таким же образом будет рассматриваться мною выдача кому бы то ни было средств в долг от имени правительства...»[100] А уже 18 мая В. Ластовский направил А. Валькович ультимативное требование представить в недельный срок «полный отчет» о всех финансовых операциях[101].

С. Житловский безрезультатно пытался урегулировать вопрос с коммерческими делами правительства. «Единственный наш козырь здесь в Берлине, — убеждал он, — это то, что мы хотя бедны, но честны. На нас здесь смотрят как на представителей определенной политической группы, которая не занимается авантюрами, шиберством и т. д. Но если мы потеряем наше реноме, то мы все потеряем...»[102]

В результате затянувшегося кризиса В. Ластовский покидает пост председателя Рады министров БНР. Позже он вспоминал: «В 1922 году в среде БНР в Ковно произошел крупный конфликт на почве реализации товаров, предоставленных на один миллион марок немцами для БНР. Хотя это было представлено как любезность, но оказалось, что товар был самого плохого качества и реализация его возможна была ниже себестоимости... Комиссия, состоящая из Захарко, Зайца и Вальковича, ликвидировала товары, а средства поступали в кассу не щедро. Я захотел присутствовать на собрании комиссии. Мне было заявлено, что собрание закрытое и мое присутствие нежелательно. Я обратился в президиум. Президиум стал на сторону комиссии, и я должен был выйти в отставку...»[103]

100. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1283.
101. Там же. С. 1321–1322. Кроме того, ссылаясь на полученную из Министерства белорусских дел справку о выплате А. Вальковичу жалованья за работу «осведомителем», В. Ластовский обвинил последнего в сотрудничестве с литовской разведкой: Справа Вацлава Ластоўскага. С. 222.
102. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1386.
103. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 303–305.

ГЛАВА 10

«Ковенское болото»: Государственная коллегия

Представляя себе деятелей БНР, мы как-то совсем упускаем из виду, что речь идет о живых людях, совершенно забываем о личной стороне их жизни. На самом деле их выбор далеко не всегда находил отклик даже среди самых близких. Так, весной 1919 г. супруга одного из министров, Кузьмы Терещенко, писала мужу: «...Конечно, я страшусь только, что ты не устроишься служить, а так, с идеалистами живешь. Это мне не нравится. И я чего думаю, что мне не понравятся эти люди, которые нигде не служат и болтаются... и ты лучше поступай агрономом в земельный отдел... Милунчик, а ты-то получаешь ли жалованье, или вы там такие дурачки собрались, что, может быть, идеями сыты. Правда, устраивайся лучше во всех отношениях...»[1]

Почти у каждого из министров за плечами был ворох собственных личных проблем. Осенью 1920 г. после неудачных переговоров с большевиками из Советской России должен был вернуться А. Головинский, в связи с чем А. Цвикевич саркастически замечал: «...Если его “акция” закончилась привозом жены — так и то хорошо...»[2] Впрочем, семейный вопрос не отпускал и самого Цвикевича, который в письме к В. Ластовскому писал: «...У меня — радость: приехала жена с детьми. Все здоровы. Разместились пока в пансионе — страшно дорого, — и не знаю, как выйду из положения...»[3] Вторая супруга Ластовского (тогда еще гражданская) Станислава Кисель сразу после

1. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 22. Арк. 143–143 адв.
2. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1235.
3. Там же. С. 1003.

подписания прелиминарного мира выехала в Советскую Россию и некоторое время фактически оставалась в заложниках у большевиков[4].

Среди наиболее известных пар в белорусском движении можно назвать Ф. Шантыра и Л. Сивицкую (Зоську Верас), И. Луцкевича и Ю. Менке, П. Меделку и Т. Гриба, в которого, кроме того, была безответно влюблена и П. Бодунова. С другой стороны, ревность стала одной из причин провала эсеровского подполья. Иными словами, личная жизнь белорусского общественного деятеля и политика оставалась не менее важным мотивом его поступков, чем собственно идеология.

На этом фоне ряд личных конфликтов между отдельными деятелями не выглядел чем-то удивительным. Литовская разведка так оценила состояние белорусской эмиграции: «Ненормальная жизнь вдалеке от своего края приводит к деморализации большинства деятелей, которые находятся за границей...» Не случайно наступивший политический и идеологический кризис Т. Гриб описал в двух словах — «ковенское болото»[5].

Тем временем белорусы в Польше консолидируются накануне парламентских выборов, хотя тот же В. Ластовский выступил категорически против участия в них. «...Пока не закреплены границы на востоке... — объяснял он свою позицию, — это стало бы фактическим признанием насилия...»[6] Фактически он предлагал повторить сценарий с бойкотом выборов в Срединной Литве. Но на этот раз его голос не был услышан.

Сами выборы привели к феноменальному успеху. Белорусы не просто впервые смогли провести своих представителей в высший институт власти, но стали частью государственной политической системы — пусть даже этим государством и оказалась Польша. И на первых порах у них это получалось. Позже В. Рогуля так сформулировал тактику белорусских послов

4. Там же. С. 927, 1070.
5. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 256.
6. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1315. На тему белорусского представительства в польском парламенте см.: Пашкевіч А. Парламенцкія формы змагання за нацыянальныя і сацыяльныя правы беларускага народа ў міжваеннай Польшчы (1921–1930 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. Мінск, 2006.

в Сейме: «Нам оставалось главным образом играть на двух струнах: национальной и экономической. Первая в то время была слабой, вторая — сильной. Мы напирали на отсутствие белорусских школ и на военное осадничество...»[7] Но именно эта победа во многом поставила под вопрос будущее БНР.

11 октября 1922 г. президиум Рады БНР и Рада министров БНР объединяются в одну Государственную коллегию под руководством П. Кречевского, которая берет на себя функцию правительства БНР. В состав коллеги вошли В. Захарко. С. Житловский, Л. Заяц, В. Ластовский и А. Цвикевич. А уже на заседании 19 октября В. Ластовский и А. Цвикевич доложили о предложении представителя литовского МИДа П. Климаса, чтобы деятельность правительства БНР была в будущем направлена в сторону реальной работы в пользу Литвы[8].

Стараясь сохранить свое влияние, члены Государственной коллегии в начале декабря 1922 г. предпринимают шаги по координации деятельности структур БНР и белорусских послов в польском Сейме. Первоначально речь шла о возможной встрече в Двинске вместе с представителями фактически самостоятельной на тот момент латвийской диаспоры, но в конце концов местом для взаимных контактов был избран Гданьск, куда вскоре отправятся эмиссары из Вильно, Ковно и Минска[9]. В результате кризис кабинета В. Ластовского парадоксальным образом совпал с очередным всплеском активности организационных структур антипольского партизанского движения, которое в глазах общественности было связано с правительством... В. Ластовского!

Одним из итогов подписанного белорусско-литовского соглашения стало превращение правительства БНР в символ, образ идейного вдохновителя и организатора вооруженной борьбы на территории восточных воеводств Польши. Само партизанское движение — «антипольская диверсия», как его еще

7. Рагуля В. Успаміны... С. 18.
8. НАРБ. Ф. 567. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 4–5; Сідарэвіч А. Дзяржаўная калегія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 3. С. 243.
9. НАРБ. Ф. 567. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 1–3.

иногда называют в литературе, — продолжалось с перерывами несколько лет. Формально белорусские партизаны выступали как часть структур литовского Стрелецкого союза — «шаулисов». Деятельность шаулисов имела вполне конкретные цели: в первую очередь — проведение разведки и, по возможности, осуществление терактов, которые должны были подготовить местное население к скорому восстанию против Польши[10].

Для непосредственного руководства диверсионной работой было создано несколько центров. Главной базой белорусского подполья стало местечко Меречь в Алитском повете, на границе с так называемым «нейтральным поясом», куда еще в середине марта 1921 г. из Ковно был выведен белорусский батальон[11].

Белорусы были назначены руководить тремя полевыми группами: в Утене — полковник Николай Бигард, в Кошодарах — Г. Козячий и в Меречи — капитан В. Разумович. Причем деятельность группы Разумовича должна была охватывать территорию от Пружан и Бреста до Несвижа и Новогрудка, а сам капитан именовал себя не иначе, как «атаман белорусских партизан Хмара»[12].

10. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 226–230.
11. Позже батальон перевели в Мариамполь, где его вскоре преобразовали в Особую белорусскую роту: Ibid. S. 164, 216–217.
12. Даже беглое знакомство с биографией Вячеслава Разумовича позволяет рассмотреть в нем неординарную личность. По непроверенным источникам, «атаман Хмара» был выходцем из мелкой польской шляхты, перешедшей в православие после восстания 1863 г. Родился в Гродно около 1886 г. В семнадцать лет поступил на учебу в Санкт-Петербург. На 1914 г. работал чиновником при государственном управлении по строительству шлюзов и каналов станицы Константиновская Донского округа. Добровольцем ушел на фронт. После окончания военной школы в Тифлисе в звании подпоручика служил на Турецком фронте на Кавказе, позже — в Галиции. Был ранен, но, выписавшись из госпиталя, продолжил службу уже на Северном фронте. К концу войны оказался в Румынии, где получил место чиновника в администрации одного из округов. Позже на короткое время вместе с семьей перебирается в Киев, где занимается торговлей (в документах встречается упоминание о его, возможно, вымышленном титуле «личного поставщика гетмана Скоропадского»). Осенью 1919 г., когда события в Украине приобретают драматический характер, через Львов и Варшаву В. Разумович перебирается на родину. В Гродно он устраивается в кооператив «Беларусь». Позже, на «процессе 45-ти» в Белостоке, со стороны обвинения утверждалось, будто Разумович после прихода большевиков являлся комендантом Гродно. Подтвердить это не удалось,

Учитывая то, что в официальных литовских документах такого обращения не существовало, а В. Разумович являлся всего лишь адъютантом белорусского отдельного батальона литовской армии, возможно, что и сам «штаб белорусских партизан» — это очередная мистификация, которая сознательно допускалась литовской стороной. Косвенно об этом свидетельствуют и цифры: если на 1 апреля 1922 г. в распоряжении В. Разумовича было меньше ста «стрельцов», то уже в конце года он отчитался перед руководством за почти семь тысяч партизан[13].

Фактически диверсионная деятельность, однако, была явлением сложным и лишь отчасти подчинялась чьим-либо приказам — по крайней мере, приказам из Ковно. Не случайно литовская сторона резко раскритиковала белорусов за то, что они представляют ложную информацию относительно антипольского партизанского движения: что нет никаких семи тысяч партизан, а существуют лишь неорганизованные небольшие банды, в которых две трети составляет криминальный элемент[14].

Белорусская партизанская группа действовала на территории девяти поветов. Сами отряды чаще всего состояли из местных жителей, которые лишь на время присоединялись к диверсионному ядру. Они нападали на административные органы, военно-полицейские объекты, имения и поселения так называемых осадников[15]. Так, весной 1922 г. отряд Г. Шиманюка-«Скомороха» и И. Грицука-«Черта» провел несколько диверсий в районе Беловежской пущи[16].

но в документах фигурирует Разумович, помощник гродненского военкома. См.: Starża A. Ataman Chmara Razumowicz. Sylwetka białoruskiego irredentysty. Warszawa, 1937. S. 6–23.

13. Согласно утверждениям самого «атамана Хмары», за короткое время ему удалось организовать девять отделов, более тридцати партизанских районов и несколько десятков боевых отрядов с общей численностью около 6 тыс. человек: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1546–1559; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 234–235.
14. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1218.
15. Хвірысюк В. Арганізацыя партызанскай барацьбы ў Заходняй Беларусі супраць польскіх уладаў у 1921–1922 гг. // Берасцейскі хранограф. Вып. 2. Брэст, 1999. С. 99.
16. Нашае новае жыцьцё (Аднаднеўка). 06.07.1923. С. 2; Партызанскі рух у Заходняй Беларусі... С. 419.

«В то время как партизаны литовцы... составляли часть обычных, не активных работников, — докладывал бывший руководитель 3-й партизанской группы Бедрицкий-Кибарт, — белорусы наши были выделены в отдельную команду. Так называемую “команду для связи”, которая все время передвигалась своими отделами за границу и назад, связывая штаб группы с местными организациями... Кроме специальной связывающей службы белорусы несли еще и службу разведывательную, агитационную, информационную и т. д. Результатом этой службы были случаи убийства некоторых наиболее выдающихся польских общественных деятелей, политических работников и чиновников, мешавших нашей работе...»[17]

Не менее важное значение имела пропагандистская акция — распространение листовок и брошюр, издание газеты «Беларускі партызан». Правда, одновременно Ковно полностью заблокировало организацию белорусской национальной армии, опасаясь, что она может быть использована против самой же Литвы[18].

1 января 1923 г. в Ковно был создан Белорусский стрелецкий союз (в его правление вошли А. Коробач, Г. Козячий и А. Цвикевич). Вскоре здесь прошел съезд белорусских стрелков и курсы пропагандистов-агитаторов, причем последние официально назывались курсами белорусоведения и литовского языка (руководили ими В. Ластовский и К. Дуж-Душевский). Одновременно в Берлине от имени Союза был подписан договор с представителями литовских шаулисов и Украинской военной организацией о взаимной координации борьбы против Польши. Показательно, что это соглашение должно было принести белорусам 30 тыс. долларов на организацию боевых отделов. В итоге новая структура не сыграла никакой роли, тем более что вскоре литовские власти постарались ограничить белорусское влияние на партизанские отделы[19].

17. Jurkesha [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://jurkesha.livejournal.com/tag/БНР. Дата доступа: 31.10.2016.
18. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 172.
19. Ibid. S. 239–241.

Среди участников белорусского антипольского подполья к идейным национальным деятелям можно отнести далеко не всех. Так, уроженец Скидельской волости Григорий Злоцкий являлся дипломатическим курьером правительства БНР, был делегатом от Гродненщины на Белорусской национально-политической конференции в Праге, а кроме того, по некоторым данным, служил в ЧК[20]. Выходец из Сокулки Александр Горош прослужил в российской армии офицером шестнадцать лет. Уже вернувшись домой, он пытался найти себе место среди различных военных формирований, которые здесь создавались. Вначале вступил в ряды белорусского полка, позже служил в Белорусской военной комиссии при польской армии. После демобилизации открыл магазин в Соколке, где якобы вербовал молодых парней призывного возраста в белорусское партизанское движение[21]. Еще один выходец из-под Скиделя Григорий Козячий был секретарем военно-дипломатической миссии БНР в Латвии и членом масонской ложи «Белорусское братство». Когда литовские власти расформировали партизанский штаб, он вместе с частью партизан перешел на территорию Советской Белоруссии[22].

Одной из немногих, кто открыто признал себя в качестве «главного и единственного организатора всего движения», стала Вера Масловская[23]. Конечной целью организации, по ее словам, было создание независимой Белорусской республики, с тем чтобы соединить в одно целое все белорусские

20. Слуцкі збройны чын... С. 337.
21. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 186. Арк. 31; Зарава (Аднаднеўка). 25.05.1923; Беларуская ніва. 12.12.1925. № 8; Nowe Życie. 14.09.1919. № 38.
22. Слуцкі збройны чын... С. 345.
23. Вера Масловская-Матейчук более известна под псевдонимами «Мурашка» (Муравей), «Белорусская Мурашка» или «Вера Мурашка». Родом из деревни Огородники Белостокского уезда, В. Масловская закончила белорусскую учительскую семинарию в Свислочи и некоторое время безуспешно пыталась открыть белорусские школы у себя в повете. Позже работала в белорусском приюте в Гродно, была членом Гродненской громады белорусской молодежи. На судебном процессе ей ставили в вину организацию антипольского подполья и непосредственно конспиративную связь со штабом партизанской группы в Меречи: Беларуская справа падчас польскай акупацыі 1919–1920 гг. // Спадчына. 1994. № 6. С. 62, 86.

территории. «Исключительно против Польши борьбы не вели», — заявила В. Масловская во время суда. По ее мнению, всю ответственность за то, что их деятельность приняла «революционный характер», а в случае с личностями, «примкнувшими к организации», — и бандитский, несет исключительно польская власть, которая «стремилась убить… душу белорусского народа». При этом Масловская замечала, что защищать Родину — «это не преступление, а обязанность каждого гражданина-патриота перед его Отчизной, будь то белорус, поляк или кто-то еще». В. Масловская признала, что ее деятельность носила сугубо «идейный характер». «Пока я оставалась во главе организации, — подчеркнула она, — ни одна капля крови не пролилась. Все это произошло уже после того, как нас арестовали и… вместо нас появились новые “руководители” движения со своими особыми “задачами”»[24].

Само по себе белорусское партизанское движение создало своеобразный идеологический казус для польских властей. Учитывая прежний исторический опыт Польши, негативное отношение к белорусским партизанам требовало своего обоснования. В этой связи газета «Дзенник Гродзеньски» (*Dziennik Grodzieński*) поместила обширную статью с характерным названием: «Бандиты или партизаны?» «Мы сами с оружием в руках еще не так давно воевали за собственную свободу, — говорилось в статье. — Поэтому мы, наверное, могли бы назвать и усилия кого-то другого, пускай и вооруженные, во имя народа иными словами, чем “бандитизм”. Однако тяжело из простых бандитов делать героев. За исключением небольшой горстки белорусских эмиссаров, само белорусское население даже не думает о какой-то там борьбе против Польши, а тем более — с оружием в руках». «Участники “банды атамана Черта”, — добавляла газета в другом месте, — были обычными преступниками. Только эта идея руководила ими в нападении на Клещевляны. Белорусский вопрос в Польше не связал их воедино, не создал из них каких-то там “белорусских повстан-

24. Зарава (Аднаднеўка). 25.05.1923. С. 3.

цев", которые начали вооруженную борьбу... Сам этот вопрос для них был чужим...»[25]

В итоге польской дефензиве удалось раскрыть эсеровское подполье, и вся партизанская борьба закончилась судебными процессами — «45-ти» в Белостоке в 1923 г. и «72-х» в Гродно двумя годами спустя[26]. Причем на суде в Белостоке фигурировали сразу два посла польского Сейма — Сергей Баран[27] и Семен Яковюк[28]. «Местное оседлое население, — говорилось в рапорте дефензивы, — уже устало от неопределенности, тогда как перспектива новой войны или восстания грозит окончательным уничтожением даже того, что осталось... Мечта о Независимости, о Независимой Беларуси уходит с повестки дня, теряя соответствие текущему моменту»[29]. Правда, окончательно усмирить «восточные кресы» польской администра-

25. Dziennik Grodzieński. 28.05.1922. № 82. S. 3.
26. Примечательно, что почти одновременно с арестом поляками деятелей белорусского подполья литовскими властями был арестован и атаман Хмара. Его обвиняли в превышении служебных полномочий, насилии над мирным населением и антигосударственной деятельности. Через месяц атамана освобождают из форта VI в Ковно, где он находился в заключении, но только для того, чтобы он провел ликвидацию своего отряда. В итоге В. Разумович вступает в секретные переговоры с представителями советской разведки, и часть из оставшихся партизан пешим маршем через территорию Польши уходит в Советскую Россию. Следующие несколько лет В. Разумович провел между Гданьском и Прагой, безуспешно пытаясь заинтересовать своими услугами различные иностранные спецслужбы: Слуцкі збройны чын... С. 345; Starża A. Ataman Chmara... S. 6–23.
27. Głogowska H. Los białoruskiego posła Sergiusza Baranowa // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1995. T. 2 (4). S. 146–159; Posłowie i senatorowie Rzeczypospolitej Polskiej 1919–1939. Słownik biograficzny. T. I. Warszawa, 2000. S. 83.
28. В политической биографии С. Яковюка больше всего вопросов вызывает даже не его «белорусскость» и не обвинения в том, что он присвоил большую часть средств, отпущенных литовским правительством на организацию партизанских отрядов в Польше, за которые якобы построил несколько домов в Гродно. Главную загадку заключает в себе небольшой листок бумаги, написанный собственноручно С. Яковюком осенью 1955 г. на имя начальника КГБ Литовской ССР с просьбой предоставить ему персональную пенсию как работнику ЧК с... 18 сентября 1918 г.: Вашкевіч А., Нарэль Д. Сцежкамі Сымона Якавюка // Arche. 2005. № 5; Posłowie i senatorowie Rzeczypospolitej Polskiej... S. 278.
29. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (далее — ДАБВ). Ф. 67. Воп. 1. Спр. 22. Арк. 37.

ции так и не удалось. На смену белорусскому подполью вскоре пришло подполье коммунистическое, во многом превосходившее первое по масштабам[30].

Весной 1923 г. Государственная коллегия выступила с инициативой заключить новое соглашение с Литвой, которое, среди прочего, предусматривало финансирование деятельности БНР в размере «не менее чем 1 % государственного бюджета» и заключение паспортной конвенции. Тем временем руководство Литвы не только отказалось рассматривать выдвинутые условия, но сделало все, чтобы скрыть само предложение от широкой общественности[31]. Вместо этого литовская сторона все настойчивее требует преобразовать органы БНР в национальный комитет, который бы представлял исключительно белорусских эмигрантов в Литве.

К 1923 г. из членов правительства БНР в Литве остались председатель Рады БНР П. Кречевский, вице-председатель В. Захарко, секретарь И. Мамонько, В. Ластовский, его заместитель А. Цвикевич и госконтролер Л. Заяц. Все они с семьями жили в самом Ковно. Кроме того, в канцелярии Рады министров работали И. Ермаченко и Г. Ляцкий (в Праге), А. Головинский, стенографистка Л. Дорошкова, а также секретарь при представительстве БНР в Литве А. Дмитриев и канцелярист М. Севостянюк. А. Валькович, возглавлявший до этого представительство в Ковно, уже был исключен из списка работников белорусского правительства[32].

К концу года почти все консульские службы БНР или самораспустились, или были упразднены компетентными органами тех государств, где они находились. В августе 1923 г. МИД Германии известил шефа дипломатической миссии БНР А. Боровского о том, что он и его люди рассматриваются исключительно в качестве представителей одной из зарубежных политических групп. Также германские дипломаты подчеркну-

30. Подробно см.: Cichoracki P. Stołpce-Łowcza-Leśna 1924. II Rzeczpospolita wobec najpoważniejszych incydentów zbrojnych w województwach północno-wschodnich. Łomianki, 2012.
31. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 188.
32. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1347.

ли, что представитель БНР в Берлине больше не может выдавать паспорта по политическим мотивам, поскольку подобная практика противоречит соглашению, подписанному Германией с БССР 5 ноября 1922 г.[33]

4 апреля 1923 г. А. Цвикевич сделал доклад перед Государственной коллегией о своей поездке в Гданьск на встречу с белорусскими деятелями, а всего неделю спустя В. Ластовский покидает очередное заседание, заявив, что здесь его оскорбили и обвинили в мошенничестве. Уже 20 апреля перед остальными членами коллегии было зачитано заявление бывшего премьера БНР о невозможности выполнять дальнейшую работу, а на попытку со стороны Л. Зайца убедить его явиться на заседание он ответил, что договориться они не смогут. Формально, однако, В. Ластовский и К. Дуж-Душевский объявили о своем выходе из Государственной коллегии в связи с переходом на службу в литовское Министерство иностранных дел[34].

Примерно к этому моменту у самого В. Ластовского окончательно созрела идея «перезагрузки» белорусского проекта, но уже под новым названием — «Кривия»[35]. Он сформулировал общую концепцию, которая объясняла замену названия «Беларусь» на «Кривию» следующим образом: «Когда наш народ утратил свою независимость, стало забываться и его настоящее имя. Тем более, что враги, которые нас захватили, всегда называли нас по-своему. Так закрепилось у нас название Беларусь. Это название “Беларусь” служило нам долго, так что приросло к нам. Однако все же наше старое и настоящее имя — это Кри-

33. Тихомиров А. Проблема белорусско-германских отношений... Тем не менее Берлинская миссия продолжала функционировать до конца 1925 г., выдавая заграничные паспорта. Всего за время ее существования их было выдано свыше 2 тыс.: НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 9. Арк. 97–98.
34. НАРБ. Ф. 567. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 3. «Нужно искать работу, а программой сыт не будешь» — таким был один из аргументов В. Ластовского: Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 189; Гігін В. «Прызнаць Мінск...» С. 80.
35. На самом деле это была всего лишь еще одна попытка преодолеть политический кризис, в котором оказалась БНР. О том, что по своей сути идея Кривии ничем не отличалась от идеи «национальной Беларуси», пишет В. Акудович. См.: Акудовіч В. Код адсутнасці... С. 12.

вичи, а край — Кривия. Кривич означает свояк... родной, близкий человек. И в самом деле, мы все друг другу кривичи, так как все одного рода, одного племени, одного языка. И лучше и правдивей нам называть себя Кривичи, хотя нет причин стыдиться и названия "Беларусь": и то, и другое одно означает...»[36]

Вероятно, бывший белорусский премьер не был одинок в оценке существующего названия страны. Еще в ноября 1922 г. Я. Станкевич в письме из Праги, обращаясь к В. Ластовскому, писал: «Как Вы знаете, многие (если не все) сознательные белорусы недовольны нашим теперешним названием "Беларусь" и т. д. Признавая его непрактичность и вредность при возрождении и вообще жизни нашего народа как рекламирующего нас в виде некоей части, приставка "русский"...» Выбирая между четырьмя вариантами — «кривичи», «русины», «белорусы» и «литовцы», — Станкевич отдавал предпочтение первому: «...Лучшим нашим национальным названием является Кривич, а край — Кривия...»[37]

Большинство белорусских деятелей, однако, увидели в «Кривии» прямой вызов самим основам национального движения. Даже К. Езовитов, который первоначально отнесся к предложению о смене названия достаточно сдержанно, позже выступил с его критикой: «Идею "Кривии" и "кривского народа" многие считают для дела вредной: разбивает это наше еще не сколоченное движение и ставит в тупик иностранцев. Мало того — наши дреговичи и радимичи немного обижены. А что хуже, это может вызвать раскол и создание Черной Руси или Белопольши»[38].

В это же время в Праге сформировался еще один центр белорусского движения. Возник он летом 1921 г., когда в Чехословакии началась так называемая «русская акция» — программа поддержки эмигрантов с территории бывшей Российской империи, которая распространялась и на белорусов. Правительство БНР вместе с другими организациями вос-

36. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1400.
37. Там же. С. 1357.
38. Там же. С. 1494.

пользовалось сложившейся конъюнктурой для подготовки национальной интеллигенции. В итоге на протяжении 1920–1930-х гг. в Чехословакии находилось на учебе около семисот этнических белорусов (что составляло десятую часть от всех стипендий)[39].

Первоначально было выделено двадцать стипендий. Позже их число выросло почти в полтора раза. Причем Н. Вершинин специально оставил несколько стипендий для бывших агитаторов на выборах в польский Сейм. Тогда же в Праге была создана и первая организация белорусских студентов — Белорусская громада, в которую вошли Н. Вершинин, И. Дворчанин, А. Климович и др.[40] Правда, к тому моменту, когда массовая выдача стипендий была приостановлена, белорусская диаспора в Чехословакии оказалось разбита сразу на... три группы[41].

Одним из первых среди членов Рады БНР в Прагу переезжает Т. Гриб. Его отъезд стал итогом затянувшегося конфликта между бывшим лидером белорусских эсеров и ковенской группой. Разочаровавшись в соратниках, Т. Гриб писал, обращаясь к В. Ластовскому: «Отношения с моими коллегами по правительству и бывшими партийными товарищами настолько испортились, что не только не было желания при встрече подать руку для приветствия, но даже посмотреть в ту сторону было гадко, противно — и поэтому некоторое время после того, как я приехал в Прагу, при одном упоминании о “ковенском болоте” просто мурашки пробегали по телу...» А дальше он задавался вопросом: «Неужели только такие горькие итоги первого открытого боя за независимую белорусскую государственность? Пять лет сумасшедшей, напряженной работы — все напрасно?! Белорусское возрожденческое движение,

39. Буча А. Беларуская дыяспара ў Чэхаславакіі... С. 8.
40. Всего в Чехословакии училось до двухсот белорусов. Интересна общая статистика белорусской диаспоры: 43 % считали себя атеистами, 77 % не знали ни одного иностранного языка. Тем не менее белорусам удалось защитить несколько диссертаций: Я. Станкевичу — об Аль-Китабе, И. Дворчанину — о Франциске Скорине, Т. Грибу — на тему «Проблема нации и народа» и др.: Там же. С. 50, 52, 58, 61, 63.
41. Там же. С. 90.

словно экспресс, неслось вперед — было вдохновение — был подъем — аж до самопожертвования. Это было чистое, красивое — волшебное — первая любовь — расцвет весны...»

Еще совсем недавно сторонник активной политической борьбы, Т. Гриб, попав в Прагу, кардинально меняет свои взгляды: «Перед нами стоит теперь совсем конкретный вопрос: накопление культурных ценностей белорусского возрожденческого движения. Сознательных сил мало. А те, что есть, волками смотрят друг на друга, запутавшись в разных политических противоречиях. Нет культурного центра. Ни Минск, ни Вильно, ни Двинск, а тем более Ковно при нынешних обстоятельствах им быть не могут. Остается Прага, где ситуация благоприятствует творческой научной и литературной работе...»[42]

Он звал П. Кречевского покинуть Литву и переехать вслед за ним для создания Белорусского национального института. Т. Гриб убеждал председателя Рады, что «БНР перестал быть идейным центром». П. Кречевский отвечал категорическим отказом, заметив, что это означало бы конец государственному существованию[43]. Чуть позже в своем письме А. Луцкевичу Т. Гриб писал: «...Правительства БНР больше не существует, развалился и президиум Рады БНР. “Государственная коллегия”? Гм — это уже шантаж, обычная такая авантюра, та же алексюковщина...»[44] В результате 15 марта 1923 г. Рада БНР лишила Т. Гриба и присоединившегося к нему И. Мамонько официального статуса и поручила своему представителю отобрать у них дипломатические паспорта[45].

12 июля 1923 г. П. Кречевский издает обращение к членам Рады БНР и всем белорусским организациям: «Основы нашего государственного и социального строительства и в этот тяжелый момент остаются неизменными и согласными с волей Всебелорусского съезда... Долг членов Рады — сохранить верность воле народа и его постановлениям.

42. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1389.
43. Буча А. Беларуская дыяспара ў Чэхаславакіі... С. 66–67.
44. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1412.
45. Гігін В. «Прызнаць Мінск...» С. 79.

Окровавленный и обессиленный в борьбе с оккупантами белорусский народ требует и от вас, члены Рады, таких же жертв, какие приносит и сам. На вас, как избранниках народа, в этот тяжелый час лежит самая ответственная и почетная роль — организованно направить освободительную борьбу в русло государственности, согласно воле народа и нашей Конституции. Вместе с вами пойдут национальные и культурные организации и все сознательные белорусские силы, сплоченные вокруг Рады Белорусской Народной Республики и ее законного правительства.

Нет той силы, которая смогла бы удержать исторический бег Белорусского возрождения. Жестокая несправедливость Европы, злостная дискредитация Белорусского движения врагами, презрение и издевательства соседей — ничто не должно останавливать нашей работы в деле осуществления Независимости.

На все препятствия ответим удвоенной энергией. Трупы расстрелянных и павших в борьбе пусть будут для нас примером и залогом того, что их жизнь не пропала даром. Обратим издевательство над нашим национальным правом, примером чего был недавний Белостокский процесс, — в слезы и проклятия самих судей. Справедливого и спокойного разрешения нашего вопроса мы не добьемся ни от кого. Нужны собственные силы и непреклонная воля в достижении намеченной цели.

Я жду от вас, члены Рады, и всех белорусских общественных организаций неустанной и самой упорной работы на пользу родного края. Разбросанные повсюду и стонущие под чужим ярмом, мы все-таки составляем единый организм, спаянный единством духа и воли. Я убежден, что наши надежды осуществятся, и призываю всех на борьбу за осуществление наших идеалов.

Да здравствует раскрепощенный белорусский народ! Да здравствует Белорусская Народная Республика! Слава погибшим в борьбе. Честь и победа борющимся!»[46]

46. Обращение было опубликовано в ковенской газете «Эхо» 20 июля 1923 г. Цит. по: ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 8. Л. 27; Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1408.

В ответ на призыв из Вильно к руководителям БНР сложить мандаты П. Кречевский эмоционально отвечал: «Я знаю, что проклятая польская рука безмерно душит белорусское население, однако не нужно все-таки терять рассудок. Вы же, послы польского Сейма, имеете возможность все время вращаться в политических сферах, причем не только польских, но, я думаю, и других. В вашем распоряжении есть вся пресса, информация как с запада, так и с востока. Как же вы могли принять единогласно такую резолюцию? Для меня это совершенно непонятно...»

Он еще раз повторяет свою позицию в вопросе БНР: «Что такое правительство БНР, всем за границей известно. Пока живет идея независимости Беларуси, должно жить и оно, а если вы предлагаете передать мандаты БССР — значит, вы отступаете от независимости и идете на федерацию, а отсюда легко согласиться и на автономию в России или Польше, даже культурно-национальную, как это сделали Дубейковский и Ладнов в Варшаве, Ластовский и Душевский в Ковно и эсеры в Минске. Тогда можно идти каждому куда попало, так как до этого времени единственное, что нас объединяет, — это независимость: та грань, за которую никто не смеет переступить!»

П. Кречевский добавлял, что для подобного шага еще не пришло время. Наоборот, подчеркивал он, «...идея независимости... нигде за границей не скомпрометирована, а находит поддержку даже среди тех, кто раньше к ней относился враждебно...» Он был также категорически против создания вместо правительства разного рода эмиграционных центров или комитетов и попыток от их имени вступать в контакт с Лигой Наций. «Превратившись в комитет, — доказывал председатель Рады, — можно только защищать интересы эмигрантов, каковых у нас просто нет...»

Главный же его аргумент заключался в том, что виленские белорусы отвечают только за «варшавский Сейм», тогда как деятелям БНР «...придется отвечать за всю Беларусь вообще». П. Кречевский категорически отказывался верить в советскую политику белорусизации, подчеркивая, что для Москвы все

они — только средство в политической борьбе: «Гарантий никаких нет, и мы даже не слышим голоса своих коммунистов из Минска, кроме тех, кто меняет вехи. Но им все равно, так как готовы служить хоть черту, лишь бы платили деньги».

«Раздел Беларуси Рижским трактатом, аннексия ее восточной части Москвой, а западной — Варшавой, издевательство над белорусским национальным возрождением в форме создания из шести поветов хозяйственно нежизнеспособной Советской Беларуси, наконец — бесправие, противоречащее самоопределению народов... Как Председатель Рады Белорусской Народной Республики я утверждаю, что основы нашего государственного и социального строительства и в эту тяжелую минуту остаются неизменными согласно воле Всебелорусского съезда... Обязанность членов Рады — сохранить верность воле Народа и ее основам»[47].

Как ни странно, именно безвыходность ситуации внушала П. Кречевскому оптимизм: «Мы были и будем объектом торга, но уже не между Литвой и Польшей, а между Польшей и Советской Беларусью, что придает нам более достойную позицию и в политическом и в национальном смысле»[48]. Свой ответ он закончил следующими словами: «Плох тот солдат, который спасается бегством с поля боя, не будучи побежденным...»[49]

47. LCVA. F. 582. Ap. 1. B. 4. L. 68.
48. Ibid. L. 69.
49. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 217. Арк. 93–94.

ГЛАВА 11

«Вбить осиновый кол»: правительство Александра Цвикевича

Последнее правительство Белорусской Народной Республики, которое возглавил Александр Цвикевич, было сформировано 23 августа 1923 г. на совместном заседании президиума Рады и правительства БНР. Причем в принятом решении особенно подчеркивалось, что «вся работа правительства ведется... совместно под руководством председателя Рады Республики П. Кречевского»[1]. При этом из-за отсутствия согласия со стороны части членов президиума Рады — П. Бодуновой, И. Мамонько и Н. Козича — новый кабинет министров не был утвержден постановлением президиума Рады БНР, а его создание было лишь принято «к сведению»[2].

А. Цвикевич родился в Бресте в июле 1888 г. Вернулся в родной город, закончив юридический факультет Санкт-Петербургского университета, и после работал присяжным поверенным. Во время войны жил в Туле. В белорусском движении А. Цвикевич проявил себя в 1917 г. как один из организаторов Белорусской народной громады в Москве, хотя уже во время Всебелорусского съезда радикальные белорусские деятели критиковали его за нерешительность[3]. Его знакомство с украинскими деятелями оказалось исключительно ценным, в свое

1. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
2. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 191; Гігін В. «Прызнаць Мінск...» С. 80.
3. Цвікевіч А. Ліквідацыя БНР не была манеўрам. Візіт да Пілсудскага // Маладосць. 1993. № 1. С. 211; Вабішчэвіч А. Аляксандр Цвікевіч // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2000. Т. 14. S. 208–219.

время обеспечив правительству БНР получение кредита. Правда, в своей корреспонденции из Киева к А. Луцкевичу в январе 1919 г. А. Цвикевич сетовал на то, что не пишет премьеру по-белорусски, и обещал исправиться: «...Может быть, Вы меня на сей раз извините: следующее письмо постараюсь написать в нашей родной мове!»[4] В свою очередь, А. Луцкевич позже не мог простить ему промедления с приездом из-за границы, уже с украинскими деньгами на руках, что помешало белорусской делегации вовремя попасть в Париж: «Он (А. Цвикевич. – *А. Ч.*) боялся ехать в Гродно, ожидая наскока поляков. Это ожидание дорого нам обошлось...»[5]

Впервые с В. Ластовским и П. Кречевским А. Цвикевич, по его собственным словам, познакомился только в Берлине в 1920 г.[6] Позже противники вновь избранного премьера БНР писали: «Цвикевич совсем не подходил на пост Председателя, так как и к нему уже не было доверия после генуэзского заявления, однако, к сожалению, не было и другой, более соответствующей этому посту кандидатуры. Пришлось поручить создание нового кабинета все-таки Цвикевичу, особенно после его внезапного и скромного заявления, что ему будет очень неприятно, если председательство достанется кому-либо другому, так как он на правах бывшего заместителя председателя в свой последний приезд в Прагу отрекомендовался чехословацкому министру иностранных дел как председатель Рады министров БНР...»[7]

Кроме самого А. Цвикевича министерские посты в новом правительстве заняли В. Захарко (заместитель председателя и исполнявший обязанности министра финансов), Л. Заяц (государственный контролер), В. Прокулевич (государственный секретарь) и И. Воронко (министр просвещения). Вскоре, однако, последний выехал с поручениями в Соединенные Штаты и почти полностью разорвал контакты с бывшими соратниками[8].

4. LMAVB. F. 21. Vnt. 287. L. 3.
5. Ibid.
6. Цвікевіч А. Ліквідацыя БНР не была манеўрам... С. 215.
7. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 8. Л. 77.
8. Гігін В. «Прызнаць Мінск...» С. 80.

24 августа 1923 г. была издана Декларация правительства БНР, которая фактически являлась политической программой нового кабинета министров (под ней поставили свои подписи А. Цвикевич. И. Воронко, В. Захарко, Л. Заяц, В. Прокулевич и П. Кречевский — как председатель Рады БНР). Главной своей целью правительство объявляло борьбу за создание «государства трудового народа», а основной задачей — исправление «гибельных ошибок последнего времени, которые стали результатом голых рассуждений, оторванных от реальной жизни».

Сама программа содержала конкретные политические постулаты. Так, по аграрному вопросу кабинет А. Цвикевича провозглашал принцип крестьянского землевладения при регулирующей роли государства. Предлагалось создать государственный земельный фонд, куда в первую очередь отошли бы владения тех землевладельцев, «своих и чужих, кто во время борьбы за возрождение Беларуси действовал на благо чужих государств...», а также наделы осадников. Земля из этого фонда должна была отойти к малоземельным крестьянам и беженцам. Леса и другие природные богатства края национализировались. Вводились основные социальные гарантии — восьмичасовой рабочий день, страхование, пенсия и другие. При этом гарантировалось развитие частной инициативы и кооперации, с тем чтобы «обеспечить развитие краевой торговли и промышленности...»

Особо в программе оговаривалось отношение к трудовой интеллигенции, на которую возлагалась ответственность «сохранять и развивать белорусскую культуру на ее национальной основе». Правительство БНР, кроме того, объявляло свободу совести. При этом религия оставалась делом совести каждого гражданина и не должна была разделять народ.

«Возрожденный и объединенный после долгих веков страданий белорусский народ строит свое государство только для тех своих сыновей, кто живет трудом своих рук. Имя этого государства — Белорусская Народная Республика»[9].

9. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1434–1438.

С критикой нового кабинета тут же выступил бывший премьер В. Ластовский, заявив, что его назначение прошло вопреки принятому еще в декабре 1919 г. решению, согласно которому правительство может избираться только пленумом Рады, что само по себе в новых условиях было фактически невыполнимо. В ответ А. Цвикевич якобы позволил себе высказаться в духе, что собирается «хоронить Ластовского по первому разряду»[10]. Более того, на собрании «граждан и политических деятелей белорусской колонии в Литве» В. Ластовскому и К. Дуж-Душевскому был объявлен... «моральный бойкот» за то, что своим поведением они разрушали «общий белорусский политический фронт»[11]. А еще два месяца спустя В. Прокулевич как государственный секретарь потребовал у В. Ластовского вернуть государственную печать, а также загранпаспорта, выданные ему и его жене[12].

25 сентября 1923 г. в связи с резким ухудшением белорусско-литовских отношений было принято решение перенести работу правительства БНР из Ковно в Прагу[13]. Кроме того, 14 октября 1923 г. И. Мамонько как вице-председатель Рады БНР обращается к П. Кречевскому с письмом, в котором объявляет правительство А. Цвикевича незаконным и требует немедленного приезда в Прагу П. Кречевского и В. Захарко, в противном случае угрожая открыто выступить «...против нарушения... Конституции БНР»[14]. К решению распустить правительство А. Цвикевича присоединилась и П. Бодунова, которая как член правления Рады БНР поддержала И. Мамонько[15]. Речь шла даже о роспуске самого президиума Рады. В ответ П. Кречевский пригрозил бойкотом И. Мамонько и П. Бодуновой. Конфликт удалось разрешить лишь после вмешательства украинской диаспоры в Праге[16].

10. Там же. С. 1410–1411.
11. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 252–253.
12. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1466.
13. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 190–191.
14. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1459.
15. Кроме того, на начало декабря 1923 г. была запланирована перерегистрация членов партии БПСР в Ковно: Там же. С. 1461–1462.
16. По словам П. Бодуновой, в одной из бесед П. Кречевский будто бы заявил: «Я и один могу представлять Беларусь за границей!»: Там же. С. 1468, 1480.

Ситуацию усугубило выступление В. Ластовского в конце сентября в Женеве на конференции порабощенных Польшей народов. В своей речи он осудил не только Варшаву, но и Москву. «...Под Польшей Беларусь ограблена, унижена, потонула в море крови и слез, — подчеркнул белорусский политик. — Вторая половина Беларуси оказалась в старых, заново налаженных московских оковах...» И только Литва, по мнению бывшего главы БНР, могла «подать руку помощи» белорусскому народу[17].

Даже подготовка к поездке вылилась в очередной конфликт. Накануне П. Бодунова через Ковно и Гданьск выехала в Берлин. Здесь она встретилась с В. Ластовским и дала свое согласие на поездку на конференцию. Тут же в номере у Пурицкого прошла встреча с А. Цвикевичем и П. Кречевским. Последние выдвинули ультиматум, заявив, что если Ластовский поедет в Женеву, правительство БНР «будет протестовать». Тем не менее П. Бодунова и В. Ластовский продолжили работу над мемориалом, в котором собирались осудить политику Польши по отношению к белорусскому меньшинству. Кроме собственно белорусов, свой протест должны были заявить делегаты от литовского, украинского и немецкого меньшинств.

15 сентября, получив визу, П. Бодунова выезжает из Берлина в Прагу, твердо пообещав присоединиться к В. Ластовскому в Женеве. Буквально на следующий день от нее приходит телеграмма: «Товарищи решительно против моей поездки, делайте как сами думаете». Позже сама П. Бодунова в письме к В. Ластовскому объясняла причины случившегося так: «Пока мы с Вами писали мемориал в защиту нашего безмерно задушенного поляками народа — Цвикевич и Красковский, которые оказались интриганами большими, чем какие-либо черные силы, накручивали в Праге свою иудину волынку... А когда я приехала, так Томаш Гриб и Мамонько всю ночь про-

17. Ластоўскі В. Прамова ў Жэневе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/lastouski2/Ластоўскі_Вацлаў._Прамова_ў_Жэнэве.html.

вели в самом горячем споре со мной. Они доказывали мне, что я как социалистка не имею права ехать в Лигу Наций, так как это — буржуазная организация... Я заявила, что буду в Женеве выступать только перед социалистическими организациями, что перед трудящимися всего мира подниму мой голос в защиту своего народа. Где там! Они и слушать не хотели. Томаш даже начал угрожать — если поедешь, будем протестовать в газетах, напишем, что не имела права выступать от партии, так как партия не дала согласия...» П. Бодунова была вынуждена в конце концов уступить[18].

В итоге в середине ноября 1923 г. в Чехословакию для постоянного проживания переезжают П. Кречевский, В. Захарко, Л. Заяц и В. Прокулевич, тогда как сам А. Цвикевич остается в Литве. Белорусское правительство преследовало *déjà vu*. Только теперь это были литовцы, которые 30 октября 1923 г. при выезде членов президиума Рады Республики и правительства отказали в выдаче обратных виз[19].

Сразу по прибытии члены Рады и правительства БНР остановились в отеле «Beranek». Очень скоро, однако, стало ясно, что между местной белорусской диаспорой и представителями старого курса лежит настоящая пропасть. После одного из дружеских «чаепитий» в отеле Т. Гриб в своем письме к В. Жилке высказался по этому поводу категорически: «Они сюда приехали не для культурно-общественной работы. Им нужна новая спекуляция, чтобы жить... Белорусское дело для них является способом зарабатывать на проживание, и они его используют, чтобы выживать. <...> Я... предложил сейчас же организовать курсы белорусоведения. Посмотрел на присутствующих и... грустно мне стало. Кто может из них хоть что-то преподавать? Ни один никогда ничего не преподавал. Фактически это для них следовало

18. В своем письме к А. Луцкевичу из Ковно А. Цвикевич писал с плохо скрываемой иронией: «Что вы там сделали с “дамой с яичками”? Она приехала с такими дифирамбами В. Ластовскому, что нам даже страшно стало...»: Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1443–1444; 1452, 1457; Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 252–253.
19. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 238–239.

бы прочитать курс белорусоведения, ну а курс белорусского языка так обязательно...»[20]

На новом месте, правда, Рада министров БНР существовала неофициально, так как чешские власти опасались реакции со стороны Польши. Чтобы каким-то образом легализоваться и одновременно сохранить атрибуты государственности, в Праге была создана Белорусская рада — неполитическая культурно-просветительная организация под председательством Л. Зайца. Своей главной целью Рада ставила реализацию «культурных, материальных и гражданских потребностей эмиграции в Чехословацкой Республике». С этой целью она брала на себя организацию лекций, литературных, научных и музыкально-театральных кружков, ведение регистрации белорусских граждан на территории Чехословакии, а также организацию им материальной помощи, в том числе и от чехословацкого правительства. Первоначально президиум Рады возглавил П. Кречевский, а в его состав вошли В. Захарко, В. Прокулевич и Н. Вершинин[21]. Всего три дня спустя В. Прокулевич был делегирован Белорусской радой в Чешско-Украинский комитет просить субсидии, а уже 10 ноября Рада получила 5 тыс. крон, часть из которых пошла на выплату белорусским студентам[22].

В ответ 8 декабря 1923 г. пражские эсеры (Т. Гриб, П. Бодунова, И. Мамонько) издали «Паведамленне», в котором называли очередной кабинет «новой авантюрой... попыткой спекулировать на идее белорусского национального движения». «Так называемое “правительство” А. Цвикевича, искусственно созданное на эмиграции и пребывающее в Ковно, — говорилось в нем, — не может считаться законным правительством БНР...

20. Грыб Т. Выбранае. Мінск, 2017. С. 364.
21. В качестве «сочувствующих» членов в Раду вошли представители белорусской диаспоры в Литве — А. Головинский, А. Валькович, А. Тыминский, латвийские белорусы — Красковский, Пигулевский и К. Езовитов, от американских белорусов — И. Воронко и И. Черепук, а также генерал Голубинцев как представитель белорусов в Болгарии: НАРБ. Ф. 571. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 2–2 адв.
22. Вскоре, однако, помощь Рады местным белорусским студентам из безвозмездной превращается в кредитную: НАРБ. Ф. 567. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 4.

Как организация частная, не имеющая никакой связи с ответственными белорусскими партиями и организациями как в крае, так и за границей, это правительство является безответственным и самозванным... Созданная в Праге так называемая “Белорусская Рада” во главе с П. Кречевским и А. Цвикевичем есть не что иное, как новое авантюристическое предприятие, новая попытка спекуляции на идее белорусского освободительного движения и его представительства за границей, группы политически обанкротившейся, дезориентированной, недавно примкнувшей к белорусскому движению интеллигенции, потерявшей всякие нормы политического мышления и морально-этического поведения...»[23]

Официально Белорусская рада была зарегистрирована только 8 февраля 1924 г. Публичным проявлением жизни Белорусской рады стала подготовка и празднование шестой годовщины провозглашения независимости БНР[24]. Само торжественное заседание открылось минутой памяти всех погибших во имя независимости Беларуси. Затем слово взял П. Кречевский, представивший собравшимся исторический экскурс в прошлое белорусской государственности еще со времен Полоцкого княжества. «День 25 марта 1918 г., — закончил он свою речь, — показал всему миру, что белорусский народ никогда не прекращал жить политически. Легенда о несознательности белорусского народа в его собственном названии “тутэйшы” — ошибочна. Этот термин является свидетельством не только территориальной, но и национальной и политической сознательности. Назвать себя белорусом белорусский народ не мог вследствие преследования, а назваться поляками или русскими — не хотел. “Тутэйшы” закрепило за ним право на его территорию и обособленность его национальную».

Далее слово брали представитель объединенного белорусского прогрессивного студенчества Гришкевич, представитель

23. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1482–1484; Буча А. Беларуская дыяспара ў Чэхаславакіі... С. 91.
24. Инициативную группу по празднованию возглавил В. Прокулевич: НАРБ. Ф. 571. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 2–3.

Украинского общественного комитета Галогая, представители студенческой секции при Белорусской громаде Климович и Ильяшкевич, Туган-Барановский — от объединенных студенческих партий Восточной Европы, представитель Грузинского союза студентов Джанджугов, армянских студентов — Манарушко, Украинской студенческой громады — Мельников, белорусского «Сокола» — Ермаченко. Закрывали почти четырехчасовое собрание выступления Вершинина, Захарко и Прокулевича. Был, правда, еще инцидент с выступлением Т. Гриба, который не попал в общий протокол. На праздновании отсутствовала часть белорусских студентов из числа коммунистически настроенных и «сменовеховцев». Финансовый итог праздника вылился в общий дефицит в 18 крон[25].

Все это происходило на фоне дальнейшей «советизации» белорусского движения. Еще в июле 1923 г. в Советской Беларуси была объявлена амнистия, что сильно повлияло на настроения среди белорусских эмигрантов. Советский полномочный представитель в Литве (и один из руководителей советской внешней разведки) Яков Давтян по этому поводу замечал с плохо скрываемым раздражением: «Белорусские деятели постоянно меня атакуют по вопросу встречи и “разговоров”. Уже ранее разговаривали с ними в Таллине и Москве. Неспокойная публика, не имеет влияния в обществе... и литовцы с ними только играют... обещая восстановление “Великой Беларуси”»[26].

На самом деле есть что-то фаталистическое в том, что именно Москва вновь становится центром притяжения белорусского движения[27]. 9 июня 1924 г. в Минске было объявлено о ликвидации партии белорусских эсеров[28]. Одновременно в Ковно, спасаясь от ареста, прибывает бывший посол в польском сейме С. Яковюк. Хотя Яковюк и выступал от имени белорусского посольского клуба, именно он сыграл основную роль в перетя-

25. НАРБ. Ф. 571. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 14–19.
26. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 190.
27. Хомич С. Территория и государственные границы Беларуси в XX в. С. 205–256.
28. Гігін В. «Прызнаць Мінск...» С. 80–81.

гивании «группы Цвикевича» на советскую сторону. Не случайно после его приезда в Литву идея ликвидации БНР становится одним из политических лозунгов самого А. Цвикевича[29].

Позже советские авторы особенно подчеркивали, что идея роспуска государственных структур исходила изнутри самой БНР. «Инициатором по созыву съезда была ковенская группа... — писал один из них, М. Орлов. — Пражская и латвийская группы с готовностью подхватили мысль о созыве конференции. Оторванная от действительной политической работы, перевариваясь в своем собственном соку, белорусская эмиграция охотно пошла на конференцию, так как от нее она ожидала решения дальнейшей судьбы...»[30]

В действительности все было как раз наоборот. В Вильно, во многом в противовес эмиграционным кругам, складывается так называемый «Краевой центр» — неофициальная структура, которая выступала от имени белорусов Польши. О создании Краевого центра и роли в нем А. Луцкевича позднее вспоминал Б. Тарашкевич: «По его инициативе и под его председательством и руководством был создан тогда упомянутый “Краевой центр”. Входили в него, кроме Луцкевича, актив Белорусского посольского клуба: Яремич, Рак, ксендз Станкевич, Овсяник, я и другие (точно всего состава вспомнить не могу). “Краевой центр” связался с деятелями в Ковно и Праге (Вершинин), получил от них поздравления с победой на выборах и пожелания успешной борьбы за автономию Западной Беларуси... “Краевой центр” и не был особо тайной организацией. Создавая его, А. Луцкевич, по-видимому, рассчитывал сохранить за собой руководство Белорусским посольским клубом»[31]. «Вопрос о ликвидации БНР, — показал позже на допросе В. Ластовский, — зародился в виленской группе после учреждения Белорусского посольского клуба в польском сейме...»[32]

29. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 255.
30. Сакалоўскі У. Надзвычайная місія БНР... С. 314.
31. Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча... С. 59–60.
32. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 304. «Все белорусские послы и сенаторы, — вспоминал В. Рогуля, — были белорусскими не только по названию, но и по убеждению. Только одни выросли под

С другой стороны, именно В. Ластовский и К. Дуж-Душевский, оказавшись втянутыми в конфликт с новым правительством БНР, призывали А. Луцкевича взять на себя фактическое руководство белорусским движением в Польше[33]. «...Прошлое давно я уже забыл, — пишет из Женевы в Вильно В. Ластовский, обращаясь к А. Луцкевичу, — а с другой стороны, пришел к убеждению, что нашему делу нужны авторитеты и что пока их у нас не будет, будет одна анархия, а так как Вы один из тех, кто больше всего пожертвовал на наше дело, я отдаю свой голос за Вас». О своих оппонентах сам Ластовский писал: «Организация, которая именует себя “Деятели белорусской колонии в Литве”, — которой заслоняется А. Коробач и, прячась за него, как дирижер, некто А. Цвикевич, который хвалился и дальше хвалится “хоронить” меня, — отчасти персонально являются той же самой группой, которая имеет отвагу именовать себя как Заграничный комитет БПСР»[34]. Наметившемуся сближению способствовал и тот факт, что сам В. Ластовский выполнял функции курьера, передавая на руки виленским белорусам субсидии со стороны литовского правительства — по 150 долларов в месяц. 14–20 июля 1923 г. В. Ластовский впервые едет в Гданьск на встречу с представителями Западной Беларуси. Позднее эта помощь стала поступать через другие каналы, что, по признанию самого В. Ластовского, выбило из его рук «возможность влиять на виленские белорусские организации»[35].

На территории Западной Беларуси усиливается коммунистическое подполье и идет прямая диверсия со стороны советских спецслужб («активная разведка»). В противовес им к политической деятельности вновь возвращается генерал С. Балахович, под эгидой которого создается так называемая

влиянием польской культуры, на Мицкевиче и Словацком (Тарашкевич), другие — под влиянием русской, на Пушкине и Тургеневе (Рогуля, Назаревский и Богданович), третьи на независимой ниве (кс. А. Станкевич)»: Рагуля В. Успаміны. Мінск, 1993. С. 22.

33. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1523.
34. Там же. С. 1441, 1524.
35. Там же. С. 1413, 1567.

противопартизанская группа[36]. (Еще в июне 1923 г. в районе Гайновки советскими агентами был убит его брат — генерал Юзеф Булак-Балахович[37].)

Осенью 1924 г. в Вильно организуется Временная Белорусская рада, объединившая вокруг себя «умеренные элементы, которые стремились к лояльному сотрудничеству с польским государством». Уже само ее название напрямую отсылало к еще недавнему времени, когда большинство белорусских организаций использовали эту формулу, и составляло идеологическую альтернативу пражской Раде. Кроме того, возглавил ее Арсен Павлюкевич — один из участников Слуцкого восстания, заменивший П. Алексюка в роли руководителя белорусских «полонофилов»[38].

Любопытно, что в самом Вильно в этот момент наиболее «просоветскими» оставались два других посла — С. Рак-Михайловский и А. Овсяник, еще до недавнего времени бывшие активными деятелями БНР и даже членами Наивысшей Рады. Б. Тарашкевич позже по этому поводу писал: «Определенными советофилами в послевыборный период 1923 г. считались М. Рак и А. Овсяник. Последний, кажется, переходил советскую границу и бывал в Минске (что в Белорусском посольском клубе тогда не было известно). В этом советофильстве должна была играть значительную роль симпатия к мероприятиям советского правительства по национальному и аграрному вопросам, но вместе с тем, вероятно, и ставка на скорый приход

36. Лицкевич А. Степень достоверности — достоверно... // Беларуская думка. 2008. № 7. С. 87–88; № 8. С. 114, 118–119.
37. Согласно следствию, убийцами оказались местные коммунисты, при этом главной жертвой покушения должен был стать сам Станислав Балахович. Попытки произвести покушение на генерала предпринимались и позже: Cabanowski M. Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz... S. 131.
38. А. Павлюкевич был одним из немногих, кто в свое время на политической конференции в Праге поддержал П. Алексюка. «Я определенно иду на компромиссы, я определенно сторонник Польши, — заявил он, обращаясь к сторонникам правительства В. Ластовского. — Та позиция, которую занимаете вы по отношению к Польше, отзовется после на тех партизанах, которые сидят в лесах...». См.: Чарнякевіч А. Беларускія паланафілы і Грамада. 1925 — пачатак 1927 г. // Гістарычны альманах. 2006. Т. 12. С. 64–78.

большевиков на Западную Беларусь в результате предполагаемой войны (последнее, очевидно, у Овсяника)»[39].

Тем не менее именно В. Ластовский и К. Дуж-Душевский одними из первых публично поднимают вопрос о дальнейшем существовании правительства БНР. 24 сентября 1924 г. они публикуют в литовской газете «Летува» (*Lietuva*) «Извещение», в котором объявляют о неправомочности правительства А. Цвикевича. «Несколько лиц, — говорилось в “Извещении”, — желая использовать для своих личных целей имя несуществующего белорусского правительства, назвали себя таковыми, и некто А. Цвикевич стал во главе его...»[40] Уже в середине октября 1924 г. К. Дуж-Душевский едет в Прагу, где вместе с посланным от виленских белорусов Б. Тарашкевичем должен был попытаться ликвидировать правительство БНР. Правда, Б. Тарашкевич не дождался К. Дуж-Душевского и вернулся в Польшу. И. Станкевич заметил по этому поводу, что виленчукам придется принять меры, так как «правительство» добровольно не ликвидируется[41].

В сложившейся ситуации Раде БНР пришлось в первую очередь отстаивать право выступать от имени белорусского народа. «Ни один из краевых центров, — писал осенью 1924 г. П. Кречевский в проекте обращения к Совнаркому БССР, Белорусскому посольскому клубу и Временной Белорусской Раде в Вильно, — не может заменить постановление Рады Республики, как невозможно без согласования с высшей властью Беларуси предпринимать те или иные шаги государственного характера. Всякое сепаративное выступление этих центров является подтверждением разделов Беларуси и переходом от независимости к федерации или даже культурной автономии. Такая деятельность краевых центров должна рассматриваться как предательство независимости Беларуси, и Рада Республики всем своим юридическим и моральным правом требует... остановить вредную для белорусского дела акцию»[42].

39. Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча... С. 59.
40. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1537–1559.
41. Там же. С. 1544.
42. Там же. С. 1539–1540.

П. Кречевский все еще пытался убедить А. Цвикевича в необходимости сохранить любой ценой белорусское правительство. В конце мая 1924 г. он писал из Праги: «Мы же “незалежники”, а они хотят сбить нас на федерацию с советской Россией. За федерацию нам и тут... могут дать и квартиру и деньги на работу, не говоря уже о службе... Мы лично от этого можем только выиграть, но идея независимости потеряет свою актуальность надолго. Теперь же она стоит высоко...»[43]

В заочную дискуссию включился и В. Захарко. В своем обращении к виленским белорусам в начале ноября 1924 г. он писал: «Пришла отвратительная пора, когда люди потеряли все, что должно быть у человека, — честь и совесть...» Дальше он фактически обвиняет западнобелорусских деятелей в молчаливом попустительстве В. Ластовскому и его акции, направленной против правительства БНР. «Трудно, — заканчивал он письмо, — и, конечно, как теперь говорят, против доллара не попрешь, однако мы, несмотря на всю сложность нашего положения, думаем “переться” и дальше, так как лучшего выхода ни для чести, ни для дела не видим»[44].

В середине августа 1924 г. белорусское пресс-бюро в Ковно распространило протест представительства БНР, в котором, ссылаясь в том числе и на решение Краевого центра Западной Беларуси, было заявлено, что «Ластовский является сотрудником МИД Литвы и как таковой не мог быть командирован за границу в качестве представителя белорусов», а сама его командировка «является актом, противоречащим добрым отношениям к Правительству БНР и белорусскому обществу и тем самым нарушающим договор о взаимной поддержке от 11 ноября 1920 г.»[45]

Чтобы как-то спасти ситуацию, А. Цвикевич предпринимает еще одну попытку договориться с литовскими политиками. Он даже собирался созвать в Ковно очередную конференцию, на которой должен был поднять вопрос о дальнейшей судьбе

43. Скарыніч. Вып. 6. С. 74.
44. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1546–1548.
45. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 11. Л. 299.

белорусского национального движения. Впрочем, уже само место ее проведения фактически отсекало от участия делегатов из Виленщины и Гродненщины, которые просто не могли бы въехать в Литву. В начале сентября 1924 г. литовское руководство принимает решение заставить представителей БНР окончательно покинуть Литву. Переломным моментом во многом стали события 24 сентября 1924 г., когда уголовная полиция Ковно ворвалась в представительство БНР и конфисковала книгу регистрации паспортов[46]. Одновременно на страницах официальных литовских изданий публикуются критические материалы В. Ластовского и К. Дуж-Душевского.

10 ноября правительство БНР из Праги направило на имя министра иностранных дел Литвы письмо с перечнем нарушений литовским правительством белорусско-литовского соглашения. «Имею честь просить Вас, Господин Министр, — заканчивал свое послание А. Цвикевич, — в двухнедельный срок со дня получения сего дать мне исчерпывающие разъяснения по всем затронутым вопросам и указать средства к устранению нарушений упомянутого договора. Если по прошествии этого срока я не получу от Вас надлежащего ответа, то, к сожалению, принужден буду, возложив всю ответственность перед белорусским и литовским народами на Литовское Правительство, — договор считать аннулированным, оставив за собой свободу действий»[47]. В итоге 10 декабря 1924 г. президиум Рады БНР фактически объявляет о разрыве отношений с правительством Литвы[48].

С этого момента А. Цвикевич становится частым гостем советского посольства в Ковно. В своих беседах с И. Лоренцем он прямо заявлял, что после разрыва отношений с литовцами у белорусов вновь оказались развязаны руки в отношении «виленского вопроса». Сам И. Лоренц в своем рапорте за февраль 1925 г. писал: «Цвикевич как человек простой и открытый. Открытый не потому, что искренний, а потому, что недостаточ-

46. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 200.
47. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 238–239.
48. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 192.

но дальновидный... Несомненно, что его группа еще не отказалась от планов по созданию независимого демократического белорусского государства, но он считает, что единственной возможностью для работы в белорусском духе является Минск... Безусловно, его приезд в Минск имел бы ряд негативных последствий, но не стоит забывать и про пользу, которую бы он принес, — раскололась бы белорусская эмиграция, начали бы ездить также и другие. На мой взгляд, белорусский вопрос вскоре будет для нас весьма актуальным, и не стоит этого недооценивать... мы должны подготовить позицию для будущего»[49].

Дошло до судебного процесса между А. Вальковичем и В. Ластовским за право использовать помещение миссии БНР. В начале 1925 г. Ластовский писал И. Яниносу: «...Два года на меня сыплются камни со стороны компании Цвикевича. Живу буквально в тюремных условиях, окруженный каждодневными придирками, с одной стороны... хозяйки дома, а с другой — постоянными нападками компании Цвикевича, которая заселила половину моей квартиры, потеснив меня в одну комнату...»[50]

Нехватка средств, однако, привела к тому, что уже 19 января 1925 г. представитель белорусского правительства вынужден был покинуть здание, с которого сняли флаг и вывеску[51]. Выброшенными фактически оказались и архивы белорусского правительства. 24 января 1925 г. А. Валькович обратился к консулу Чехословакии в Литве как «представителю дружественного и братского... славянского народа» с «покорнейшей просьбой предпринять возможные... шаги в смысле защиты белорусского национального дела, в частности, в смысле спасения столь ценных для Беларуси архивов». «Означенный архив, — говорилось в обращении, — имеет исключительно важное значение для истории белорусского освободительного движения, для культуры и будущей общественной работы на Беларуси»[52].

49. Ibid. S. 257–258.
50. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1568.
51. Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej... S. 202.
52. НАРБ. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 198. Арк. 20–22.

Опасаясь, что наметившееся сближение Польши с Литвой позволит В. Ластовскому выйти из изоляции, Секретариат ЦК КП(б)Б принимает решение любой ценой помешать ему реанимировать «белорусский» проект, но уже в новой форме — «Кривии». В роли главного «тарана» на этот раз должен был выступить А. Цвикевич, а обязанности «кукловода» ложились на плечи Александра Ульянова, который фактически заменил в этом деле Александровского. Белорус, рожденный в Минске в 1901 г. в семье земского врача, свою политическую карьеру А. Ульянов начал в Февральскую революцию как активный деятель партии российских эсеров. Позже вступил в коммунистическую партию, стал заместителем уполномоченного Наркомвнешторга в Беларуси, с 1924 г. — директор южного отделения треста «Лесбел» в Крыму, управляющий Рижским отделением этого же треста (Латвия). С июня 1925 г. — атташе, позже советник полпредства СССР в Польше[53].

«Ульянов, — характеризовал позднее советского полпреда Б. Тарашкевич, — благодаря своим личным качествам, знанию белорусского языка и белорусской политической жизни и, главное, благодаря тому доверию, какое ему оказывала партия и советское правительство, завоевал себе симпатии и полное доверие у представителей белорусского национально-освободительного движения». Сам А. Ульянов несколько лет спустя так описал стоявшее перед ним задание: «За границей имелся целый ряд белорусских эмигрантских групп... Эти белорусские группы противопоставляли себя советскому правительству, везде выставляя себя как “представителей народа”. Наша задача была обезглавить, обезвредить эти группы, обещая им амнистию и работу по приезде в СССР. Это было проделано. Мы организовали это так, что на эмигрантской конференции в Берлине были наши люди...» Первоначально связь между руководством Советской Белоруссии и виленскими белорусами

53. Wołos M. O Piłsudskim, Dmowskim i zamachu majowym. Dyplomacja sowiecka wobec Polski w okresie kryzysu politycznego 1925–1926. Kraków, 2013. S. 45–46; Илькевич Н., Платонов Р. Александр Ульянов и версия НКВД об антисоветском подполье в БССР (Фальсификация органами НКВД уголовных дел в 1937–1938 гг.). Минск, 1997. С. 7.

осуществлялась через П. Ильючонка, однако летом 1925 г. он был отстранен от своей деятельности как неблагонадежный. Кроме прочего, советских дипломатов могли насторожить слухи о возможных переговорах правительства БНР с Польшей о приезде в... Варшаву[54].

Ситуация вокруг белорусской диаспоры окончательно превратила БНР в заложника советской политики. Еще в феврале 1925 г. был ликвидирован белорусский центр в Латвии. Власти обвинили местных деятелей в связях с Минском и планах по присоединению Латгалии к Советской Беларуси. Обвинения эти, по сути, строились на школьной карте с границами белорусского этноса далеко за пределами БССР и на поздравительных открытках в честь Дня независимости! В результате уже летом по приглашению полпредства СССР в Латвии в Минск выехал бывший директор белорусской гимназии в Двинске И. Красковский. Историк А. Сидоревич считает, что в БССР тот отправился в качестве разведчика и от того, как его «примут», зависело, ликвидируется правительство БНР или нет. Вскоре в Прагу из Минска отправляется письмо, выдержанное в весьма «розовых» тонах. Правда, тот же А. Сидоревич высказывает предположение, что на момент своего приезда в Минск сам Красковский мог быть связан с советскими спецслужбами[55].

В начале 1925 г. заместитель директора Люцинской белорусской гимназии В. Пигулевский писал в Краевой центр: «...Нужно прежде всего выяснить нашу основную, главнейшую программу — символ веры. Это следует сделать громко, не прячась под ворохом разных “дипломатических обстоятельств”... Вам хорошо известно, что в межнациональных отношениях считаются только с силой. Уже прошел тот период, когда лимитрофы переживали свой “медовый месяц” и держались за старые идеалы и права порабощенных народов... Теперь они — государства, и ничто государственное “им не чуждо”. Теперь они считаются только с силой — и горе нам, если мы никаким

54. Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча... С. 67.
55. Сідарэвіч А. Зорны час і галгофа Аркадзя Смоліча // Наша ніва. 07.09.2016. № 27. С. 16–17.

способом не можем показать свою силу. Нужно если не дать кулаком в морду, то припомнить в ясных словах, что если придет первая возможность, то мы дадим. Правда, мы закованы в цепи, сидим в неволе — но плохо думает тот, кто считает более подходящим надеяться на милость хозяина и ждать хороших отношений за “хорошее молчаливое поведение”. Такого добродушного раба съедят с косточками». Те же белорусы Латвии если на что и надеялись, так это на «белорусизацию» именно... Минска! Пигулевский продолжает в своем письме: «...Вместе с вами жду того момента, когда Минск станет по-настоящему белорусским». Он всячески поддерживал членов Краевого центра в нежелании «отдавать инициативу возрождения в чужие руки»[56].

2 марта 1925 г. А. Цвикевич, обращаясь к Краевому центру в Вильне, раскритиковал его отношение к правительству БНР: «Вы выбиваете почву из-под ног нашей пропаганды независимости Беларуси... После этого наше пребывание за границей — как и вообще вся наша работа до сегодняшнего дня — носит характер чего-то невнятного, несерьезного, с чем не стоит считаться, чему нельзя верить...»[57] В ответе из Вильно белорусской эмиграции недвусмысленно дают понять, что ее время прошло. На страницах местных белорусских газет самой разной ориентации печатаются статьи с призывом к деятелям БНР «возвращаться домой». В апреле 1925 г. в Праге прошло совещание с участием А. Цвикевича, П. Кречевского, Б. Тарашкевича, В. Игнатовского, А. Смолича и Беккера, на котором прозвучала идея создания единого белорусского фронта.

Сама конференция, или Второе белорусское национальное совещание, как было первоначально запланировано, готовилась с целью создания так называемого «заграничного представительства». Средства на ее проведение пообещала выделить Литва, чье руководство было заинтересовано в том, чтобы, с одной стороны, покончить с правительством БНР как уже изжившим себя политическим проектом, а с другой — сохранить

56. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 7. Л. 26–29.
57. Архівы БНР. Кн. 1. Т. 2. С. 1576.

влияние на белорусов[58]. Непосредственно переговоры об организации совещания с А. Цвикевичем и В. Ластовским от имени Краевого центра вел кс. А. Станкевич, который поддерживал также тесные отношения с Ковно. В конце мая — начале июня 1925 г. в Гданьске белорусские деятели обсудили будущую политическую конференцию. В. Ластовский позже вспоминал: «На совещании около Данцига в Оливе, где присутствовали я, Цвикевич, Тарашкевич, Яремич, Станкевич и др., Цвикевичем было поставлено предложение о ликвидации правительства БНР, я возражал против ликвидации, потому что мне казалось, что с ликвидацией правительства БНР не будет за границей голоса в пользу белорусского народного движения. Инициатором возвращения в БССР был А. Цвикевич, и его поддерживали громадовцы»[59].

Однако к концу лета ситуация вокруг конференции успела коренным образом измениться. 14 августа 1925 г. ЦК КП(б)Б принял решение о финансировании конференции в Берлине при условии признания Минска в качестве единого политического и культурного центра, отказа от ориентации на Лигу Наций и передачи полномочий БССР. На проведение этой акции было решено выдать А. Ульянову 3 тыс. рублей. Не случайно уже очередная встреча в Гданьске в августе 1925 г. проводилась за счет средств советского полпредства в Литве. Как раз накануне на встрече в Сопоте между представителями Советской и Западной Беларуси было окончательно решено создать единый политический фронт (А. Ульянов выступил на этом совещании с докладом относительно запланированного роспуска правительства БНР). «Несколько дней спустя после сопотского совещания я встретился случайно в Данциге с Ал. Цвикевичем, — пишет Б. Тарашкевич. — Он заявил, что считает “историческую” роль бэнээровского правительства законченной, проигранной, что надо ехать в БССР для созидательной работы. Выразил полную готовность признать безоговорочно Советское правительство. Тогда же я

58. Там же. С. 1619.
59. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў. Т. 2. С. 304.

встретил и Ластовского, приехавшего на свидание с ксендзом Станкевичем. В разговоре со мной он не скрывал своего враждебного отношения к советской власти, как раз по мотивам национального характера. К ликвидации бэнээровского правительства относился как к национальной измене»[60].

На самом деле само понимание неизбежности отказа от БНР как исчерпавшего себя политического проекта давалось национальным деятелям ценой огромных психологических и моральных усилий. Тот же А. Цвикевич позже показал на допросе: «Ликвидация БНР не была маневром, который должен был обмануть советскую власть, а... совершенно последовательным политическим актом... Ликвидировать традицию, которая связывала нас преемственно с “Нашай нівай”, ликвидировать центр, который являлся своего рода живой декларацией всего белорусского народнического движения, раскассировать и вбить осиновый кол в политическую установку, которая оформляла национально-демократический идеал этого движения, было не так легко, как это может показаться со стороны. Для этого нужно было пережить тяжелую внутреннюю борьбу, решиться на упрек в ренегатстве, в измене “национальному делу” — упрек, который был действительно брошен в лицо и мне, и моим товарищам...»[61]

2 сентября 1925 г. А. Цвикевич встретился с советскими представителями и в очередной раз пообещал сложить свои полномочия главы правительства БНР. Минск в первую очередь требовал от главы БНР полной и безоговорочной лояльности: либо он и его группа принимают все условия БССР, либо БССР «начинает против них борьбу». Никаких «белорусских комитетов» или подобных структур взамен БНР быть не должно, чтобы никто впредь не «питал иллюзий в белорусском вопросе». Кроме того, вероятно, Цвикевичу удалось получить около 3 тыс. литов на проведение конференции от Министерства иностранных дел Литвы, которая была не меньше Москвы заинтересована в ликвидации белорусского пра-

60. Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча... С. 68–70.
61. Цвікевіч А. Ліквідацыя БНР не была манеўрам... С. 217–218.

вительства. Вся операция укладывалась в три хода: «громкая» декларация, сложение полномочий и отъезд. При случае ЦК поставил на вид Народному комиссариату иностранных дел, проводившему до этого работу по конференции, «отсутствие полной ясности и последовательности»[62].

Буквально за месяц до намеченной конференции в Берлине заведующий подотделом Прибалтики и Польши советского Народного комиссариата по иностранным делам Боркусевич сообщал В. Молотову об имевшихся разногласиях по вопросу ликвидации правительства БНР: «Цвикевич предложил на означенной конференции создать Белорусский заграничный комитет, целью которого было бы постоянное будирование белорусского вопроса в Лиге Наций и других местах, и считал, что только такой бесперспективный комитет вполне достиг бы своей цели. Наш полпред в Москве Александровский присоединился к этой точке зрения, исходя из того, что такой комитет помог бы его работе в Литве, парализовал бы полонофильские стремления и при помощи его можно было бы вообще чинить трудности... в вопросе сближения с Польшей. Минск категорически возражает против создания каких бы то ни было комитетов и требует полной ликвидации эмигрантской белорусской работы, постановив в виде уступки Цвикевичу разрешить ему устройство подобного комитета в Минске. НКИД ввиду крайней спешности не вошел в обсуждение вопроса и согласился на предложение о ликвидации белорусских заграничных центров, на что Цвикевич выразил письменное согласие.

Минск требует обязательной поездки Уполнаркоминдел в Белоруссии т. Козюры на съезд в Берлин, против чего коллегия НКИД категорически возражает, так как даже при негласном присутствии Уполнаркоминдела при правительстве БССР в Берлине во время Белорусского съезда возможна компрометация НКИД. Кроме того, по линии НКИД вполне достаточно негласного руководства Цвикевичем через советника по белорусским делам при варшавском полпредстве т. Ульянова. Кроме

62. Сакалоўскі У. Надзвычайная місія БНР... С. 302, 304.

того, Минск имеет возможность воздействовать на закордонных белорусов через белорусских писателей Жилуновича (член РКП, член Президиума Совета Национальностей), белорусского поэта Куделько-Чарота (член РКП) и Луцевича (Янка Купала), белорусского национального поэта, которые были выделены белорусским ЦК специально для обработки эмигрантского общественного мнения в нашем духе и имеют заграничные паспорта...»[63]

Тем временем А. Ульянов вместе с Л. Приходько, советским полпредом в Праге, который курировал на месте белорусский вопрос, приходят к выводу, что запланированная конференция лишь укрепляет значение эмиграционного центра. К тому же существовало опасение, что В. Ластовский попробует воспользоваться ею для объединения национального движения. Выяснилось также, что накануне А. Цвикевич приезжал в Прагу и вел там секретные переговоры. Кроме того, подготовка к ликвидации правительства БНР совпала с так называемой «сецессией» в рядах западнобелорусских коммунистов и, что не менее важно, подготовкой создания Громады! На совещании по вопросу о проведении берлинской конференции ЦК КП(б)Б постановил организовать политическую кампанию с помощью коммунистических партий Польши и Западной Беларуси, а также задействовать организацию «Громада». А. Ульянову в Варшаве и Александровскому в Вильне поручалось принять активное участие в подготовке самой конференции. Только 4 октября 1925 г., после того как в Праге А. Цвикевич подписывает акт о роспуске правительства БНР и передает его на руки председателю советского белорусского правительства И. Адамовичу и уполномоченному Народного комиссариата иностранных дел Козюре, советская сторона дает окончательное добро на проведение запланированной акции. В тот же день перед отъездом в Берлин Л. Заяц, В. Захарко, В. Прокулевич объявили П. Кречевскому о своей отставке, чтобы «иметь свободными руки для защиты Белорусской Государственности»,

63. Скарыніч. Вып. 6. С. 75.

если бы на конференции возник вопрос о ликвидации правительства БНР[64].

Сделано это было не случайно. Как заметил позже П. Кречевский, «до самого момента созыва конференции... никто не знал, что это будет за конференция и кто на самом деле на нее приедет. Не было известно даже, за чей счет она созывается»[65]. Кроме того, по замечанию историка В. Цинкевича, представители Польши, узнав про конференцию, безуспешно пытались перетянуть на свою сторону часть «старой» эмиграции — П. Кречевского, Л. Зайца и В. Захарко[66].

В инструкции, которая была дана П. Кречевским пражской группе, говорилось: «Права конференции исходят из полномочий принимающих в ней [участие] сторон. Резолюции и постановления получают силу только после утверждения их равноправными органами трех частей Беларуси на равных основаниях. Делегаты правительства БНР едут на конференцию с информационными целями. Обмен мнениями с соответствующими руководителями трех этнографических частей Беларуси и возможность убедиться в доброй воле сотрудничать на благо возрождения Беларуси могут дать делегатам право принять постоянное участие в конференции при расхождении во взглядах, только подав отставку на руки Председателя Рады БНР. Члены Правительства могут принять участие в конференции персонально, без ответа за их поведение со стороны правительства»[67].

Вторая белорусская национальная политическая конференция длилась всего двое суток: с 14 по 15 октября 1925 г. В ней приняли участие 17 делегатов от пражской, берлинской, ковенской и латвийской организаций (примечательно, что представители Минска и Западной Беларуси принципиально не присутствовали; это должно было только сильнее подчеркнуть маргинальный характер самой БНР). От Советской Беларуси

64. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 8. Л. 80.
65. Там же. Л. 79.
66. Цынкевіч В. Палітычныя ўзаемадачыненні паміж БССР і Польскай Рэспублікай у 1921–1929 гг.: дыс. ... канд. гіст. навук. 07.00.15. Мінск, 2004. С. 78.
67. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 8. Л. 80–81.

на конференции присутствовали А. Ульянов, Д. Жилунович и М. Куделька (М. Чарот)[68].

В. Ластовский, а также противники сближения с Минском — Т. Гриб и др. — от участия в конференции были отстранены, а вопрос о создании некоего эмигрантского центра взамен структур БНР больше не поднимался. А. Цвикевич позже вспоминал: «На необходимости формальной, полной ликвидации правительства БНР настаивал я, а также, насколько я помню, тов. Ульянов. Группа Кречевского — Захарко считала эту ликвидацию недопустимой, полагая, что мы должны не ликвидировать БНР, а подать в отставку и ехать каждый как хотел. Берлинская конференция была созвана осенью 1925 г. На ней были: я, Заяц, Головинский, Прокулевич, Захарко, Мамонько, Езовитов, делегат из Риги, Вершинин и представитель студенчества в Праге, Боровский из Берлина. В Берлин в связи с этим выезжали т. Славинский и Игнатовский, но они приехали раньше и уехали обратно. Из Вильно не было никого. От белорусских послов в Варшавском сейме также никто не приехал...»[69]

Среди вынесенных на повестку дня пунктов значились доклады с мест о положении белорусов в Литве, Латвии, под «польской оккупацией», в Советской Беларуси и о белорусских студентах в Праге. Предпоследний вопрос конференции — «Консолидация белорусских сил за границей»[70]. Нельзя сказать, что цели самой конференции составляли какую-либо тайну для ее участников. Не случайно накануне своего отъезда из Праги в Берлин трое членов правительства — Л. Заяц, В. Захарко и В. Прокулевич — подали председателю Рады БНР П. Кречевскому заявление о своей отставке, что фактически лишало их всяческих полномочий[71].

По иронии судьбы в качестве одного из основных врагов белорусского возрождения собравшиеся указали на В. Ластовского с его «историческим романтизмом». Того самого

68. Цынкевіч В. Палітычныя ўзаемадачыненні паміж БССР і Польскай Рэспублікай... С. 78–79.
69. Цвікевіч А. Ліквідацыя БНР не была манеўрам... С. 216.
70. Сакалоўскі У. Надзвычайная місія БНР... С. 303, 314.
71. Там же. С. 325.

Ластовского, которого на Первой конференции в Праге признали его гарантом. В принятой в Берлине резолюции подчеркивалось, что за попыткой придать названию «Кривия» общегосударственный характер скрывается стремление соседних с Беларусью государств «поделить белорусскую землю», а сама резолюция вносит только «разлад в сознание народа»[72]. В других резолюциях Сеньор-конвент протестовал против «невиданных издевательств, которые творит польская власть над беззащитным белорусским населением» Западной Беларуси, и обличал «нечестную политику» Литвы в отношении «виленского вопроса». При этом особенно подчеркивалось, что на восточных землях Беларуси создано белорусское государство в форме Белорусской советской республики[73].

В итоговом протоколе Совета народных министров за 15 октября 1925 г. записано: «Объявить с сегодняшнего дня правительство Белорусской Народной Республики ликвидированным и прекратившим свою деятельность». Под документом стояли подписи председателя правительства А. Цвикевича, исполняющего обязанности министра финансов В. Захарко, государственного контролера Л. Зайца и государственного секретаря В. Прокулевича[74].

Правда, уже под решением правительства признать Минск в качестве «единого центра национально-государственного возрождения Беларуси» В. Захарко подпись не поставил[75]. В Минске могли быть довольны. Спустя неделю после конференции на секретном заседании бюро ЦК КП(б)Б было принято постановление о том, что А. Ульянов «целиком и полностью» выполнил порученные задания. Бывшим членам правительства БНР разрешалось выехать в Советскую Беларусь, при этом А. Головинскому и А. Цвикевичу полагалась «поддержка» в сумме 430 долларов каждому. Собственно, финансовая помощь со стороны Советской России для белорусских органи-

72. Там же. С. 304.
73. Там же. С. 303–306.
74. Там же. С. 307.
75. Там же. С. 308.

заций в Польше в этот период стала чем-то обычным. Только за ноябрь 1925 — май 1926 г. «знакомым» (некоммунистическим организациям) было выделено около 13 тыс. долларов[76].

Спустя еще месяц, 25 ноября, ЦИК БССР утвердил итоги конференции и высказался за использование всех средств для объединения Беларуси[77]. Почти одновременно решение Берлинской конференции попытался опротестовать В. Ластовский, опубликовав заявление о том, что правительство А. Цвикевича с самого начала было нелегитимным. От имени так называемого Союза национально-государственного освобождения Беларуси («Сувязь нацыянальна-дзяржаўнага вызвалення Беларусі») была озвучена резолюция, осуждавшая «банду авантюристов из девяти человек, которые самозванным способом выдавали себя за границей за министров БНР, не имея на это никаких юридических оснований... Кроме этой банды авантюристов, тесно повязанных между собой темным прошлым, больше никакие белорусские (кривичские) организации — ни правые, ни заграничные — с ними не заседали и говорить им от своего имени не поручали. Постановления и резолюции этой группы предателей направлены против освободительного белорусского (кривичского) движения и рассчитаны на то, чтобы посеять смятение в нашей общественной мысли. Указанный съезд и его постановления вызваны не какими-либо идейными стремлениями, а исключительно личными материальными выгодами продажных политиков...»[78]

Однако большинство белорусских организаций высказались в поддержку принятых в Берлине решений. Тот же В. Прокулевич пытался убедить П. Кречевского, что произошедшее — это результат взаимного признания и соглашения между старшим поколением «исторических романтиков» и младшим — реальными политиками, практиками, которые и руководят общественно-государственной жизнью. «Этому

76. Там же. С. 309; Цынкевіч В. Палітычныя ўзаемадачыненні паміж БССР і Польскай Рэспублікай... С. 76–77.
77. Там же. С. 78–79.
78. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 8. Л. 83.

братскому союзу... наши внуки будут слагать песни...» — пафосно заключал он. В. Прокулевич писал: «Наиболее злостный протест против итогов берлинской конференции озвучил “маршалок” Кречевский, поскольку, видите ли, конференция не заметила и не захотела считаться со снизошедшей на него “милостью Божией” — желанием представлять суверенные права белорусского народа. Чего добивается П. А. Кречевский? Позвольте, дядька Петр, отвечу за вас: “Я хочу дать отчет белорусскому народу о святой деятельности за время скитаний по заграницам”. Ну и хорошо, дядька, делайте — печатайте ваш отчет в “Замежнай Беларусі”, — кто интересуется, тот прочтет. Но это вас не устраивает. Вы, как тот избалованный ребенок, начинаете проявлять ваши “капризы”. Вы становитесь в позу и торжественно заявляете: “Хочу отчитываться без ненужных свидетелей — хочу, чтобы сначала за пределы этнографической Беларуси вышли как польские, так и московские войска”. Вот в этот момент и проявляются ваши истинные качества...»[79]

В итоге самому А. Цвикевичу пришлось еще выступить с обширным письмом, в котором он назвал главной национальной задачей «освобождение Западной Беларуси от польского захвата» и еще раз подчеркнул «решительный», а не «тактический» характер ликвидации правительства БНР[80]. Однако сам акт ликвидации был только частью советского плана. Не менее важно было представить его в нужном свете, для чего понадобился весь механизм официальной пропаганды. Замуполномоченного НКИД СССР при правительстве БССР М. Орлов на правах наблюдателя составил обширный обзор под названием «История одного правительства», в котором не скупился ни на обширные цитаты протоколов конференции, ни на саркастические комментарии к ним. Последние несколько лет существования правительства БНР подавались автором в форме гротеска: «В процессе творческой, созидательной работы рабочие и крестьяне БССР совершенно забыли о том, что где-то за кор-

79. Пуцята. Справа паняволеных народаў і шляхі беларускага адраджэньня // Крывіч. 1925. № 10. С. 111–112.
80. Сакалоўскі У. Надзвычайная місія БНР... С. 309–312.

доном существует группка мечтателей-интеллигентов, все еще продолжавших носиться как с писаной торбой с идеей создания Белорусской Демократической Республики. Лишь старожилы Минска помнили, что где-то там сидят чудаки, которые все еще играют в правительство и раздают друг другу портфели»[81].

Более того. Даже сама конференция и принятые на ней решения упоминались с подчеркнутым пренебрежением: «Мы далеки от мысли преувеличивать значение этого "исторического" акта. Мы его констатируем... Бесславный конец группки мечтателей-интеллигентов, испытавших на своей спине прелести "демократической" Европы, был неизбежен. Это был лишь вопрос времени»[82]. Комментарий газеты «Савецкая Беларусь», хотя и был более сдержанным по форме, заканчивался примерно так же: «Это признание нас мало волнует как некий великий политический акт. Мы констатируем лишь сам факт его. Мы показываем, что верный исторический путь возрождения белорусского трудового народа, по которому ведет советское правительство, сейчас признан и теми, кто шел к этой цели путем ошибок и обмана»[83].

И только «Звязда» воспользовалась новостью как поводом указать на «истинного» врага: «Угнетение белорусского населения в Польше и других странах стало настолько невыносимым, что закрывать глаза в дальнейшем на этот факт эмиграция не может. Рост и дальнейшее укрепление БССР, где национальные права наиболее полно осуществлены, на фоне полного бесправия и произвола над белорусским населением в соседних с нами странах в конце концов заставили белорусскую эмиграцию прийти к единственно правильному выводу и признать Минск единственным центром политического возрождения белорусского народа»[84].

81. Там же. С. 313.
82. Там же. С. 318.
83. Там же. С. 323.
84. Там же. С. 321.

Вместо эпилога

Впервые стихотворение Янки Купалы «А хто там ідзе?» было опубликовано в 1908 г. в Санкт-Петербурге в сборнике «Жалейка». Его сюжет незамысловат и вместе с тем глубоко символичен: белорусы, многомиллионный народ в лаптях, разбуженный горем и бедой, несет на окровавленных руках свою обиду, чтобы показать ее всему миру. Главная их цель — «людьми зваться»! Поэт буквально повторил слова, которые всего двумя годами ранее озвучила в качестве своей главной цели газета «Наша ніва»: «Чтобы все белорусы, которые не знают, кто они есть, — поняли, что они белорусы и люди»[1]. Ничего удивительного, что стихотворение почти сразу стало гимном белорусского возрождения.

Прошло чуть более десятилетия, и белорусское движение превращается в ведущую культурную и политическую силу края[2]. Вопрос «Кто там идет?» больше уже не стоял. Ответ был очевиден: «Кто мы? — Мы белорусы. Кто такие белорусы? – Белорусы — это народ славянского племени. Почему мы называемся белорусами? — Потому что мы родились белорусами, нас вскормила белорусская земля, выросли и живем в Беларуси. Кто такой Белорус? — Белорус — тот, в чьих жилах течет белорусская кровь, чьи прадеды, деды и отцы были белорусами. Как называется тот, кто отрекается от своего народа? — Тот, кто отрекается от своего народа, называется предателем, отступником...»[3]

1. Унучак А. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух... С. 118.
2. Цит. по: Булгаков В. История белорусского национализма. С. 32.
3. Што трэба ведаць кожнаму Беларусу. Менск, 1918. С. 1, 17–18.

Теперь нужно было определиться в направлении пути. Пока в Польше шли очередные процессы над белорусскими партизанами, а в Латвии только освободились из тюрьмы белорусские учителя, арестованные по обвинению в разжигании сепаратизма, в Советской Беларуси белорусский язык перековывается в инструмент большевистской пропаганды. Как сказал В. Игнатовский: «Белорусский язык, которым раньше пользовались только в крестьянском и рабочем обиходе, стал языком партии, государственных учреждений, школы, прессы, театра и т. д.»[4] В своем интервью латвийской газете в конце 1922 г. А. Червяков обрушился на белорусских «возрожденцев», «косящихся в сторону белорусских эмигрантов, осевших в Вильно и Ковно», которые никак не могут примириться с диктатурой пролетариата. «С ними советское правительство шутить не намерено, — предупреждал он. — Мы сделали все возможное, чтобы привлечь лучшие культурные силы Белоруссии к государственному советскому строительству. Все самое ценное, нужное и полезное откликнулось на наш призыв и работает вместе с нами. А шептунам и саботажникам, враждебным нам, не место в Советской стране»[5]. Фактически именно новая политика советской власти в сфере национальной культуры стала тем последним аргументом, который убедил белорусских деятелей отказаться от идеи Белорусской Народной Республики[6].

В Западной Беларуси первая после роспуска самого белорусского правительства годовщина провозглашения независимости БНР пришлась на пик активности Белорусской рабоче-крестьянской громады, руководители которой открыто противопоставляли себя «БНРовской» идеологии. Неформальный лидер Громады и бывший премьер Белорусской Народной Республики А. Луцкевич напрямую бросил упрек «западным демократиям», которые принесли белорусскую независимость

4. Беларусізацыя. 1920-я гады. Дакументы і матэрыялы. С. 102.
5. Новое русское слово. 12.12.1922. № 3608.
6. Подробнее на тему политики белорусизации см.: Маркава А. Шлях да савецкай нацыі: палітыка беларусізацыі (1924–1929). Мінск, 2016.

в жертву своим интересам. Признавая сам факт того, что акт 25 марта — провозглашение независимости БНР — сыграл «великую роль в пробуждении массового самосознания и активизации белорусского народа», он видел прямое его продолжение в Советской Беларуси: «Там — и только там — белорусская государственность стала свершившимся фактом»[7].

С такой позицией не соглашались возглавлявшие Белорусский крестьянский союз Фабиан Еремич и Василь Рогуля. По их мнению, любая внешняя сила представляла угрозу национальным интересам, и по этой причине все предыдущие попытки найти себе союзника — «ставка на кайзера, Пилсудского и Ленина...» — закончились для белорусского движения крахом и были «наихудшим злом для Беларуси». В новых политических реалиях должна была прийти последняя ставка — на самих себя[8].

Глава белорусских христианских демократов ксендз Адам Станкевич хотя и считал, что сохранение во имя идеи независимости Беларуси эмиграционного правительства БНР было необходимо, но полагал, что в условиях общей стабилизации политической ситуации в Европе его существование в полном составе не имеет практического смысла[9].

Одним из немногих лидеров тогдашнего национального движения, категорически отвергших предложение «забыть» о 25 марта, был К. Езовитов. Еще за несколько месяцев до ликвидации последнего правительства БНР он писал в Прагу, обращаясь к П. Кречевскому: «Ты глупостей не делай и крепко

7. «Идея белорусского государственного строительства, которую попрал "демократический" Запад, — делал он вывод. — начала реализовываться на Востоке. Прошлый год, когда самоликвидировалось так называемое правительство Белорусской Народной Республики, закончив тем самым свое трагическое скитание по чужбине, — показал лучше всего, каким образом активные белорусские возрожденцы отнеслись к этой новой эре...»: На прадвесні (Аднаднеўка). 25.03.1926. С. 1.
8. Стаўка на кайзера, Пілсудскага, Леніна // Сялянская ніва. 21.03.1926. № 10. С. 1.
9. Именно белорусские христианские демократы продолжали неизменно праздновать 25 марта на протяжении всех 1920–1930-х гг.: Кароткі нарыс беларускага пытаньня // Arche. 2007. № 11. С. 356.

держи старое знамя независимости — сохраняй и мандаты Рады БНР, так как они и есть тот кнут (пуга), что подгоняет и западных и восточных оккупантов нашей земли на разные национальные уступки нашему народу на местах. Если ты сложишь мандаты — больше не будет пуги. Ты должен законсервироваться, сделаться на самом деле “мощами белорусской независимости”, на которые одни будут молиться, а другие — плевать, однако все вместе будут считаться с их существованием»[10].

«Мощи белорусской независимости» — эти слова означали конец целой эпохи. Спустя год после Берлинской конференции тот же К. Езовитов сдал в только что созданный Белорусский государственный музей мундир полковника Особого отряда БНР. Но тот так никогда и не попал в экспозицию. Пару лет спустя он послужил для съемок фильма «В огне рожденная»: по сюжету в него был одет комического вида контрреволюционер, выступающий на фоне бело-красно-белого флага. Большевики постарались присвоить себе и другие атрибуты БНР: на заседании ВЦИК СССР в феврале 1927 г. в Москве Адамович заявил, что правительство БНР ликвидировалось, сдав печать и казенный штемпель[11].

И все же ликвидацию Рады министров БНР никак нельзя назвать «крахом». Не случайно заместитель полномочного представителя ОГПУ по Западному краю И. Опанский в докладной записке на имя председателя ОГПУ СССР В. Менжинского 28 декабря 1926 г. предупреждал об угрозе усиления в БССР «национально-демократического движения». Он особенно подчеркивал, что руководящую роль среди «незалежников» играют «бывшие министры различных составов правительства Белорусской Народной Республики»: И. Лёсик, А. Цвикевич, Л. Заяц, А. Валькович, А. Смолич и др. Автор записки предостерегал от «новой белорусской молодой интеллигенции», которая, по его мнению, начинает работать против большевиков[12].

10. Скарыніч. Вып. 6. С. 75.
11. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.
12. Скарыніч. Вып. 6. С. 140–143. Для сравнения, о взглядах на национальные

В условиях военного противостояния и перманентной оккупации края БНР проиграла борьбу за власть, не успев закрепиться на послевоенной карте Восточной Европы. Исходя из сложившейся международной ситуации и внутриполитической обстановки, ее правомерно охарактеризовать как один из этапов суверенизации белорусской нации. Фактически мы имеем дело с процессом, который так и остался на стадии кристаллизации главных политических и административных институтов[13].

БНР как политический институт осталась только проектом, созданным с целью достижения реальной независимости. И в этом была вся трагедия движения. Но именно провозглашение независимости БНР стало триумфом национальной идеи! А. Цвикевич, последний из премьер-министров БНР, сформулировал суть этого триумфа емко и просто: «Акт 25 марта не ищет для себя оправдания... Он своим содержанием утверждает историческое право народов Беларуси на свободу... Беларусь не стала независимым государством. Но это не уменьшает чрезвычайной, исторической ценности этого акта как главнейшего закона белорусского освободительного движения, всего белорусского возрождения. Он стал не законом, проведенным в жизнь, но стал законом белорусской жизни»[14].

После Берлинской конференции носителем «идеи суверенной Беларуси» была Рада БНР[15]. Для того же П. Кречевского его почетный титул председателя Рады БНР стал сознательным выбором пути, который он прошел до конца. «Надо знать, — писал он, — что власть — не радость и личное благополучие, а крест, который народ возлагает на плечи лучших сыновей, чтобы они сделали то, чего не может сделать народ сам. Не надо пессимизма и безнадежности — надо твердо ид-

проблемы Советской Украины в этот же период см.: Марчуков А. Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е гг. Цели, методы, результаты. М., 2015. С. 228–240.

13. БНР: поверх барьеров // СБ – Беларусь сегодня. 22.03.2008.
14. Цвікевіч А. (А. Галынец). Чатыры гады (1918 — 25.03.1922) // Спадчына. 1996. № 3. С. 148.
15. Буча А. Беларуская дыяспара ў Чэхаславакіі... С. 8.

ти к своей цели, тогда скорее может наступить и конец нашему кресту, который мы с гордостью и удовольствием положим у ног выбравшего нас народа и скажем, что мы с честью выполнили свой долг». Со смертью П. Кречевского в 1928 г. бессменным руководителем Рады БНР оставался Василь Захарко.

Можно долго дискутировать относительно причин и обстоятельств принятия Радой Белорусской Народной Республики Третьей уставной грамоты, однако бесспорно, что именно провозглашение независимости Беларуси в конце марта 1918 г. стало в итоге рождением идеи белорусской государственности, и этих нескольких строк текста оказалось достаточно, чтобы открыть новый раздел в истории белорусского народа. Другое дело, что сама Третья уставная грамота появилась на свет «после долгих и бурных споров» и, по сути, была результатом интеллектуального творчества узкой политической группы. Отсюда — ощущение неуверенности в реализации собственных деклараций, сомнения и постоянный поиск геополитических партнеров, которые были бы заинтересованы в соседстве с новым государством.

Проблема осложнялась тем, что среди народов бывшего Великого Княжества Литовского не было ни одного, который бы не мечтал о собственном государстве в широко трактуемых, с этнографической точки зрения, границах. Учитывая же общую слабость белорусского национального движения, даже на фоне ближайших соседей, надеяться на равноправный диалог не приходилось. За короткий промежуток времени белорусские политические деятели успели в той или иной степени опробовать несколько подобных проектов, начиная от посылки телеграммы на имя германского кайзера и заканчивая подписанием договора с Литвой в конце 1920 г.

Белорусская Народная Республика как реальное государство со всеми классическими атрибутами государственности до конца не сформировалась. Наибольшие ее успехи видны в сфере развития национальной культуры и просвещения, издательской деятельности. Очень скромно выглядят достижения БНР в деле организации национальной армии, реализации

финансово-экономических проектов. Определенных результатов достигли белорусские деятели на дипломатическом поприще, хотя к реальным последствиям в деле признания Беларуси как субъекта международного права это не привело. Европа, к сожалению, осталась равнодушной к голосу представителей белорусского народа.

Один из последних политических меморандумов вышел из-под пера председателя БНР всего за несколько месяцев до начала Второй мировой войны. «Белорусский народ, — писал В. Захарко, — будет всемерно помогать каждой из тех сил, которая может помочь ему разбить тот ад, в котором он так долго варится, и разрушить ту тюрьму, в которую он заточен». По горькой иронии судьбы адресатом В. Захарко был канцлер Германской империи Адольф Гитлер...[16]

16. ГАРФ. Ф. 5875. Оп. 1. Д. 21. Л. 26–35.

Именной указатель

Научное издание

Чернякевич Андрей Николаевич

БНР. ТРИУМФ ПОБЕЖДЕННЫХ

12+

Ответственный за выпуск *Андрей Янушкевич*
Редакторы *Наталья Кучмель, Виктор Иванов*
Корректор *Ирина Кухальская*
Компьютерная верстка *Андрей Янушкевич*
Дизайн обложки *Евгения Богданович*
Подготовка иллюстраций *Алесь Жинкин*
Оформление указателя *Елена Торговцева*

Подписано в печать 17.03.2018. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,4. Уч.-изд. л. 18,0.
Тираж 700 экз. Заказ 2741.

Индивидуальный предприниматель
Янушкевич Андрей Николаевич.
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя
печатных изданий № 1/128 от 11.03.2015.
Ул. Шафарнянская, 3/135, 220125 г. Минск.
https://januskevic.by

Общество с дополнительной ответственностью «Новапринт».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя
печатных изданий № 2/54 от 25.02.2014.
Ул. Геологическая, 59, к. 4, п. 10, 220138 г. Минск.